

<36632026800012

<36632026800012

Bayer. Staatsbibliothek

ПОВѢСТИ, АНЕКДОТЫ и СМѢСЬ,

ИЗДАНЫЯ

М. КАЧЕНОВСКИМЪ.

~~~~~  
Ч А С Т Ъ II.  
~~~~~

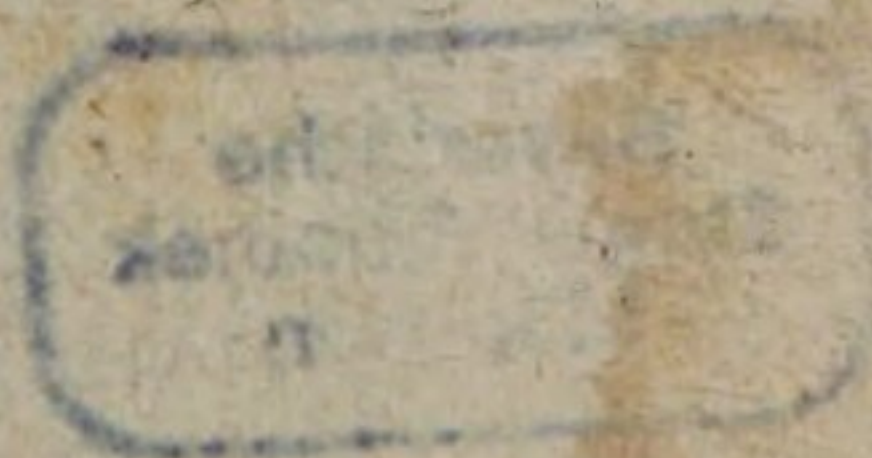

Д.В. КОКОРЕВА

~~~~~
М О С К В А.

Въ Университетской Типографіи

1819.

Р. о. н. н. 144 f /
(2. 3)

Печатамъ дозволяется съ тѣмъ, что-
бы по оппечатаніи, до выпуска въ про-
дажу, представлены были въ Цензурный
Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги
для Цензурнаго Комитета, другой для
Департамента Министерства просвѣще-
нія, два экземпляра для Императорской
публичной Библіотеки и одинъ для Им-
ператорской Академіи Наукъ. Москва,
Мая 5 дня 1819 года. **Ординарный
Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ
и Кавалеръ И. Двигубскій.**

Изданіемъ Коммиссіонера Императорскаго
Московскаго Университета А. С. Ширяева.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

8182/50216

ПОВѢСТИ и АНЕКДОТЫ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ,

*или Графъ Загоровскій и Яшка
Кривошея.*

СПРАВЕДЛИВАЯ ПОВѢСТЬ.

Письмо I.

*Отъ Графа Загоровскаго изъ С.
Петербурга къ Полковнику Щеро-
польскому въ Варшаву.*

Любезный товарищъ рапныхъ подви-
говъ, или лучше, достойный настав-
никъ моей юности! вотъ я уже на мѣ-
стѣ моего предназначенія. Монархъ
пожаловалъ меня Высочайшею своею ми-
лостію, и возвелъ на степенъ значи-
тельную. Упражненія мои по должно-
сти таковы, чпо я, будучи всегда
ими занятъ, не имѣю досужнаго

Часть II.

А 2

времени погружаюсь въ обыкновенныя
 свои размышленія, за которыя ты столь
 часто журилъ меня, и которыя называлъ
 неприличными моему возрасту. — Въ
 самомъ дѣлѣ, бывши всю дорогу одинъ,
 безъ товарища, и не могши по причинѣ
 зимней поры забавляться чтеніемъ, я
 имѣлъ возможность внимательнѣе замѣ-
 чать за собою и началъ себя разсмапри-
 вать; чтожь вышло? Еще и теперь не
 умѣю отгадать причины того располо-
 женія къ сильной чувствительности и
 вмѣстѣ той холодности къ семействен-
 ному счастью, которыя отчасу болѣе
 въ себѣ замѣчаю. Непонятное дѣло!
 Будучи молодъ, здоровъ, богатъ, сво-
 боденъ отъ тѣхъ спрасей, которыя
 обыкновенно ослабляютъ власть разума,
 принадлежа къ фамиліи, къ которой же-
 лали бы принадлежать многіе, — въ нѣ-
 дрѣ етой же самой фамиліи вовсе не
 нахожу для себя того невиннаго, сладо-
 стнаго удовольствія, того райскаго
 блаженства, которыя съ восторгомъ у-

смаприваю въ моихъ сверстникахъ. Безпреспанно упрекаю себя холоднымъ расположеніемъ своимъ къ бапюшкѣ, припужденными, всегдашнимъ безпокойствомъ сопровождаемыми поступками съ сеспрою, — и при всемъ томъ никакъ не могу преодолѣть себя, не могу ни чувспвовать, ни поступать иначе! — Открываясь передъ тобою въ смутныхъ мечпахъ своихъ и мысляхъ, признаюсь, что хотя давно уже онѣ лежатъ у меня на сердцѣ, но никогда такъ не тягопили его какъ при послѣднемъ прощаньи моемъ передъ отъѣздомъ изъ дому. Доброй родитель мой, вопреки обыкновенно суровой своей наружности, нѣжнѣе чѣмъ когда-либо прижималъ меня къ своему сердцу; опечаленная сестра украдкой опирала текущія слезы; домашніе плакали: только одинъ я, при спокойной холодноспи къ отцу, при какой-то непонятной досадѣ на плачущую сестру, ощущалъ сильное, но странное, совсѣмъ ненатуральное,

въ себѣ движеніе ; спарался распочать учпивоспи, чптобы не показать себя не- благодарнымъ челоѡкомъ ; вскочилъ наконецъ въ коляску, и какъ безчувствен- ный , съ какимъ - то пріумфомъ , боюсь сказаъ съ удовольствіемъ , удалялся отъ родипельскаго дома. Въ ту мину- шу я радъ бы былъ уже отъѣхать за сто миль , лишь бы только не думать , что естъ созданіе , слезящими взорами сопровождающее мою коляску; но еслибъ ешаго небыло, то я, кажется, мучился бы жестокою скорбію. Такая пропивопо- ложность движеній , столь спранныя чувства, я увѣренъ, никакъ не принадле- жать къ моему характеру; ибо за день прежде, прощаясь въ Гоноратою, копорая только ходила за мною въ дѣпспвѣ , я шакъ былъ распроганъ , что нѣсколько разъ возвращался къ почтенной спару- шкѣ, когда испрашивала она небеснаго мнѣ благословенія , и снова ее обнявши, едва имѣлъ силы ее оставиъ. — Ты самъ , любезный Вацлавъ, можешь засвидѣтель-

спивовашъ о чувствительности моего сердца, и еслибъ не долгъ службы, который не дозволилъ тебѣ дождаться моего отъѣзда, то тебѣ, тебѣ именно былъ бы посвященъ послѣдній взоръ мой. Прости, другъ несравненный! будь здоровъ, и храни въ сердцѣ вѣренную мною тайну. Чужіе люди спали бы толковать ее по своему; но для дружбы она — залогъ священный.

П и с ь м о II.

Отъ тогожъ къ тому же.

Другое уже письмо пишу къ тебѣ, сердечный другъ мой! Ето есть сладостная потребность моего сердца, привыкшаго всѣ чувства свои дѣлить съ тобою. — Будь спокоенъ, любезный Вацлавъ, и не опасайся, чтобы здѣсь могъ найтись какой нибудь тебѣ совмѣстникъ въ нѣжной дружбѣ нашей. Здѣсь, какъ и вездѣ, придворные мало! способны питать въ сердцѣ своемъ чувство дружеской привязанности; а я по должности своей только съ ними и обращаюсь.

До сихъ еще поръ ничего не получаю отъ васъ изъ Варшавы. Неблагодарно было бы забыть того, которой живешь только вами, въ однихъ только васъ полагаетъ все свое счастье. — Сестра моя, любезная моя сестрица! . . . О, какъ себя укоряю, что такъ холодно разспался съ нею! . . . Но какая-то неизвѣстность, опасеніе переслупить за черту братской привязанности, наконецъ присутствіе стороннихъ. . . Ибо, еслибъ ты одинъ только былъ свидѣлемъ. . . Но что я говорю? Не уже ли грѣшно, или преступно ближайшему родственнику, въ присутствіи домашнихъ, даже передъ лицомъ всего свѣта приносить дань хвалы и удивленія сему образу Божества, совершеннѣйшему Его творенію? Отвѣчай, вѣрный другъ мой, отвѣчай мнѣ искренно, съ извѣстною рѣшимостію своего характера; ибо тутъ есть нѣчто такое, что не дозволяетъ мнѣ быть спокойнымъ.

Въ сію минуту принесли ко мнѣ связку писемъ. Вотъ почеркъ моего батюшки; вотъ рука почтенной Гонораты; а опъ тебя ничего невижу, и крайне беспокоюсь. Но спѣшу кончить, чпобы не опоздать на почту. Прости и будь счастливъ.

П и с ь м о III.

Отъ Гонораты изъ Служева къ Графу Загоровскому въ С. Петербургъ.

Сіяшельный Графъ! нѣтъ, скажу лучше мой любезный Карлъ! Имѣю право писать въ вамъ съ такою смѣлостію, имѣю болѣе права, нежели вы думаете. — Вы непомните, сколько споили мнѣ слезъ; непомните, опъ какихъ опасностей я васъ избавила; вы непомните ешаго . . . пошому чпо незнаете. Но чпо было, того уже нѣтъ; станемъ говорить о томъ, чпо теперъ дѣлается.

Во первыхъ доношу вамъ, чпо по опъѣздѣ вашемъ мы всѣ были словно

какъ безумные ; но мало помалу все
 опяшь пришло въ порядокъ. Его милость,
 господинъ Спароспа , всегда занятый
 какими - то важными дѣлами , или пи-
 шеть къ большімъ господамъ , или
 разговариваетъ съ ними. Онъ дово-
 лень , что вы теперь отправляете та-
 кую значную должностъ , и что , кажет-
 ся , утѣшаетъ его въ вашемъ опису-
 ешви. Барышня Тереза, епопъ Ангелъ,
 а не дѣвица , всѣми въ домѣ любимая ,
 по цѣлымъ днямъ сидитъ запершись съ
 гувернанткою , и только по вечерамъ
 выходитъ въ гостинную , гдѣ обыкно-
 венно собираются сосѣди. Тутъ , на при-
 мѣръ , часто бываетъ и госпожа Кашпе-
 лянша съ своею племянницей , которая
 въ тѣсной дружбѣ съ Терезой. Я замѣ-
 чаю однако же , что барышня Тереза съ
 нѣкотораго времени все груститъ и по-
 скуетъ. Третьяго дня она съ мадамой
 ѣздила въ Виллановъ ; опшуда обѣ при-
 шли ко мнѣ пѣшкомъ. Я приняла ихъ
 какъ только можно лучше ; но скоро

увидѣла, что барышнѣ Терезѣ все не-
 мило на свѣшѣ; она даже не отвѣдала
 и сливокъ, до которыхъ бывала боль-
 шая охотница: все задумывалась подъ
 деревомъ, гдѣ вы когда-то вмѣстѣ си-
 живали, и ласкала собачку, которую
 вы ей подарили. Пошла на ближній лугъ;
 нашедши тамъ цвѣтокъ братъ съ сест-
 рою (*), вынула изъ земли цѣлой кустъ
 и посадила его на краю нашего цвѣш-
 ника, убѣдительно прося меня, чтобы
 я поливала его. Она хочеть приходишь
 къ своему кустику, чтобы освѣдомлять-
 ся о постоянной привязанности къ себѣ
 брата, или узнать, не перемѣнился
 ли онъ въ душѣ своей. Я, не любя во-
 рожды, хотѣла было пожурить барыш-
 ню за такія зашвы, да пожалѣла мою
 милочку, и вмѣсто угрозы, схвативши
 руку ея, облила своими слезами. О, ко-
 гда бы угодно было судьбамъ Божиимъ!...
 Но, нѣтъ, нѣтъ . . . не возможное дѣ-
 ло! — Батюшка мой, баринъ! ради Го-

(*) Тотъ же что Иванъ да Марья.

спода, несбивайся никогда съ прямой дороги! Одна ошибка ведетъ за собою другую, другая прешью, а шамъ челсвѣкъ такъ запутаешся, что уже и освободиться будетъ не можно.

П и с ь м о IV.

Отъ Старосты Пышневскаго къ сыну его, Графу Загоровскому.

Спѣшу писашъ къ тебѣ, сынъ мой, и спѣшу именно для того, чѣобы при первомъ твоемъ въ свѣшъ вступленіи, или лучше сказахъ, при первомъ вступленіи на поприще политическое, возобновишь въ памяти твоей наспавленія, преподаанныя мною тебѣ передъ отъѣздомъ. — Не рѣдко отъ перваго шага зависишь жребій цѣлой жизни. Если неосторожными поступками, дурнымъ выборомъ сообществъ, довѣренностію къ недостойнымъ людямъ, лѣностію или мотовствомъ на важномъ поприщѣ нынѣшней службы уничижишь выгодное о себѣ мнѣніе; то послѣ уже тщетно

будешь стараться загладить свои ошибки: на долгое время останется сила первого впечатлѣнія, которое зависпники и недоброхоты не упустятъ подкрѣплять своими наветами. И для того, сынъ мой, собери всѣ твои силы, напрягай всѣ способности, всячески старайся приобрести себѣ репутацію неутомимаго, искуснаго, оборотливаго политика. Можешь дать себѣ отдыхъ уже тогда, какъ значительность твоя утверждена будетъ на прочномъ, непоколебимомъ основаніи. Ты неимѣешь недостатка ни въ наружныхъ качествахъ, ни въ дарованіяхъ; преимуществами породы и богатства никому не уступаешь; при томъ же съ достоинствомъ и похвалою совершилъ ты военное поприще, черезъ которое въ наше время лежишь путь ко всѣмъ почестямъ: слѣдственно ты имѣешь все, чего только желать можно, а счастливый случай отправленія должности отсутствующаго Министра поставилъ тебя на такой степе-

ни, гдѣ ты можешь блеснуть своими способностями. Здѣсь къшапи я долженъ тебѣ сказать, что мнѣ очень не нравится еша твоя склонность довольствоваться малымъ, еша умеренность въ желаніяхъ, ешо стремленіе къ покою, которыя всѣ вмѣстѣ много помѣшаютъ могущъ врожденному честолобію всей нашей фамиліи. Сынъ мой! ты приближишь меня ко гробу, ежели, слѣдуя мѣлочнымъ своимъ правиламъ, не воспользуешься нынѣшнимъ благопріятнымъ временемъ, и не постарайшься возвысить нашего дома. Ты у меня одинъ; на тебя вся моя надежда. Политическія обстоятельство, какъ по всему видно, обѣщаютъ продолжительную пишину Европѣ. При такомъ состояніи дѣлъ нѣтъ способа къ возвышенію; а если онъ и есть, такъ ешо длинный, утомительный путь труда и заслуги. Но тебѣ именно теперь можно выскочить и поддержать кредитъ нашей фамиліи. И такъ поспѣши, будь расторопенъ,

ибо время коротко, и скоро минетъ. По-
сылаю тебѣ списокъ друзей нашихъ;
надобно непременно помѣстить ихъ. Всѣ
они природою Польскіе шляхшичи; слѣд-
ственно, ежели не сами собою, то въ
фамиліи своей оказали услуги опечест-
ву, а потому безъ всякаго сомнѣнія мо-
жешь ихъ произвести и опредѣлишь при
первомъ удобномъ случаѣ. Я уже обна-
дежилъ всѣхъ, что епо сбудется, и
тебѣ стыдно было бы сдѣлать отца
своего лжецомъ. Желаю тебѣ всѣхъ
благъ, любезный сынъ мой! Спайся
оправдать надежду, которую въ тебѣ
полагаетъ вся фамилія.

П и с ь м о V.

*Отъ Полковника Щеропольскаго
изъ Лоеича къ Графу Загоров-
скому въ С. Петербургъ.*

Знаю и увѣренъ, какъ ты, любез-
ный Графъ, теперь безпокоишься, не
получая отъ меня уже болѣе мѣсяца ни-
какого извѣстія. Но самъ разсуди, мо-

гло ли бытъ иначе. Послѣ верховой нашей прогулки въ Служево приѣхавши домой уже ввечеру часу въ десятомъ, нашелъ я ордеръ Главнокомандующаго, предписавшаго мнѣ сдѣлать инспекторскій смотръ въпорой бригадѣ, по причинѣ законнаго отсутствія начальствующаго надъ нею Генерала. Въ ордерѣ сказано было, чтобы я отправился черезъ 24 часа, а тогда уже цѣлая половина ихъ улетѣла. Надобно было и собираться въ дорогу, и сдавать команду, и хлопотать объ инструкціи; на силу успѣлъ управиться и проспиться съ побою корошёнкою, какъ самъ вѣдаешь, записочкой. Выѣзжавши, я самъ не зналъ, долго ли протемлю въ дорогѣ; надѣялся ворошиться скорѣе: но новыя препорученія вовлекали меня въ новыя хлопоты. — Не буду скучать тебѣ подробностями, о которыхъ и безъ того ты довольно наслушался во время своей службы; но въ швое время были совсѣмъ другія обстоятельства, и потому съ

удовольствіемъ могу передъ тобою похвалиться, что во многихъ мѣстахъ, соглашая духъ военный съ гражданскимъ, я успѣлъ обѣимъ сторонамъ оказать полезныя услуги. Надобно тебѣ знать, что у военныхъ нашихъ поварищей, возвратившихся изъ за границы, нѣсколько закружились головы; зашвердивъ себѣ, что храбрость возвратила ихъ на родину, они часто забываютъ о томъ, что находясь въ своемъ опечесствѣ. Съ другой стороны и гражданскіе наши братья, выведенные изъ терпѣнія продолжительными бѣдствіями, иногда бываютъ слишкомъ раздражительны и упрямы: опшуда ненадлежащія, безвременныя требованія однихъ, другихъ опказы и оприцанія. Обѣимъ сторонамъ я говорилъ правду, старался имъ доказывать, что они суть братья и дѣти одного опечества, и мнѣ удавалось миришь ихъ!

Прости, другъ мой любезный! Изъ кварширы пишу къ тебѣ, канц. солдашъ;

Часть II.

А.В. Кокоревъ

изъ Варшавскихъ будуаровъ, можетъ
быть, получишь отъ меня что нибудь
покрашѣе и замысловатѣе.

П и с ь м о VI.

*Отъ Графа Загоровскаго изъ С.
Петербурга къ Полковнику Ще-
ропольскому въ Варшаву.*

Еслибъ я не получилъ письма твоего
изъ Ловича, то не зналъ бы, что и ду-
мать; уже было рѣшился отправить на-
рочнаго, цѣлые два мѣсяца неимѣя из-
вѣстія о томъ, кого привыкъ всегда ви-
дѣть передъ собою. Военное письмо
твое напомнило мнѣ счастливыя мину-
ты, проведенныя съ тобою вмѣстѣ.
Опечесство, слава, красавицы — прои-
сѣтвенный лозунгъ, укрѣплявшій союзъ
нашъ, скрывавшій отъ насъ всѣ опасно-
сти — украшалъ всю Природу въ гла-
захъ нашихъ. Теперь, ахъ! теперь все
представляется въ другомъ видѣ. Успух-
чивость . . . . отношенія . . . . сущест-
венность, печальная существенность

послѣ споль прелестныхъ, очарователь-
ныхъ мечтаній!

Я получилъ два письма, одно отъ
бапюшки, другое отъ почтенной Гоно-
рапы; оба родили во мнѣ тысячу мыс-
лей, которыя непременно должны раздѣ-
лить съ тобою. Касательно бапюшки
меня крайне беспокоятъ непомѣрные его
требованія, большей части которыхъ
не только не могу я исполнить, но даже
не могу желать, чтобы онѣ были испол-
нены. Совѣты его и наставленія пре-
красны, пока они общи, пока ни къ че-
му неклонялся; но какъ скоро косну-
ся личности, то уже я и не умѣю со-
гласить ихъ съ образомъ своихъ мыслей.
И какъ часто его и мои мысли бывають
несходны! Достойная благодарности и
уваженія попечительница моего младен-
чества печаливаетъ меня какимъ-то
опасеніемъ совсѣмъ другаго рода; кажет-
ся, будто у нее есть тайна, которая
тяготитъ ея душу, и которою она се-
бя жестоко упрекаетъ. Ахъ, любезный

другъ! есть и у меня своя тайна, до которой почтенная Гонорапа въ концѣ письма своего коснулась, и копорсю, можешь быть, и цѣлое письмо наполнено. Сіе прикосновеніе, подобно искрѣ электрической, проникло весь составъ мой, извлекло изъ моего сердца то, что скрывалъ я самъ отъ себя, и что твердо намѣренъ былъ понести съ собою въ могилу. О другъ мой! какая судьбина! . . . Нѣтъ, нѣтъ на землѣ счастья для человѣка! Мнѣ по крайней мѣрѣ оно представляется не иначе какъ подлѣ ужаснаго чудовища, на которое отъ одного взгляда кровь спынетъ въ жилахъ и чело обливается холоднымъ потомъ.

П и с ь м о VII.

Отъ Полковника Щеропольскаго изъ Варшавы къ Графу Загоревскому.

Съ неперпѣніемъ въѣзжалъ я въ Варшаву, точно какъ бывало назадъ тому лѣтъ за двадцать; или нѣтъ, надобно

говоришь правду, не точно такъ; есть
нѣкоторое несходство: тогда сильной
препятствую сердца, очаровательныя меч-
ты напоминали о приближеніи къ мѣ-
сту, гдѣ живешь любезная; атмосфера
удовольствій и восторговъ распаляла во-
ображеніе, въ которомъ заблаговременно
рисовались нѣжнѣйшія обаянія — иногда
и мнимыя, ибо на самомъ дѣлѣ нерѣдко
выходило совсѣмъ тому противоположное: те-
перь истинная дружба не столь живая,
но болѣе прочная готовила мнѣ наслаж-
денія. Я надѣялся найти письмо отъ
своего друга, надѣялся прочесть въ
немъ, что другъ меня любитъ, что онъ
самъ здоровъ и счастливъ. — Такъ и
случилось; письмо я нашелъ: но, любез-
ный мой Графъ! что съ тобою дѣлает-
ся? чѣмъ опзывается письмо твое?
какая вѣдьма околдовала тебя? въ чемъ
ты себя упрекаешь? Признаюсь, долго
я думалъ, думалъ, и расперялся въ сво-
ихъ догадкахъ. — Мнѣ кажется, не
предаваясь ни излишней чувствитель-

юспи, ни моднымъ запѣямъ, можно
 быть очень добрымъ сыномъ, каковъ
 ты и въ самомъ дѣлѣ, а особливо враз-
 сужденіи отца, копорой всегда держалъ
 тебя въ нѣкоторомъ отъ себя отдале-
 ніи! А сестры такой милой, столь до-
 стойной любви, почему бы сердечно не
 любишь брата? Вотъ я уже спаръ, а
 признаюсь, что для нее и теперь го-
 ловъ бы кинулся съ Бекешевой горы,
 копорую намъ подъ Вильной во время
 похода показывали, какъ памятникъ по-
 добнато происшествія. — Не понимаю,
 чего еще тебѣ надобно. Часпо слышу
 теперь о болѣзняхъ, копорыхъ прежде
 вовсе не вѣдали, о болѣзняхъ въ здоро-
 выхъ людяхъ, о раздражаемости нервовъ,
 о спазмахъ, и проч. Ужь не едимъ ли и
 ты недомогаешь? Но тебѣ не лзя же
 незнашь, что на такіа болѣзни есть
 заграничныя воды, и при нихъ балы,
 каршочныя игры, уединенныя, а иногда
 и вдвоемъ, прогулки по горамъ и уше-
 самъ. Еслижъ, сверхъ чаянія, болѣзнь

твоя не терпишь опсрочки, такъ на-
ешо еспь *Августинекъ* (*); поѣзжай къ
нему, дорогой Графъ, поѣзжай себѣ съ
Богомъ! Но лучше всего . . . . оставь
ешо женщинамъ, а самъ будь мужчиной
и займись работою, которая еспь на-
дежнѣйшее лѣкарство. — Извини, другъ
любезный, что я, по своему обыкно-
венію, говорю тебѣ правду безъ вся-
кихъ околичностей; а чтобы ты не
вздумалъ называть меня нечувстви-
тельнымъ и жестокосердымъ, то я
намѣренъ теперь же представить те-
бѣ противныя тому доказательства.
— Третьяго дня, любезной мой Графъ,
я былъ въ Служевѣ. Повѣришь ли, что
я насилу узналъ добрую старушку, такъ
она перемѣнилась! Печальна, задумчива,
внутренно терзаема какимъ-то скрыш-
нымъ чувствомъ, будно бы угрызеніемъ,

(*) Извѣстный шарлатанъ, въ Сѣрадскомъ
повѣствѣ живущій, къ которому толпами при-
ѣзжаютъ лѣчиться здоровыя и больныя осо-
бы обоего пола.

которое сушитъ ее и приближаетъ къ
 могилѣ. Что бы етому за причина? ду-
 малъ я, возвращаясь въ городъ. При-
 ѣхавши сюда, я поѣхалъ къ своему бапю-
 шку. Тереза съ ангельскою своею улыб-
 кой встрѣшила меня какъ друга такому
 брату, которому она душевно предана.
 Мнѣ показалось, будто на прекрасномъ ли-
 цѣ ея примѣтна была какая-то меланхолія,
 но меланхолія нѣжной чувствительности,
 неоправляемая горечью угрызений,
 не опчуждающая, но приятно прогающая
 душу—однимъ словомъ, такая меланхолія,
 которая бы меня съ ума свела, еслибъ я ро-
 дился придцатью годами позже. Спраши-
 вала, давно ли я получалъ отъ тебя пись-
 ма, и говорила, что по тебѣ тоскуешь.
 И не удивительно: ибо, еслибъ не ешотъ
 несносной сплинъ, которымъ ты взду-
 малъ теперь занемочь, то я бы радъ
 божиться, что характеры ваши какъ
 двѣ капли воды сходны, и что тебѣ и
 ей, какъ цвѣтку братъ съ сестрою, дол-
 жно бы на одномъ стебелькѣ прожить

цѣлой вѣкъ свой. — Скоро потомъ и бапюшка пвой вышелъ изъ кабинета съ какимъ-шо, казалось мнѣ, недовареннымъ проектомъ, котораго и самъ онъ еще не совсѣмъ ясно понимаетъ; поздоровался со мною при очевидномъ развлеченіи мыслей, и сказалъ только, что крайне удивляется, почему до сихъ поръ ничего отъ тебя не получаетъ. Прости, любезный другъ мой! бѣгу къ Французу Шово поѣсть жареной говядины, или, какъ нынѣ говорятъ по модѣ, *бифштексу*, — бѣгу не обѣдашь, ибо у Нѣмца Розегаршена столь и дешевле и вкуснѣе, но чпобы поймать кого-нибудь изъ военныхъ своихъ товарищей, и проч.

П и с ь м о. VIII.

Отъ Терезы къ Павлинѣ (*).

Что ешо, милая Павлина! обѣ вы съ пешушкой насъ забыли, и въ такое время, когда присутствіе ваше было бы

(*) Племянницѣ Каштелянши.

для меня очень, очень нужно. Вотъ уже! тому почти недѣля, какъ вы у насъ были; во все ешо время я грустила, и теперь еще сама не знаю, что дѣлается со мною. Мадамъ Сенваль безпрестанно спрашиваетъ, о чемъ я задумалась; безпрестанно напоминаетъ мнѣ, что я забываюсь; въ самомъ дѣлѣ я сама въ себѣ замѣчаю то и другое. Ты вѣрно скажешь, что опѣздъ брата ешому причиною, и — не ошибешься. Ты знаешь, что онъ былъ душею забавъ нашихъ; знаешь, какъ онъ ихъ выдумывалъ, какъ предупреждалъ наши желанія. И такъ очень натурально шосковалъ по немъ. Однакожь странно. . . Милая подруга! привыкши ничего нескрывать опѣ тебя, я теперь объявлю тебѣ то, о чемъ и госпожѣ Сенваль сказать еще не смѣла, и въ чемъ даже тебѣ самой съ трудомъ открываюсь — ешаго еще ни разу въ жизни со мною не бывало! — Чтобы я ни дѣлала, о чемъ бы ни разсуждала, образъ его все-

гда мечтается въ душѣ моей: ищу уединенія, думаю сама незная о чемъ, иногда замѣчаю слезы, кающіяся изъ глазъ противъ моей воли. Павлина! любезная Павлина! какъ могъ онъ нарушить мое счастье, топъ, которой, мнѣ кажется, опдалъ бы жизнь свою, чтобы только видѣть меня счастливою? Но онъ точно его нарушилъ, и — если хочешь, чтобы я призналась — еще передъ своимъ отъѣздомъ. Помнишь ли, когда, играя въ фанты, по приказанію короля онъ долженъ былъ назвать свою приятельцу? Значительно взглянувши на меня два раза, онъ назвалъ себя, и это мнѣ было такъ больно, такъ больно, что я принуждена была подъ нуснымъ предлогомъ убѣжать, чтобы придти въ себя и оправиться. Въ другой разъ, мы пробовали Французскую кадрили передъ баломъ: вмѣсто своей дамы, онъ схватилъ меня за руку, которую подавала другому; я покраснѣлась и такъ потерялась, что смѣшала фигуру, и ша-

нецъ надлежало начать снова. Все это ребяческія мѣлочи, правда; но какая тому причина, что онъ безпрестанно у меня въ мысляхъ? Припомню еще одинъ случай, которому ты конечно удивишься, и котораго я никогда не могла постигнуть. Приѣхавши однажды съ балу, началъ онъ хвалить благородной шонъ, приятную вѣжливостъ и хорошее воспитаніе многихъ дѣвицъ, тамъ находившихся. Твоя шепушка примолвила, что онъ забылъ упомянуть еще объ одной особѣ, весьма достойной его вниманія: это была дѣвица Богатская, дочь Подкомораго, племянница Воеводы, отлично воспитанная, при завидныхъ талантахъ имѣющая за собою приданого до двухъ милліоновъ золотыхъ; всего же лучше, что дѣло кончилось бы безъ шума и затрудненій. . . И тотчасъ начала тихонько говорить съ моимъ бабюшкой, а я, какъ будто кипяшкомъ обливая, вмѣсто того чтобы пожелать брату столь хорошей пар-

нии, а себѣ такой умной и богатой невѣстки, вздрогнула, какъ будто услышала что нибудь для него пагубное; болѣе же всего по меня поразило, что онъ (такъ мнѣ казалось) замѣтилъ мое смущеніе, не слушалъ словъ твоей тещушки, точно какъ будто бы не о немъ говорено было, и во все время не сводилъ съ меня глазъ своихъ. — Вотъ я все собрала въ одно мѣсто, чтобы состояніе души моей лучше было тебѣ извѣстно. Ты меня опытниче, также имѣешь брата и также описывающаго; признайся мнѣ искренно, пожелать съ тобою дѣлается? — Не говорю, чтобы еще мое состояніе было несносно; напрошивъ того оно имѣетъ свои неприятности; скажу болѣе: мнѣ бы даже досадно было, еслибъ оно перемѣнилось; и по однакожъ правда, оно наполняетъ всѣ мои мысли, оно дѣлаетъ меня совершенно ни къ чему неспособною. — Приѣзжай, милая подруга! Кажется, что, написавши письмо, я почувствовала

нѣкоторое облегченіе ; чтожь будетъ ,
когда заключу тебя въ свои объятія !

П и с ь м о IX.

Отъ Павлины къ Терезѣ.

Тетушка моя съ нѣкотораго време-
ни нездорова; каждой день казалось намъ,
что ей будетъ можно выѣхать, и по-
этому именно мы къ вамъ неписали объ ея
болѣзни, опасаясь встревожить васъ по-
пустому. Письмо твое прочитала я нѣ-
сколько разъ, и знаешь ли что нашла
въ немъ? Вотъ что: пы въ жару, моя
милая! въ головѣ твоей пылаетъ огонь:
онъ пребудетъ себѣ пищи, и хватаетъ
все, что ему ни попадается. Въ такомъ
случаѣ гораздо безопаснѣе мечтать о
братѣ, нежели о комъ нибудь другомъ.
Мои двадцать чепыре года немного уже
охладили во мнѣ пылъ воображенія и,
ахъ! бываетъ время, что я жалѣю
о прошедшемъ, хотя мой спокойной ха-
рактеръ и недозволялъ головѣ слишкомъ
разгорячаться. Очень бы хотѣлось мнѣ

поскорѣ увидѣшься съ тобою. Въ первый же изъ вечеровъ, копорые обыкновенно провожу у себя съ такимъ удовольствіемъ, между тѣмъ какъ пепушка и госпожа Сенваль вмѣстѣ съ *Прадтомъ* будутъ хлопотать о Вѣнскомъ Конгрессѣ, мы съ тобою начнемъ вязать свои сѣтки, и почиая ихъ за *Перуіанскіе узелки*, спанемъ повпоруясь себѣ съ распроганнымъ сердцемъ: *Aza, cara mia Aza, le gride della tua tenera Zilia* и проч. — До свиданія, моя милая!

П и с ь м о X.

Отъ Старосты Пышневскаго къ сыну.

И донынѣ, дорогой мой Карлъ, ты вичего еще ко мнѣ не пишешь! Однакомъ меня увѣдомляютъ изъ Почтамта, что ты временно опправляешь теперь важную должностъ, что ѣздишь съ докладами, и что дѣла нашего оппечесства идущъ черезъ твои руки. — Я уже пред-

ложилъ тебѣ мои совѣты и фамилныя
 желанія; то и другое должно быть для
 тебя священнымъ, ибо то и другое пред-
 ложено тебѣ отъ отца, отъ имени
 предковъ и потомковъ твоей фамиліи.
 Нѣтъ нужды повторять здѣсь того, о
 чемъ я признался тебѣ по довѣренности,
 а именно, что кредитъ нашего дома нѣ-
 сколько увянулъ со времени Конститу-
 ціоннаго Сейма. — Чужестранныя обезьян-
 ства, это равенство предъ лицомъ
 закона, эта во всемъ отвѣтственность
 у насъ ни къ чему негодятся. — То ли
 дѣло времена Августовъ нашихъ! Не
 даромъ ихъ и въ Римской Исторіи вы-
 хваляютъ. Это замѣчаніе пришло мнѣ
 въ голову въ приходскомъ нашемъ учи-
 лищѣ, гдѣ я, по прозвѣ ксендзовъ
 Бернардиновъ, яко благотворитель ихъ
 ордена, раздавалъ награды учащимся. —
 То-то было время! Покойный мой дѣдъ,
 твой прадѣдъ, только за прекращеніе
 Сейма получилъ цѣлое село въ вѣчное и
 потомственное владѣніе; покойный мой

бапюшка, а твоя дѣдушка, бывшій въ Люблинскомъ Трибуналѣ судьей, за самое пустое дѣло опъ одной стороны взялъ шестерку славныхъ иноходцевъ, а опъ другой нишку прекраснѣйшей бирюзы воспочной; а я, къ несчастію послѣ ихъ родившійся, при Станиславѣ Августѣ едва могъ схватить староство, и по еще долженъ былъ сряду нѣсколько лѣтъ доходомъ своимъ дѣлаться съ фаворитами. — Судьба и неудобства нашего времени опказали тебѣ въ подобныхъ удачахъ; за утрату здоровья, за странствія по цѣлой Европѣ ты получилъ конузію въ руку, да прекрасную славу, копорая опъ начала свѣта донынѣ еще ни одного человека досыта не накормила. По крайней мѣрѣ способности твоя и дарованія поставили тебя на степенъ: помни же, сынъ мой, и не плошай; помни говорю, что ты временно только опправляешь эту должность. Слышно, что теперь дѣло идетъ объ установленіи подапей и пошлинъ:

у меня есть на примѣтѣ люди преловкіе и преспособные, — такіе люди, которые, недолго бывши въ малыхъ деревнишкахъ прикащиками, теперь уже села держатъ на арендѣ: вопъ ихъ бы можно сдѣлать директорами въ шаможняхъ, или главными сборщиками; а низшихъ чиновниковъ они сами себѣ подбираютъ, и замѣтъ, за все епо будущъ намъ благодарны. — Судейскія мѣста, правду сказать, теперь незавидны. Кодексы, ординаціи, предписанія о процессахъ такъ все опѣснили, что судъѣ остается быть простою только машиною; а епо убійственна для человѣка съ головою, для человѣка, который самъ судить умѣетъ. На мѣстахъ по части исполнительнои можно бы таки поживляться; но говорятъ, что старыя будущъ опмѣнены, а опъ новыхъ нечего ждать добраго. Пускай себѣ ищутъ должности, кто хочетъ; а я никому бы несовѣтовалъ искасть ихъ безъ очевиднаго прибышка.

И такъ , сынъ мой , видишь , что для себя лично ничего не требую и не желаю , ибо намѣренъ жить въ сельской тиши спокойно ; для ешаго - то именно спокойствія не забудь , сынъ мой , выхлопашь мнѣ исключительную свободу опъ подапей и опъ военного поспоя , болѣе же всего постарайся сдѣлать , чшобы правительство неѣшалось въ дѣла крещьянъ моихъ . Я терпѣть не могу поспороннихъ надзирашелей и шпіоновъ . — Но я пишу къ тебѣ такъ подробно , какъ будто бы недовѣрялъ твоему ко мнѣ усердію . Нѣтъ , я во всемъ на тебѣ полагаюсь ; сомнительна шолько мнѣ твоя нерѣшительность : кинь ее , любезной сынъ , и покажи на дѣлѣ , что ты мой сынъ , истинной сынъ мой .

П и с ь м о ХІ.

Отъ Графа Загоровскаго къ Отцу.

Я получилъ опъ васъ два письма , милосшивый государъ бапюшка ! Всепо-

корнѣйше благодарю за наставленія,
 преподанныя въ первомъ; чувствую, что
 никогда не бывали они для меня столь
 нужны. Опасности въ бояхъ угрожали
 только моей жизни; несравненно важнѣе
 предметы, которые теперь меня окру-
 жають: они касаются блага всего на-
 шего опечества и блага грядущихъ по-
 колѣній. Къ неопisanному счастью, мы
 имѣемъ у себя такого Монарха, коего
 благодѣтельные намѣренія облегчаютъ вся-
 кую трудность, и мы останемся вино-
 ватыми передъ собою и потомствомъ,
 если не будемъ умѣть ими воспользоваться.
 — Касательно препорученій вашихъ,
 батюшка, я исполняю, что могу, да-
 бы содѣйствовать желаніямъ вашимъ.
 И во первыхъ, въ продолженіе пупи
 хорошо разсмотрѣвши родственника на-
 шего Пустяковского, котораго вы при-
 казали мнѣ опредѣлить правителемъ
 Департамента, я оставилъ его въ Ви-
 ленской гимназіи, чтобы по крайней мѣ-
 рѣ поучился писать; а тамъ можно бу-

дешъ причислишь его къ какойнибудь канцеляріи. — Поручику Рекрутовичу, котораго вы желали видѣть начальникомъ стоящаго въ нашемъ округѣ ескадрона, я исходатайствовалъ капитанской папишъ, успокоивши напередъ имѣющихъ большее на чинъ сей право, дабы ихъ не обидѣть, а ему не нажить неприятелей. — Что касается до тяжбы Колошницкаго, то она весьма въ худомъ состояніи, и я ничѣмъ немогъ пособить ей; удалось мнѣ однакожь расположить прошивную сторону къ примиренію, которымъ если онъ захочетъ воспользоваться, то предоповрашитъ отъ себя весьма печальныя слѣдствія. — Частныя привелегіи, или освобожденія отъ повинностей теперь вовсе неимѣютъ мѣста и справедливо почищаются обидою для всего общества. — Касательно опредѣленія къ должностямъ, воля есть Монаршая, что кромѣ присвоенныхъ Высочайшей власти, всѣ назначенія предоставлены мѣстнымъ начальст-

вамъ , которыя , по силѣ конституціи , имѣють право опредѣлять на мѣста изъ кандидатовъ , выбранныхъ на частныхъ Сеймахъ. Въ сію минушу ѣду во дворецъ съ докладами.

П и с ь м о XII.

Отъ Графа Загоровскаго къ Гоноратѣ.

Усердно благодарю тебя , добрая мать моя , что позаботилась меня о себѣ увѣдомишь. Знаю , какъ было трудно тебѣ съ непривычки приниматься за перо , особливо еще при домашнихъ твоихъ недосугахъ. — Возобновленные въ памяти твои попеченія о моемъ дѣлѣ распротали меня до глубины сердца , и усилили въ немъ , если ещо возможно , чувство благодарности , которое ни когда буду въ душѣ до конца моей жизни. Но скажи мнѣ , любезная мамушка ! откуда взялась еша недоувѣрчивость ? что могло послужить тебѣ поводомъ къ убѣжденію меня не

уклоняться отъ добродѣтели и твердо
 идти по прямой дорогѣ? Не уже ли я
 подалъ причину? Не уже ли проника-
 тельный взоръ любви твоей возмогъ
 открыть? . . . Ахъ, такъ! онъ от-
 крылъ во мнѣ спрашивать, спрашивать,
 коей свирѣпство перзаеетъ мою душу,
 но съ которою . . . я былъ и впредь
 надѣюсь быть невиннымъ. — Бѣдное
 мое сердце, прежде спокойное, нынѣ
 мучительными, адскими огнями пылаетъ
 на жертвенникѣ обожяемаго предмета!
 Но . . . не пугайся, любезная мапушка!
 сынъ твой всегда будетъ тебя достой-
 нымъ, всегда будетъ достойнымъ твоихъ
 трудовъ, которые ты перенесла при
 моемъ воспитаніи, и несмотря на пла-
 чевную борьбу, непереступишь за чер-
 ту добродѣтели. Если ты угадываешь
 мою тайну, если проникаемость
 твоя столь далеко углубляется въ мое
 сердце; то надобно, чтобы я все от-
 крылъ передъ тобою. Пусть я несча-
 сливъ, но пускай же въ глазахъ тво-

ихъ небуду виновнымъ , по крайней мѣрѣ дошолѣ , пока еще на самомъ дѣлѣ незаслужилъ сего названія.

Послѣ долготѣшнихъ военныхъ странствій по Европѣ я возвратился на родину. Тереза , которую покинулъ я младенцемъ , явилась предо мною во всемъ блескѣ едва только созрѣвшей юности , съ ангельской красою , съ очаровательной любезностію. Подхожу къ ней , хочу обнять ее , и чувствую въ себѣ прерывное бѣіеніе сердца , и вижу алой румянецъ на прекрасномъ лицѣ Терезы. Ближайшее обхожденіе , неразрывное сообщество , а слѣдственно опчасу болѣе открывающаяся любезность характера , качества сердца , рѣдкіе таланты раздували во мнѣ огонь , пожирающій всю мою душу ; я узналъ , и хопѣлъ шаить передъ самимъ собою , узналъ , что въ любимой сестрѣ обожаю владычицу души моей ! Чѣмъ болѣе въ ней замѣчалъ я благосклонной взаимности , тѣмъ болѣе терпѣлъ внутреннихъ

спраданій, и наконецъ не могши долѣе
нести тяготящаго меня бремени, вос-
пользовался случаемъ поспѣшно уѣхать
изъ Варшавы. Испоргнувшись изъ не-
счастливаго дома, я твердо рѣшился ни-
когда въ него не возвращаться болѣе.
Такъ, любезная мапушка! имя сіе соб-
ственно тебѣ принадлежитъ: ты при-
обрѣла его своею любовію и попеченіями
о моемъ младенчествѣ; такъ, любезная
мапушка! уже болѣе не увидишь ты
любящаго тебя сына! Утѣшайся по край-
ней мѣрѣ тѣмъ, что онъ неуклонился
съ пути добродѣтели, и что лучше за-
хотѣлъ быть несчастнымъ нежели пре-
ступникомъ.

П и с ь м о XIII.

*Отъ Графа Загороескаго къ Пол-
ковнику Щеропольскому.*

Любезный другъ! о, какъ завидую
спокойной твоей добродѣтели, той хо-
лодности твоего разсудка, которую

Часть II.

Г

въ писмахъ твоихъ замѣчаю! Позволь
однакожь сказать тебѣ въ укоризну, что
ты мало входишь въ оправданія своего
друга, что, не испытавши собою наси-
лія страстей, неимѣешь объ нихъ по-
нятія и не вѣришь ихъ могуществу. Но,
другъ мой! врачъ невылѣчивъ больна-
го увѣреніями, что онъ не болѣнъ; и
потому очень, очень ошибается, кто
оправданія души хочешь прогнать шуш-
ками. — Сердечный другъ мой! завѣса
упала; полное сердце излило свою тай-
ну. Повидайся съ Гоноратою, и ты
все опъ нее узнаешь. Женщина лучше
умѣла понимать меня, и все отгадала
прежде нежели я открылся; пусть же ей
принадлежитъ и первенство въ моемъ
признаніи.

Прости, будь здоровъ и жалѣй о
несчастномъ, коего оправданія и тѣмъ
еще увеличились, что онъ неимѣетъ на-
дежды на только скоро, но даже когда
нибудъ увѣдѣшься съ тобою!

П и с ь м о XIV.

*Отъ Полковника Щеропольскаго
изъ Плоцка къ Графу Загоровскому.*

По дню опуска сего письма, любезный Графъ, узнаешь, что мнѣ не долго удалось погоспить въ Варшавѣ. Меня послали въ Плоцкъ. А какъ мнѣ доспанелся путь промедлить двѣ-три недѣли, то я и просилъ одного добраго приятеля сообщать мнѣ Варшавскія новости. Слѣшу раздѣливъ съ нѣкою вѣсти, привезенныя сюда съ послѣдней почтою, и слѣшу для того чтобы кю нибудь невспревожилъ тебя пустымъ, или увеличеннымъ слухомъ. — Съ сестрой твоей случилось приключеніе, правда, опасное, но, слава Богу, совершенно безвредное. Княгиня Верейская давала дѣтской балъ, къ которому приглашено было все, что ни есть наилучшимъ образомъ воспитаннаго въ Варшавѣ. Легко себѣ догадаться можешь, что сестра твоя принадлежила къ ещому

же разряду. Вотъ она и поѣхала вмѣстѣ съ своею гувернанткой, съ госпожей Каштеляншей, и съ милой ея племянницей. Всѣ онѣ сидѣли въ большой четверомѣстной каретѣ. Въ то самое время какъ уже подѣзжали къ ворошамъ, пьяной лакей со сна подумалъ, что госпожа его ѣдетъ со двора, вскочилъ въ передней съ своего мѣста, бросился въ стеклянное до самаго полу окно, которое показалось ему опворенной дверью, и упавши на козлы подѣхавшей кареты, тяжестію своего пѣла спихнулъ долой кучера. Бодрыя, а къ тому еще молодыя лошади, испуганныя крикомъ и шумомъ, быспро помчались; распалкивая колясочки, санки, и все, что имъ ни попадалось на дорогѣ, безъ памяти бѣжали къ Грыбову (*), и пѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе спекалось народу на помощь. Лишь только минули Желѣзныя вороша, вдругъ близъ открытой кана-

---

(*) Предмѣстіе въ Варшавѣ.

вы — лопнула рессора. Кузовъ кареты
 бился о заднее колесо, и немощенная
 улица въ Грыбовѣ угрожала большою
 опасностію. Но вопль на прошивной спс-
 ронѣ появляется какая-то колясченка;
 отважный возница ея, между тѣмъ какъ
 всѣ кричатъ ему, чтобы сторонился,
 съ удивительнымъ присутствіемъ духа
 правитъ лошадей своихъ прямо на каре-
 ту; поровнявшись съ нею, во мгнове-
 ніе ока спановится на своихъ козлахъ;
 съ очевидной опасностію, какъ искус-
 ный волпижеръ, вскакиваетъ на испу-
 ганныхъ лошадей, хватаетъ поводъ,
 останавливаетъ животныхъ на всемъ бѣ-
 гу ихъ, въ то самое время когда погну-
 вшаяся уже на одну сторону карета го-
 това была опрокинуться, и — спасаетъ
 жизнь сѣдящимъ въ ней особамъ, неча-
 явшимъ уже себѣ никакого спасенія. Не-
 медленно прибѣжали люди и подали ну-
 жную помощь полумертвымъ дамамъ.
 Потомъ обращено было вниманіе и на
 ихъ избавителя, въ которомъ пошчасъ

узнали Яшку Кривошею, — такъ обыкновенно здѣсь его называютъ. Это сынъ нашей Гонораты изъ Служева, а тебѣ онъ молочной братъ. Незнаю, извѣстна ли тебѣ его исторія; ибо она случилась послѣ твоего опъѣзда изъ опечесова. Онъ росъ при своей матери и былъ на все употребляемъ, какъ обыкновенно водится въ небольшомъ хозяйствѣ. Пришедши въ возрастъ, съ вздумалъ никого не слушаться и никому не успунать, даже родной матери; ещѣ и духъ неповиновенія оказывался въ немъ при всякомъ случаѣ, особенно же въ обращеніи съ товарищами: вездѣ хотѣлъ онъ быть первымъ, вездѣ хотѣлъ господствовать; отсюда безпрестанныя ссоры. Измученная, выведенная изъ терпѣнія мать, рѣшилась отдѣлить отъ себя Яшку, опсчитала ему принадлежащія 500 талеровъ, и оппустила его жить совершенно по своей волѣ. — Яшка захопѣлъ быть извозчикомъ, купилъ себѣ пару лошадей и поддержаную, однакожъ довольно изрядную,

колесочку, и началъ возить. Ыздоковъ по городу; еио единственый промыселъ, кошорымъ онъ доспаетъ себѣ пропитаніе, ни онъ кого не принимая никакой милости, и нанимаясь только на день, дабы, какъ говоритъ онъ, быть господиномъ своей воли, и ни передъ кѣмъ нераболѣпствоватъ. Опышность, ловкость и отважность сдѣлали его извѣстнымъ въ Варшавѣ; всѣ его ищутъ, всѣ дають ему преимущество передъ другими. Онъ бывалъ и въ вашемъ домѣ, и охотно оказывалъ неважныя услуги, за кошорыя однакомъ не только не хотѣлъ брать платы, но даже сердился, когда ему что нибудь предлагали. Послѣ нынѣшняго подвига на силу убѣдили его принять пенсію и пожизненное владѣніе хозяйствомъ Служевскимъ, въ кошоромъ живетъ мать его, и кошорое конечно ей будетъ прилично оставитъ сыну своему въ хорошемъ состояніи. Только не долго же Гонората будетъ для него трудиться; ибо ко мнѣ пишуиъ, что

она очевидно изнемогаетъ , и что недалеко уже ея кончина. Казалось бы , последнее происшествіе должно ее утѣшить ; напрошивъ того оно еще болѣе погрузило ее въ уныніе. — Прости и будь здоровъ ! Надѣюсь , что посланный на почту съ симъ письмомъ принесетъ въ замѣну что нибудь и отъ тебя , моего сердечнаго друга.

П и с ь м о XV.

Отъ Терезы къ Павлинѣ.

Хоть я сама еще не оправилась ; никакъ однакожъ не могла утѣшиться , чтобъ неосвѣдомишься о здоровьѣ тво-емъ , милая подруга , и о почтенной твоей телушкѣ. Какое приключеніе , и припомъ какое счастье въ несчастьи ! Что могло бы случиться , еслибъ почтенный избавитель невстрѣтился съ нами на ту пору ! Вчера приказала я позвать его къ себѣ , и обняла какъ искренняго друга. О , какъ сладко для сердца быть благодарною , какъ приятно

плапипть за оказанное благодѣяніе! Я
 долго съ нимъ говорила, и, скажу тебѣ,
 нашла въ немъ необыкновеннаго человѣ-
 ка. Какое безкорыстіе, какое благород-
 ство въ мысляхъ и чувствахъ! Епощъ
 подвигъ великодушія кажется ему са-
 мымъ обыкновеннымъ поступкомъ, и онъ
 крайне удивляется, почему приписыва-
 ютъ ему такую важность! Признаюсь,
 онъ пронулъ меня до глубины сердца, и
 еслибъ только я не боялась твоихъ обы-
 кновенныхъ насмѣшекъ надъ мнимымъ жа-
 ромъ головы моей, то сказала бы тебѣ,
 что разговоръ его оставилъ въ душѣ
 моей глубокіе слѣды и произвелъ въ ней
 непреоборимое чувство дружбы. Жаль,
 что ты не со мною, милая подруга!
 Теперь, избавившись, благодаря Богу,
 отъ столь великой опасности, намъ бы-
 ло бы о чемъ побесѣдовать. Внезапное
 безпамятство счастливо предохранило
 меня отъ мученій продолжительнаго
 страха; твоя и г-жи Сенваль спокой-
 ная флегма также благополучно избави-

ла васъ опъ бѣды, жопя другимъ способомъ: мы только безпокоимся о швоей тепушкѣ.

П и с ь м о XVI.

Отъ Павлины къ Терезѣ.

Тепушкѣ легче; она уже поднялась съ постели, и опдыхаетъ на канапе; горячка ея прошла; оспается только опъ конпузіи боль, копорой нельзя уняшь такъ скоро. Не спокойная, какъ ты говоришь, флегма избавила меня, а какое-то безчувствіе, опъ котораго не прежде я освободилась, какъ уже бывши выпашена изъ кареты. И правду скажешь; жаль было бы неопамятоваться: какая сцена! Теперь, находясь въ безопасности, можно вспомнить объ ней безъ страха. Меня выпашили первую, слѣдственно я имѣла полную свободу любоваться, на васъ глядя. Ты лежала на тепушкѣ; блонды, копорыми обшивъ низъ ея плашья, зацѣпившись за букетъ швоихъ цвѣтовъ, предспавили

фестонъ красоты необычайной, между
 шѣмъ какъ легкій пвой розовый башма-
 чокъ, упавши на шляпку г-жи Сенваль,
 забавно выглядывалъ изъ за бѣлыхъ перь-
 евъ. Все ешо могла я видѣть очень яв-
 ственно; ибо такое множество набѣжа-
 ло мальчишекъ съ фонариками, что ихъ
 должно было разгонять угрозами. Хотѣ-
 ла бы еще кое-что написать тебѣ о
 томъ же происшествіи; но нетерпѣніе
 принуждаетъ меня приступить къ важ-
 нѣйшему дѣлу. — Какая шамъ у васъ
 дома происходишь суматоха? Ничего не
 могу понять, но вижу, должно быть
 чему-то необыкновенному. Сего дня два
 раза былъ у насъ пвой батюшка: спер-
 ва поутру рано, лишь только мы вспа-
 ли, вошедши безъ доклада и запыхав-
 шись, онъ потребовалъ шепушку для
 какого-то тайнаго разговора. Двери бы-
 ли заперты, и я ничего не могла слы-
 шать, кромѣ жалобъ и нареканій, ко-
 торыхъ съ обѣихъ сторонъ нещадили.
 Непреодолимое любопытство овладѣло

мною ; я обѣжала кругомъ , подошла къ другимъ дверямъ , ближайшимъ къ тому канапе , на которомъ лежала пепушка ; пупъ заспала уже только отказы и уголовный судъ , а понятъ дѣла все таки не могла. Вошедши въ другой разъ , принесъ онъ какія-то бумаги и письмо , которыя пепушка приказала нашему конюшему въ ту же минуту послать со шпафетой. Послѣ узнала я отъ конюшаго , что пакетъ отправленъ къ Довѣринскому , любимцу Староспы , управляющему Украинскими его деревнями. — Приходили къ пепушкѣ еще какія-то заповѣдныя фигуры , которыхъ я прежде никогда невидывала , и которыхъ пепушка , послѣ крапкой бесѣды , отсылала къ своему родителю. — Мнѣ казалось , будто въ разговорѣ съ ними упоминаемо было о Служевѣ и о спарушкѣ вашей Гоноратѣ. Болѣе ни о чемъ не могу тебя увѣдомить , и удивляюсь , что тебѣ ничего неизвѣстно ; ибо писавши ко мнѣ , ты что нибудь бы упомянула.

П и с ь м о XVII.

*Отъ Полковника Щеропольскаго
къ Графу Загоровскому.*

Любезный другъ! Уже два дня нахожусь въ Варшавѣ. Получивши твое письмо, я все бросилъ и сюда приѣхалъ. Но ни ты, который написалъ его, ни я, отосланный тобою къ Гонорашѣ для уразумѣнія письма, оба, говорю, мы не могли предвидѣть того, чему досталось мнѣ здѣсь быть свидѣтелемъ. — Еще и теперь немогу придти въ себя отъ изумленія. . . Но я непременно долженъ извѣстить тебя . . . тебѣ непременно узнать должно. . . Другъ мой! вооружись всею твердоспію души своей; ибо едва ли когда-либо имѣлъ ты подобную нужду въ сей предосторожности. Во первыхъ увѣдомляю тебя, что Гонорашы нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ. . . на моихъ рукахъ она скончалась. Можетъ быть привычка съ младенчества, при-

знапельность за ея попеченія, какое-то
 предчувствіе, неизъяснимый голосъ При-
 роды, сжали твое сердце при семъ из-
 вѣстіи; но выслушай до конца и у-
 знай всю важность своей упроты. Го-
 нората была матъ... родная матъ твоя,
 и въ семъ священномъ качествѣ посыла-
 ешь тебѣ родинельское благословеніе.
 Такъ, любезный другъ мой, ты не сынъ
 Старосты! Но отдавши долгъ первыхъ
 движеній Природѣ, отдавши долгъ уди-
 вленія новымъ обстоятельствомъ, въ
 которыхъ теперь находишься, дослу-
 шай всѣ подробности. — Прискакавши
 въ Варшаву, я тотчасъ приказалъ по-
 дать лошадей, и поспѣлъ въ Служево;
 тамъ нашелъ Гонорату, почтенную
 матъ моего друга, изнемогшую отъ
 болѣзни, но въ совершенномъ разумѣ.
 Подлѣ одра ея сидѣли публичный Но-
 таріусъ и Полицейской чиновникъ, на-
 рочно призванные изъ Варшавы, а на
 другой сторонѣ Служевского прихо-

да Священникъ и Лѣсничей изъ Пышне-
 ва. Увидѣвъ меня, она воскликнула:
 „Ахъ, доброй господинъ! само Небо по-
 слало сюда васъ въ эту минушу, чпо-
 бы вмѣстѣ съ сими почтенными особами
 бышь свидѣтелемъ послѣдняго моего
 признанія, къ которому принуждаютъ
 меня честь, совѣсть и справедливость,
 и которое доставитъ мнѣ возможность
 умерѣть спокойно.“ И потчасъ прика-
 зываетъ достать изъ подъ кровати своей
 ящичекъ, и вынимаетъ изъ него свое-
 ручную записку, заключающую въ себѣ
 подробности ея признанія. — Сынъ Спа-
 росы, ввѣренный ея присмотру, не-
 счастливымъ случаемъ упавши съ опроки-
 нувшимся возкомъ, свернулъ себѣ шею.
 Гонората, убоявшись наказанія, и неза-
 хошѣвъ лишиться обѣщанныхъ за вос-
 питаніе господскаго дитяти выгодъ,
 подмѣнила его своимъ собственнымъ сы-
 номъ. Дальнѣйшее воспитаніе сдѣлало
 васъ обоихъ такими, какими теперь
 находишесь; но въ самомъ дѣлѣ Яшка

Кривошея есть сынъ Старосты Пышневскаго, а другъ мой — сынъ Гонораты Служевской. Лѣсничей изъ Пышнева, осмидесятилѣтній, честнѣйшихъ правилъ спарикъ, очевидный всему пому свидѣтель, вмѣстѣ съ Гоноратой, присягою подтвердилъ истину ея признанія, которое письменно засвидѣтельствовалъ и Служевскій Священникъ, сряду многіе годы, хотя бесполезно, подававшей матери твоей духовное утѣшеніе, когда она ввѣряла ему тайные упреки своей совѣсти. Публичный Нотариусъ и Полицейскій чиновникъ писали формальной актъ; а я споялъ какъ вкопанный, и не могъ выговорить ниже одного слова. На послѣдокъ всѣ вышли; остались только я и Священникъ. Мать твоя, упомянутая сильнымъ волненіемъ чувствъ, ощутила изнеможеніе въ силахъ и потребовала, чтобы Священникъ совершилъ надъ нею одинъ изъ послѣднихъ обрядовъ религіи. Я между тѣмъ сѣлъ на коня и поѣхалъ, самъ не зная

куда, лишь бы только отдохнуть и освѣ-
 житься чистымъ воздухомъ. Возвратив-
 шись назадъ спустя часъ, нашелъ мать
 свою уже при послѣднемъ издыханіи.
 Она однакожь узнала меня, взяла мою
 руку и слабымъ голосомъ произнесла сіи
 послѣднія слова: „Проси Загоровскихъ,
 чтобы меня поспили; будь опцемъ, будь
 покровителемъ несчастному сыну моему,
 котораго еще разъ благословляю.“ Сказав-
 ши это, впала въ конвульсіи, и черезъ нѣ-
 сколько минутъ скончалась. Я приѣхалъ
 домой уже поздно ночью, поручивъ
 Священнику спараться о всемъ нуж-
 номъ. — Легко догадаешься, что я не-
 могъ сомкнуть глазъ во всю ночь. Се-
 годня нехочу пропустить почты и пи-
 шу къ тебѣ; что далѣе случится, не-
 оставлю уведомить. Прости, любез-
 ный другъ! будь великодушенъ и не-
 гнись подъ бременемъ несчастія. Во мнѣ
 ты имѣешь друга; въ себѣ имѣешь все,
 что составляетъ истинное достоинство
 человека: слѣдственно и безъ Старосп-

ва Пышневскаго можешь еще быть счастливымъ.

П и с ь м о XVIII.

*Отъ Полковника Щеропольскаго къ
Графу Загоровскому.*

Объщавшись уведомить о продолженіи необыкновенныхъ здѣшнихъ происшествій, отправляю къ тебѣ штафету; ибо онѣ очень важны, достойны всего твоего вниманія. Во вчерашнюю ночь Яшка Кривошея вдругъ пропалъ изъ Варшавы. За мѣсяцъ прежде никто не смѣлъ бы говорить объ этомъ; но послѣ всего недавно случившагося онъ сдѣлался для публики лицомъ весьма занимательнымъ. Начали выводить разныя догадки; нѣкоторыя даже мнѣ приписываютъ похищеніе Яшки Кривошеи, полагая, что я симъ образомъ захопѣлъ тебѣ сдѣлать приятельскую услугу. Но воинъ благородный гнушается обманомъ; и еслибъ дѣло шло о твоей чести, то я готовъ бы лучше сто разъ сразиться, нежели за-

марать себя подлымъ поступкомъ. Я презрѣлъ такіе слухи; они очень скоро и сами собою замолкли, когда вышло въ публику отъ Пышневскаго Старошны объявленіе, въ которомъ сильно вооружаясь прошиву признанія твоей матери, онъ изображаетъ ее самыми черными красками; называетъ ее плутовкой, обманщицей, орудіемъ подлаго коварства, истощая всѣ пособія клеветы и злобы. По поводу сей бумаги наряжена особая Коммиссія, на томъ конецъ чшобы по разсмотрѣніи дакументовъ признаніе покойницы уничтожить, память ея провозгласить безчестною, все дѣло объявить уголовнымъ пресупленіемъ, а Ношариуса и Полицейскаго чиновника опрѣшить отъ должностей, яко сообщниковъ. — Старого Лѣсничаго, какъ слышно, уже нѣтъ на свѣшѣ. — Крайне прискорбно мнѣ, что именно теперь полкъ мой выступаетъ изъ Варшавы на Липовскую границу, гдѣ назначены ему новыя квартиры. Для предотврзщенія побѣговъ, мнѣ самому,

подъ опасеніемъ строгаго штрафа, предписано довести полкъ до самаго Сейна; сльдственно ни здѣсь немогу болѣе дѣйствовать въ твою пользу, ни доставлять къ тебѣ извѣстій. — Что касается до совѣтовъ, думаю, ты неимѣешь въ нихъ нужды. Знаю образъ твоихъ мыслей и ниже на одну минуточку не остаюсь въ сомнѣніи, какую ты выберешь для себя дорогу: я совершенно увѣренъ, что тебя ниже на одну минуточку не соблазнить вздорная мысль, будто Спароса единственно для прекрасныхъ очей твоихъ такъ много объ тебѣ хлопочетъ. Холодная душа его никакъ неспособна чувствовать сладкую привязанность дружбы; честолюбіе, одно честолюбіе! Съ той поры, какъ ты живешь въ Петербургѣ, гордынъ его нѣтъ предѣловъ; онъ ходитъ, вздернувши носъ къверху, и всѣмъ обѣщаетъ свое покровительство; толкуешь о преобразованіи присудственныхъ мѣстъ, опмѣняешь конституцію и вездѣ выставляешь себя на

мосмѣяніе. Впрочемъ не думай, чшобы всѣ были о немъ такого мнѣнія; есть еще, именно между закоренѣлыми въ ползаньи и ласкашельствѣ нѣкоторыхъ богатыхъ домовъ кліентами, есть такіе, въ которыхъ непогасъ еще духъ стариннаго безначалія, духъ уклончивости и личныхъ уваженій, духъ подкуповъ; и дѣло очень, очень вѣроятное, что Староста успѣлъ уже купить рѣшеніе учрежденной по его же проискамъ чрезвычайной Коммиссіи. Пока ты у должности, пока нуженъ для его плановъ и видовъ, до тѣхъ поръ онъ будетъ беречь тебя; какъ же скоро узнаешь, что ты иначе мыслишь, что не хочешь слѣпо исполнять его желаній, то въ ту минуту первой онъ отъ тебя отречется.

П и с ь м о XIX.

Отъ Довѣринскаго, управителя Украинскихъ деревень Старосты, къ Полковнику Щеропольскому.

Извѣстное мнѣ знакомство Вашего Высокоблагородія съ домомъ господина

моего, особенно же связи ваши съ Его
 Сіяшельствомъ молодымъ бариномъ, по-
 служили мнѣ поводомъ прилѣжнѣйше
 освѣдомляться о вашей особѣ, моего
 милоспивца и благодѣтеля. Но къ сущему
 прискорбію узналъ я нижайшій, что
 Ваше Высокоблагородіе съ полкомъ своимъ
 изволили отправишься въ походъ за день
 до прибытія моего въ Варшаву. Чувствую,
 сколь великую несу опъ того уприну; ибо
 при нынѣшнемъ запруднишельномъ сво-
 емъ положеніи единспвенно опъ васъ чаялъ
 получишь наспавленіе касашельно того,
 въ какую силу и какимъ образомъ мнѣ
 посшупашъ надлежитъ. Призванъ будучи
 сюда для весьма важныхъ дѣлъ, до
 молодаго барина касающихся, я предался
 имъ, какъ говоришся, шѣломъ и душею;
 понеже, искренно признаюсь Вашему
 Высокоблагородію, я рѣшился, по разу-
 му старинной пословицы, держашъся
 лучше восходящей на горизонтъ звѣзды,
 нежели склоняющейся уже къ своему
 западу. Въ слѣдствіе чего я и вознамѣ-

рился приобрѣсть благоволеніе молодаго барина, особливо же увѣдомившись, что онъ теперь въ великомъ благополучіи обрѣщается; ибо не только всѣ повелѣнія Царскія идутъ, какъ говоришь молва, черезъ его руки, но увѣряють даже, будто бы Его Сіятельство для большей важности самъ ихъ подписываетъ. Все сіе возбудило во мнѣ непреодолимое желаніе взвѣсиль важность моей услуги, и обратишь умный взоръ на принадлежащую мнѣ награду. Мысленно пробѣгая всѣ должности, всѣ мѣста нашего Государства, и разсуждая, копорую бы должность или мѣсто выбрать для себя, я было остановился на главномъ директорствѣ дворцовыхъ имѣній, какъ вдругъ всѣ мои надежды рушились, и дѣло наше приняло вовсе непонятное для меня направленіе.

Мы уже благополучно (что, какъ полагаю, и Вашему Высокоблагородію небезъизвѣстно), безъ всякаго шуму схватили въ Варшавѣ и выпроводили

въ Украинскія помѣстья ешаго самозванца, коіюраго подсунули было намъ вмѣсто молодого барина ; уже и судебное дѣло, цѣлую недѣлю длившееся, приближалось къ вождедѣнному окончанію : ибо хопя къ недосупному Президенту и не удалось намъ проложитъ дорогу, однакожь судей преклонили мы на свою спорону, обѣщавши одному выгодное мѣсто въ админиспращіи, а другому прехлѣпную аренду жирной волости. Такимъ образомъ устроивши все во благо, мы были надежны вразсужденіи рѣшительнаго опредѣленія ; оспавалось только прочесть его громогласно. Вдругъ въ присудственой залѣ слышится шумъ ; къ несказанному всѣхъ удивленію являється Его Сіашельство молодой бѣринъ , на курьерскихъ прискакавшій изъ Санктпетербурга ; громкимъ и убѣдительнымъ голосомъ объявляетъ себя сыномъ Служевской спарухи , отрекается отъ отца и отъ милліоннаго по немъ наслѣдства и предлагаетъ изумленнымъ судьямъ шакія до-

казательства, что они провозглашаютъ его настоящимъ сыномъ Гонораты, а увезеннаго нами калѣку законнымъ наследникомъ Спароты. — Я шутъ во все ничего не понимаю. Прости Господи! ужь не рѣхнулся ли нашъ молодой баринъ? Или не министерская ли какая штука? Ибо спачное ли дѣло, добровольно опказываться опъ богатаго имѣнія? Вѣдь однѣ только Украинскія деревни стоятъ больше двухъ милліоновъ! Того ради, опасаясь въ чемъ нибудь проступиться, изъ суда пошелъ я прямо къ себѣ на кварширу, а на барской дворъ послалъ своего Ивана, приказавши ему пошчасъ дать мнѣ знать, чѣмъ кончится свиданіе опца съ сыномъ; ибо ко всему прибавить еще должно, что молодой баринъ изъ суда пошчасъ, какъ будто сдѣлалъ славное дѣло, полешѣлъ — куда бы вы думали? — прямо къ Спаротѣ! Вошъ и видно, что они спакнулись. Охъ, если ешо какія нибудь сѣпи, въ копоры хотятъ поймать можешъ бытъ и

меня, старую лисицу, Довѣринскаго!
Избави Боже отъ напраслины!

П и с ь м о XX.

Отъ Терезы къ Павлинѣ.

Теперь лишь я опамятовалась. Вижу себя въ своей комнатѣ; но какимъ образомъ здѣсь очутилась и что сдѣлалось со мною, никакъ не могу описать тебѣ. Помню только, и ахъ! во вѣки забуду ешаго случая. . . Не знаю, увижусь ли ввечеру съ побою; но, хотя бы мы и увидѣлись, о подобныхъ происшествіяхъ не рассказываютъ при свидѣтеляхъ. Лучше теперь тебя предупредю. — Я лишь только было кончила упреннее свое съ г-жею Сенваль чпеніе, которое, какъ тебѣ извѣстно, очень плохо идетъ въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль, чрезвычайными для нашего дома происшествіями исполненныхъ, — лишь только собиралась одѣваться; вдругъ входитъ Маріанна, и говоритъ, что бапюшка возвратился

изъ суда такой сердитой, какимъ его еще ни разу невидывали, ни слова неопвѣчалъ дворецкому, который спросилъ было его, дома ли изволишь кушать; оппехнулъ камердинера, подошедшаго снять съ него шубу, и бросился на кресла, по видимому въ чрезвычайномъ огорченіи. Сказавши это, горничная вышла; но въ ту же минуту бѣжишь назадъ запыхавшись, и кричишь мнѣ: баринъ, молодой баринъ приѣхалъ! — Сердце во мнѣ затрепешало; въ первомъ движеніи, вырвавшись изъ рукъ г-жи Сенваль, я побѣжала черезъ нашъ гардеробъ въ прилежащій къ нему кабинетъ, только ширмами одѣляемый отъ бапюшкиной комнаты; на силу донесли меня туда дрожащія колѣна; я упала на ближнія кресла; удерживая дыханіе, чѣмъбы непроронить ни одного слова, спала прислушиваясь къ разговору, и наконецъ узнала, что дѣло рѣшено, что Графъ не братъ мнѣ, что честность его и характеръ объяснили все вопреки

собственнымъ его выгодамъ. — Услышавъ
 это, я ощутила въ себѣ какую-то чрез-
 вычайную смѣлость; великодушіе Графа
 наполнило и мою душу; я толкнула въ
 дверь, и забывъ спротивъ бабюшки,
 забывъ природную пола моего застен-
 чивость, упала къ ногамъ родителя и
 громко сказала, что Графъ владѣетъ
 моимъ сердцемъ, что никто кромѣ его
 не получитъ руки моей, и что бабюшка,
 ушрашивши сына, лишится еще и зло-
 получной дочери, ежели незахочетъ сдѣ-
 лать насъ, обоихъ вмѣстѣ, счастливы-
 ми. Послѣ того я лишилась чувствъ,
 и уже сама незнаю, какъ очутилась въ
 постели, гдѣ теперь лежу раздѣтая.
 Ахъ, еслибъ какъ нибудь, подъ какимъ
 нибудь предлогомъ ты навѣспила меня
 хоть на одну мину! . . . По чему
 знаешь, можетъ быть монастырь, мо-
 жетъ быть отверженіе навсегда отъ
 родительскаго дома. . . Всего ожидаю
 равнодушно; ибо ежели не съ нимъ, то
 для меня все равно, и ничто не можетъ
 ушрашить меня.

Письмо ХХІе и послѣднее.

Отъ Графа Загоровскаго, изъ Варшавы, къ Полковнику Щеропольскому.

Любезный другъ! для чего ты не здѣсь! Сердцу, до избытка наполненному чувствомъ, необходимо нужно излить его; а лѣнивое письмо въ подобныхъ дѣлахъ бываетъ худымъ посредникомъ. Какъ бы теперь было кспаша бросишься въ твои объятія! Ахъ, другъ мой! есть, есть на земли счастье, ибо я, именно я, достигъ самой его вершины! Слушай, и вмѣстѣ со мною благословляй Провидѣніе! Письмо твое, полученное со шпашей, взволновало всю мою душу; я побѣжалъ къ доброму Государю, немедленно получилъ оппускъ, бросился въ коляску, днемъ и ночью скакалъ, неимѣя впрочемъ никакого рѣшительнаго въ головѣ плана, и въ осмой день около полудня очутился въ Варшавѣ. Я взѣхалъ прямо къ тебѣ на квар-

ширу. Тупъ спарый твоей Антонъ, повпоривъ описанное побою, прибавилъ, что въ это время вся Варшава собралась въ залъ судебной Коммиссіи, гдѣ по дѣлу моему съ какою-то плутовкой, называющей себя моей матерью, должно было прочтено окончательное опредѣленіе. Въ безпамятствѣ кинулся я бѣжающъ изо всей мочи; подоспѣвши въ залу въ самое то время, когда оспалось только приступилъ къ объявленію приговора, я испросилъ дозволеніе говорить къ судьямъ. Что именно говорилъ я, теперь не помню; знаю только, что слова мои и убѣжденія, изъ глубины сердца излившіяся, были приняты судьями, и что послѣ совѣщанія, около половины часа продолжавшагося, объявленъ приговоръ, сохранившій честь покойной моей матери, а мнѣ доставившій радостную увѣренность, что я исполнилъ свой долгъ, священный долгъ сына. — Послѣ того я направилъ путь къ Старостѣ; нашелъ его неподвижно сидяща-

го въ креслахъ, съ выкапившимися наружу глазами, въ невозможности управляя языкомъ. Обстоятельство сіе дало мнѣ удобный случай предложить свои мысли: во первыхъ я просилъ его даровать матери моей прощеніе, за которое обѣщавался быть ему навѣки благодарнымъ; послѣ того объявилъ ему, что данное мнѣ благошворительностію его воспитаніе обогатило меня средствами содержащъ себя безъ всякой посторонней помощи, и что, не смотря на это, безъ всякихъ видовъ и надеждъ, я всю жизнь свою посвящаю его услугамъ. Молча слушалъ онъ рѣчь мою, и уже спустя четверть часа, какъ бы вышедши изъ безпамятства, громко воскликнулъ: но все это возвратишь ли мнѣ сына, кредитъ, значительность? . . . — „Возвратишь, возвратишь, любезнѣйшій батюшка!“ — произнесла громкимъ голосомъ Тереза, въ упренномъ плащѣ, съ заплаканными глазами, съ распорепадной головою выскользавшая изъ ближняго кабинетца: —

„возвращишь; иначе дочери твоей не-
 жишь на свѣтѣ!“ — Слезы и замѣша-
 тельство заставили ее умолкнуть; она
 упала къ ногамъ отца, и немогла под-
 няться. Я, окаменѣвшій отъ изумленія,
 стоялъ безгласенъ: Ангельскій видъ
 ея и необычайность происшествія оп-
 няли у меня употребленіе силъ душев-
 ныхъ. Напропавъ того она, скрѣпив-
 шись, продолжала рѣшительнымъ голо-
 сомъ: „Родитель мой! здѣсь предъ то-
 бою находился отецъ, съ которымъ раз-
 сѣявшись, какъ съ братомъ, уже пол-
 года я неимѣла донынѣ вовсе ника-
 кихъ сношеній; отъ котораго никогда
 не слыхала одного слова о любви, и
 которому въ первый разъ, въ своемъ
 присутствіи, признаюсь теперь, что
 люблю его, что безъ него немогу
 жить на свѣтѣ. Изъ оставшихся послѣ
 Гонораты писемъ извѣстно мнѣ, что
 и онъ пишетъ ко мнѣ тѣ же чувства.
 Государь батюшка! со счастьемъ дѣтей
 своихъ вы можете соединить выгоды

дома и фамиліи, принявши себѣ зятемъ
 того, кого превыкли называть своимъ
 сыномъ. Принадлежащее мнѣ мапушки-
 но имѣніе, съ прибавленіемъ той части,
 которую вы мнѣ пожаловашъ соизволише,
 достаточнымъ будетъ поддержаши имя
 Загоровскихъ. Милосердый Монархъ не
 ошречешся утвердиши ешо имя, когда
 вы благословиши союзъ нашъ. Все
 прочее пускай въ свое время получиши
 истинный наслѣдникъ, въ копоромъ Не-
 бо даровало мнѣ брапа. . .“ — Моженъ
 быши она еще бы продолжала рѣчь свою,
 ибо мое и Спароспы изумленіе давали
 полную свободу словамъ ея; но изліяніе
 чувствъ и напряженіе силъ совершенно
 ее истощили, такъ что въ безпамят-
 ствѣ она упала на ближнюю софу, и
 прибѣжавшими на помощь женщинами
 была немедленно опнесена въ ея комна-
 ту. Отецъ далъ мнѣ рукою знакъ, что-
 бы я вышелъ; самъ не вѣдаю, какимъ
 образомъ допацился я до швоей кгар-
 шеры, бросился на кроватъ и пролежалъ

до другаго дня какъ бы въ совершенномъ безчувствіи. Рано по утру, пришедшій ко мнѣ Довѣринскій объявилъ, что Староста желаетъ говорить со мною. Я нашелъ его наединѣ съ опцемъ Провинціаломъ Піарскаго братаства, нашелъ ослабѣвшаго и совсѣмъ перемѣнившагося. — „Нехочу бороться съ Провидѣніемъ ;“ такъ началъ онъ : „я всегда зналъ тебя добрымъ сыномъ: будь же имъ до конца жизни; даю тебѣ руку моей дочери, и съ нею имя Загоровскихъ; надѣюсь, что и то и другое сохранишь достойнымъ образомъ. Ты получишь здѣшнее помѣстье; Украинскія деревни пускай оспаются при несчастномъ Яшкѣ; а я, по окончаніи дѣлъ съ вами, переселюсь въ Познаньское Княжество. Будущая жена твоя теперь находится у Каштеллянши, которая заступитъ мѣсто матери и назначитъ день вашей свадьбы.“ Тутъ онъ кончилъ; я упалъ передъ нимъ на колѣна, и не могъ выговорить ни одного слова. — Опекъ Провинціаль, осы-

павши меня поздравленіями , хотѣлъ было кое-что развѣдать о Петербургѣ ; но я просилъ его оставить это до другаго времени. Топчасъ вошли разные особы, копорымъ объявилъ отецъ мой (теперь уже имѣю право такъ называть его), что я призванъ имъ для окончанія славнаго дѣла , что въ этомъ дѣлѣ каждой исполнилъ свою должность, и что меня, прежняго сына, представляешь имъ нынѣ въ качествѣ своего зятя. Я поскорѣе повернулся и побѣжалъ къ Кашпеллянишѣ, у которой полагалъ найти дражайшую свою Терезу. . . . Такъ, любезный другъ! я видѣлъ ее , видѣлъ. Но непребуй опъ меня подробныхъ описаній : сіе первое чувствительныхъ сердець сближеніе . . . . сія радость , только одной развѣ небесной подобная . . . . для нее нѣтъ ни словъ , ни понятій . . . . ее надобно чувствовать, ее можно только чувствовать! — Отправляю къ тебѣ нарочнаго; приѣзжай, другъ любезный, раздѣлишь мои чувства, чувства еще ни однимъ изъ смертныхъ

неиспытанныя. Въ двѣ, въ три недѣли, Боже! какія перемѣны, какія происшествія!... Но не спану задерживаю нарочнаго. Жду тебя неперпѣливо, и заклиною выдти изъ службы. Оздыхающее опечесство наше, врачуя свои раны, не требуетъ болѣе звуковъ оружія; довольно, ахъ! слишкомъ уже довольно сдѣлано для славы! — Я въ Петербургъ не возвращуся; Министръ, котораго я временно отправлялъ должность, самъ на сихъ дняхъ ѣдетъ. Тебя только, тебя недостаетъ для моего блаженства! Будемъ жить вмѣстѣ, и я спану повторять ежедневно: *есть, есть на земли счастье!*

Съ Польск.

СПЛИНЪ,

или

ДОЛИНА ЛАУТЕРБРУННЪ.

Повѣсть.

Молодой Томасъ Веннворптъ давалъ большой обѣдъ друзьямъ своимъ. Послѣ стола, когда женщины уходили, Томасъ, убѣжденной прозьбами собесѣдниковъ, началъ рассказывать свою исторію. „Вы желаете знать, любезные друзья, какими средствами излѣчился я отъ пагубной болѣзни, которая примѣшнымъ образомъ сокращала жизнь мою, въ лучшее время ея лишала меня всѣхъ радостей, и заспавляла желаніемъ одной смерти: охотно удовлетворяю вашему любопытству. Но я долженъ предварить васъ, что въ моей исторіи нѣтъ романтическихъ приключеній; она можетъ быть занимательною только для тѣхъ людей, которые любятъ разсматривать и наблюдать сердце человеческое.

„Однажды въ десять часовъ по утру, лишь только я проснулся, входилъ

ко мнѣ въ спальню Докторъ Елліотъ , въ первой разъ призванный, и сядишя на постелю. Съ трудомъ приподнявши голову, я сказалъ ему слабымъ голосомъ : Ахъ, г-нъ Елліотъ! вы видите несчастнаго молодатаго человѣка на краю могилы. Окруженный всѣми выгодами богатства, я изнуряюсь уныніемъ. Мнѣ только двадцать пять лѣтъ отъ роду, а уже разспался я съ очарованіями молодости; душа моя опустѣла; она опказываетъ даже въ самыхъ желаніяхъ припупленнымъ моимъ чувствамъ; жизнь спановишя мнѣ въ пыгоспъ; она походилъ на мучительный сонъ, возмущаемый печальными видѣніями; всѣ мысли мои спремяшя къ одной смерти, копкой ожидаю съ неперпѣніемъ, между нѣмъ какъ чувствую привязанность и къ жизни, не имѣющей для меня припшностей ни въ настоящее, ни въ будущемъ. Я совѣтовался съ искуснѣйшими, или по крайней мѣрѣ съ извѣстнѣйшими въ Лондонѣ медиками, но лѣ-

карсива ихъ увеличили только болѣзнь мою ; напоследокъ всѣ оставили меня. Я дошелъ , говоряшъ они , до послѣдней степени сплина. — Они правы, хладнокровно отвѣчалъ мнѣ Докторъ. — И такъ мнѣ должно умерѣшъ ! — Должно безъ сомнѣнія, но въ девяносто лѣшъ. — Небо ! воскликнулъ я : вы знаете средство излѣчишъ меня ? . . . — Можешъ бышъ , можешъ бышъ , Сиръ Томасъ ! Посмотримъ , продолжалъ Докторъ , устремивъ на меня внимательные взоры : говорите со мною откровенно. Не употребляли вы во зло даровъ счастія и силъ молодости ? — Я пользовался ими, однакожъ не до излишества. — Что вы чувствуете, просыпаясь по утрамъ ? — Несносную скуку. — Какія бывающъ у васъ первыя мысли ? — Разсѣянные , неясные , не устремленные ни къ одному предмету. — Изъ всѣхъ удовольствій какое наиболѣе нравишся вашимъ чувствамъ ? — Никакое ! . . . — А любовь ? . . . — Ахъ ! я не въ состояніи ни любилъ , ни ненави-

дѣшъ! — А зрѣлища? — Не произво-
 дяшъ надо мной никакого очарованія. —
 Хорошій сполъ? — Я вовсе не имѣю
 аппеллиша. — Восхищительныя картины
 Природы? — Ахъ, господинъ Елліотъ!
 я смопрю на нихъ только сквозь слезы.
 — Вы очень несчастливы! сказалъ мнѣ
 Докторъ; но еще можно васъ вылѣчить.
 — О небо! — Будьте въ томъ увѣрены;
 однакожъ вамъ надобно сдѣлать великое
 пожертвованіе. — Какого пожертвованія
 пребудете? — Вамъ надобно опказаться
 опъ своего опечесства, опъ связей и
 привычекъ своихъ, опъ всѣхъ выгодъ
 богатства: вы должны забыть, что
 вы теперь, и что были прежде; дол-
 жны забыть о пятидесяти тысячахъ
 фунтовъ стерлинговъ годового дохода;
 на конецъ вы должны опправиться въ
 Швейцарію, взявъ съ собою одну сопню
 гиней, чтобы тамъ купить нѣсколько
 козъ и паспущескую хижину. Тамъ про-
 живете одинъ годъ подъ чистымъ не-
 бомъ, въ ароматическомъ воздухѣ;

будете прудитъся въ потъ лица своего, чтобы приобрести здоровье, котораго не можно купить ни за все золото Англїи, ниже за всѣ алмазы Индіи. — Какъ! воскликнулъ я: мнѣ нупешествовать? Подумайте, я поперялъ всѣ свои силы. — Вы опять получите ихъ. Болѣзнь ваша, продолжалъ Докторъ, происходитъ отъ климаша; вамъ надобно переселишься въ другое мѣсто, котораго бы она боялась. Отъ великаго богатства рождается пресыщеніе, отъ пресыщенія скука: душевныя и чувственныя вожделѣнія наши угасають при всегдашней возможности удовлетворять онымъ. Человѣкъ непремѣнно долженъ бороться съ физическими и нравственными нуждами, если хочешь, чтобы душа его и тѣло не приходили въ изнеможеніе. Въ обществѣ есть классъ людей, между которыми болѣзнь ваша весьма рѣдко встрѣчается — это классъ бѣдныхъ; къ нему вамъ должно и себя причислить. И такъ отправьтесь въ путь какъ можно

скорѣе, слышите ли? какъ можно скорѣе! возвращитесь по прошествіи года, — и мы васъ поздравимъ съ совершеннымъ возстановленіемъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. — Я хотѣлъ сдѣлать еще нѣсколько возраженій; но Докторъ сказалъ рѣшительно: Государь мой! при переперешнемъ кораблекрушеніи вамъ оспаеся одна только доска; если не откажетесь опъ всего, и не рѣшитесь за нее ухватиться, то вы погибли! — При сихъ словахъ онъ беретъ свою шляпу и опкланивается, пожелавъ мнѣ счастливаго путешествія.

„Нѣсколько времени размышлялъ я о совѣтахъ Доктора, и лучъ надежды блеснулъ въ душѣ моей. — О, еслибъ это была правда! сказалъ я самъ себѣ; еслибъ могъ я ожить снова, еще почувствовать сладость бытія, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ взираеть на свѣтъ солнца, котораго блескъ шгопишь мое зрѣніе и упоминаешь мои нервы! о, если

бы въ самомъ дѣлѣ подъ яснымъ небомъ исчезли сіи мучительныя ощущенія, которыя спѣсняютъ мое сердце! Такъ, я рѣшаюсь! Г. Елліотъ меня не обманываетъ; я замѣпилъ искренность и въ очахъ и въ словахъ его: онъ точно увѣренъ въ успѣхъ!

„Въ ту же минуту зову къ себѣ управителя, котораго честность вамъ извѣстна. — Вильямъ! говорю ему: я намѣренъ показать на дѣлѣ, какъ велика моя къ тебѣ довѣренность и мое уваженіе. Завтра отправляюсь въ путь; оставляю Англію и беру съ собою только сто гиней. Ты не будешь знать о мѣстѣ произвольнаго моего започенія, и не старайся узнавать о немъ; я шакъ хочу. Ни родственники, ни друзья мои не должны знать о моемъ пребываніи. Въ мое отсутствіе управляй имѣніемъ, какъ своимъ собственнымъ; если потребуется денегъ прежде испеченія года, то не посылай ихъ и даже непризнавай дѣйствительнымъ векселя, который по-

слабости своей я вздумалъ бы надписатьъ на швое имя. — Вильямъ удивился моей рѣшимости и крайне опечалился; онъ хотѣлъ упопребить все краснорѣчіе своей ко мнѣ привязанности, чѣмъбы удержалъ меня, или по крайней мѣрѣ чѣмъбы узнать о будущемъ моемъ пребываніи. Неспрашивай меня! сказалъ я: все рѣшено, Вильямъ; дѣло идетъ о моей жизни. — На третій день я сѣлъ на корабль въ Дуврѣ, и выдержалъ переправу до Кале гораздо лучше, нежели какъ воображалъ себѣ.

„Удаляясь отъ Англіи, чувствовалъ я, что грудь моя расширялась; нервы мои спанивались свободнѣе, сердце облегчалось, голова очищалась отъ паровъ, долгое время по видимому спѣснявшихъ мои мысли. Но сіе тихое, сладостное состояніе было непродолжительно. Я размышлялъ о будущемъ новомъ родѣ жизни, о народѣ, котораго нравы, обыкновенія и самой языкъ были мнѣ совершенно чужды: воображеніе мое пугалось бѣдности, ко-

торой искашь я рѣшился въ странѣ столь опдаленной. Я думалъ о родственникахъ, о друзьяхъ, оспавляемыхъ мною; еще разъ устремилъ печальный взоръ на опечесство, и мнѣ казалось, что во глубинѣ сердца тайный голосъ вѣщалъ мнѣ: ты не увидишь его болѣе!

„Чрезъ три недѣли моего путешествія показали возвышающіяся вершины Швейцарскихъ горъ, покрытыя зеленью и снѣгами. При семъ видѣ, который долженъ бы упѣшилъ сердце, глубокая печаль овладѣла мною, слезы полились ручьями изъ глазъ моихъ, и я сказалъ самъ себѣ: вошъ гробъ твой!

Приѣхавши въ Бернъ, оспанавливаясь въ прекрасной гостинницѣ, на террасѣ кафедральной церкви. Я намѣренъ былъ отдохнуть нѣсколько дней въ семъ прелестномъ городѣ, не для того чтобы осмопрѣть въ немъ любопытные предметы; нѣтъ, я не имѣлъ ни силъ, ни охоты: но еще не зная, какую страну Швейцаріи избрать мѣстомъ своего за-

поченія , я думалъ , что въ два дни могу рѣшиться. Я не выходилъ изъ комнаты ; опершись на окно , обозрѣвалъ окрестности страны, обогащенной земледѣліемъ , страны , въ которой Природа соединила вмѣстѣ улыбающіеся холмы и долины и лѣса и воды. Безъ всякаго намѣренія разсматривалъ я великолѣпныя окрестности , представлявшіяся мнѣ въ отдаленіи — Метембергъ , Веттергорнъ , Юнгферъ и Гримзель , коихъ блестящіе верхи, покрытые льдами, казалось, раздѣляли съ вѣнчающими ихъ облаками яркіе цвѣты заходящаго солнца ; душа моя , пожираемая неизвѣстной горестію, не способна была удивляться, ибо удивленіе есть уже удовольствіе. Смотря на воды Аара , быстро текущаго посреди сей восхищительной картины, орошающаго высокія цѣпи горъ Альпійскихъ , я иногда чувствовалъ желаніе броситься въ волны и говорилъ самъ себѣ : тогда все бы окончилось !

„Собравши свѣдѣнія о мѣстѣ будущаго своего пребыванія, я рѣшился поселиться въ долину Лаутербруннъ, которая, какъ сказывали мнѣ, имѣла самое живописное и самое дикое положеніе въ Бернскомъ кантонѣ. беру проводника и отправляюсь туда пѣшкомъ до восхожденія солнца. Дорога изъ Берна къ Лаутербрунну была чрезвычайно трудная: часто надлежало подниматься на крутые скалы и переходить моря ледяныя. Я принужденъ былъ отдыхать цѣлый день въ Гриндельвальдской долине. Воздухъ былъ свѣжъ, небо ясно; лучи солнца, упавшіе прямо на льды и снѣжныя горы, упомили глаза мои. Сіи картины, то улыбающіяся и прелестныя, то величественныя и дикія, несогласовались съ моими физическими силами: будучи весьма слабъ, я не могъ предаваться живымъ, разнообразнымъ движеніямъ духа, но впрочемъ не могъ же быть и равнодушнымъ къ симъ великолѣпнымъ сценамъ Природы. Та-

кимъ образомъ все, что служило для другихъ источникомъ удовольствій, становилось для меня источникомъ страданій.

„Проснувшись на другой день, я почувствовалъ въ первый разъ возвращеніе аппетита. Послѣ умереннаго завтрака снова пускаюсь въ дорогу, и не безъ удовольствія прохожу Гриндельвальдскую долину, окруженную высокими горами; на каждомъ шагѣ встрѣчаю плодотворныя лощины и зеленѣющіе холмы. Пригорки, покрытые цвѣтущими кустарниками и дерномъ, отдѣляютъ жилища добрыхъ поселянъ отъ долины, и передъ каждымъ домикомъ шумитъ источникъ, обиліе и жизнь несущій съ собою. Здоровье блистаетъ на лицахъ мужчинъ, свѣжій румянецъ украшаетъ женщинъ. Кажется, что просердечіе, искренность, невинность и веселость избрали се мѣсто своимъ убѣжищемъ. Оставляю Гриндельвальдъ; иду по узкой дорогѣ, отдѣляющей долину отъ Лаутербрунна;

продолжаю путь свой среди льдовъ , сосенъ, попоковъ и ушесовъ , висящихъ надъ моею головою. Туть предался я печальнымъ размышленіямъ : солнце начинало скрываться за вершины Юнгфера ; вдали слышалось мычаніе стада и пѣсни паспуховъ , разнообразно повпоряемая горнымъ ехомъ. Вдругъ взоръ мой поражается славнымъ водопадомъ Штауббахомъ, который, съ великимъ шумомъ низвергаясь изъ нѣдръ отвѣсной скалы, уподобляется длинной скапери, отъ неба до земли протяженной. Вода падаетъ такъ стремительно, что еще на высотѣ превращается въ дождевыя капли. Я вовсе не ожидалъ такого зрѣлища, и въ изумленіи отступилъ назадъ: глаза мои ослѣпились неописаннымъ блескомъ радуги, которая величественно возвышалась надъ водопадомъ, и отъ дѣйствія которой каждая капля воды сіяла яркими цвѣтами.

„Вхожу въ первой замѣченный мною домикъ и прошу госпепріимства; меня

встрѣчаютъ съ тою искренностію и
простотою, какими опличаются толь-
ко жители Швейцаріи. Мнѣ предлага-
ютъ молоко, плоды; я насыщаюсь съ
нѣкоторымъ удовольствіемъ; пригото-
вляютъ постель, въ которой имѣлъ я
великую нужду, уславши опъ двуднев-
наго путешествія. Я тотчасъ уснулъ,
между тѣмъ какъ хозяинъ мой со много-
численнымъ семействомъ тѣлъ проспья,
прогашельныя пѣсни, которыя напол-
няютъ душу сладостными движеніями,
сырая чистыя, непритворныя чув-
ства.

„Проснувшись, надѣваю пашуше-
ское платье, которое заказалъ для
себя еще въ Бернѣ; поручаю своему про-
воднику купить для меня хижину и не-
большое стадо козъ, а самъ выхожу изъ
дому хозяина не для того, чтобы на-
слаждаться красотою Природы, совер-
шенно для меня новой, но чтобы на лу-
гахъ, на берегахъ источниковъ разсѣ-
ять мрачныя свои мысли.

„При самомъ началѣ прогулки вдругъ слышу приятные звуки. Смотрию: въ деревню спекаются жипели долины къ обѣднѣ. Съ каждой минутою толпа спанившихся многолюднѣе. Сельскіе музыканшы, продолжая свой концертъ, съ важностію подходящъ къ церкви; согласіе инструментовъ, набожныя и трогательныя пѣсни придавали сему торжеству неизъяснимую занимательность. Мысленно переносуся въ тѣ вѣки, прославленные стихотворцами, когда всѣ удовольствія человека были невинны, всѣ желанія чисты. Слѣдую за добрыми поселянами; они готовились возблагодарить Вѣчнаго за сохраненіе имъ первыхъ благъ въ жизни — простоты нравовъ, спокойствія совѣсти и здоровья. Народъ вступаетъ въ церковь; старики становящіяся по одну сторону, юноши по другую; мащери занимающъ возвышенныя мѣста напрошивъ дѣтей своихъ; хоръ располагается надъ дверьми храма. Въ глубокой тишинѣ, безмолвно ожида-

юшъ прибытія пастора. Онъ является, и всѣхъ взоры устремились на почтеннаго сшарца; во всѣхъ чертахъ его сіяли благочестіе и добродѣтель.

„Едва кончилась божественная служба, какъ вдругъ флейшы и гобой начали играть снова; напѣвъ ихъ былъ не столько важенъ, но мелодія болѣе сладостна и прогашельна. Юноша съ дѣвицею, сопровождаемые своими родсшвенниками, спановѣяшся на колѣни предъ жертвенникомъ и получаюшъ благословеніе брачное. Непринужденная радость блиспала въ ихъ взорахъ; въ чертахъ ихъ изображалось неизмѣняемое счаспіе: оба увѣрены заранѣе, что всегда будушъ находшъ новыя наслажденія во взаимной нѣжности, новыя причины любить другъ друга.

„Ахъ, друзья мои! шщепно хотѣлъ бы я описашъ вамъ чувспва, произведенныя во мнѣ сею прогашельною картиной! Въ то время, какъ веселіе блиспало на всѣхъ лицахъ, я удалился въ уединенный уголь, чувспвовалъ, какъ расширялась грудь моя и слезы брызга-

ли изъ очей моихъ. О счастье , счастье ! говорилъ я самъ себѣ: образъ твой повергъ меня въ смертельную горестъ! Ахъ! не уже ли никогда не буду наслаждаться тобою!

„Возвожу плачущіе глаза на высокое мѣсто , на которомъ стояли сельскія дѣвушки. Всѣ онѣ смотрѣли на церемонію съ кропкимъ благочестіемъ ; взоры одной устремлены были на меня. Красота ея имѣла болѣе приятности, нѣжности и благородства , нежели прочихъ ея подружекъ : она была печальна, уныла, иногда слезы орошали ея рѣсницы. Печаль придавала ей въ глазахъ моихъ еще болѣе прелестей. И она несчастна , подобно мнѣ ! думалъ я : можетъ быть счастье обратишь къ ней съ благосклонною улыбкой ; можетъ быть смерть прекратишь ея страданія ! — Народъ вышелъ изъ церкви ; а я , углубившись въ печальныя размышленія, того и не примѣтилъ. Наконецъ опамышиваюсь ; иду въ деревню , и вижу болѣе двухъ сотъ молодыхъ людей обоего по-

ла: пляшущихъ при игрانی тѣхъ же самыхъ инструментовъ, коихъ прогашельная гармонія незадолго возбуждала въ нихъ благочестіе. Дѣвушки, увидѣвъ меня, молодаго незнакомаго паспуха, лежащаго подъ тѣнію спарой ели и печально смотрящаго на ихъ забавы, подходящъ ко мнѣ, просящъ раздѣлишь съ ними увеселенія, вызывающъ невинными шутками. На все отвѣчаю не болѣе какъ меланхолическою улыбкой. На послѣдокъ онѣ съ видомъ жалости оставили меня, и взоры ихъ говорили: бѣдной юноша! можетъ быть онъ оплакиваетъ свою любовную; переспанемъ возмущающъ горестъ его!

„Между ними искалъ я той дѣвицы, копорой слезы повспрѣчались съ моими; но уже не видалъ ее посреди подружекъ. Я чувствовалъ въ себѣ варварское утѣшеніе, думая, что не одинъ я несчастенъ въ сей долину веселія. Несчастный ищущъ себѣ подобнаго какъ странникъ, претерпѣвшій кораблекру-

шеніе, въ невѣдомой странѣ ищемъ другаго существа, способнаго понимать его и отвѣчать ему чувствами сердца.

„Послѣ танцовъ рѣзвыя дѣвушки берутъ одна другую за руку, начинающъ пѣть и приближающъ къ подошвѣ холма, котораго крутая оплогость покрыта льдами. Вдругъ взбѣгающъ на вершину, и мнѣ казалось, что я вижу сонмы Ангеловъ, несущихся къ небу. Но какое удивленіе поразило меня, когда замѣтилъ я, что онѣ располатаются спускаться съ холма! Снова берутся онѣ за руки и скользятъ по гладкому скапу. Распущенные ихъ волосы развѣвались по воздуху; иногда останавливались онѣ среди быстраго бѣга, и пугали паспужовъ своихъ, которые внизу горы ожидали ихъ объятій съ живѣйшимъ неперпѣніемъ. Но вотъ онѣ лепятъ внизъ, бросающъ къ нимъ на руки со всею благоприспоспѣію, и, не красѣя, приемлютъ сладостныя поцѣлуи любви невинной.

„Сіи очаровательныя забавы, сія веселость искренняя, свободная, сія картина жизни, молодости, здоровья произвели въ груди моей сильное претепаніе. Счастливые паспухи! воскликнулъ я: какъ завидна ваша участь! Взирая на ваши забавы, понимаю и чувствую, что человекъ можетъ любить бытіе свое. Что я передъ вами? Изнеможенный опъ невѣдомой мнѣ болѣзни, я угасаю, еще не наслаждавшись жизнію. Прелестныя очарованія любви и дружелюбія! милыя узы, соединяющія одного человека съ подобнымъ ему! вы не существоуете для меня! Распоргнуты связи, соединявшія меня съ обществомъ человеческимъ!

„Я возвратился къ своему хозяину въ такой успалости, какъ будто бы самъ участвовалъ въ забавахъ, копорыхъ былъ только свидѣтелемъ. Колѣна мои подгибались; сильное волненіе во мнѣ было подобно движеніямъ человека, пораженнаго непредвидимымъ несча-

стіемъ. — Скоро по захожденіи солнца приходилъ мой проводникъ : онъ опъискалъ для меня хижину на скапъ Брейпъ-Лаувенена, одной изъ высочайшихъ горъ, окружающихъ Лаутербруннскую долину. Грозныя скалы, поросшія елями, окружаютъ жилище бѣднаго Тома: симъ именемъ буду впредь называть себя. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моей хижины прекрасной водопадъ, вырвавшись изъ горы, скапершью спелется по долину. Я купилъ себѣ двѣнадцать козъ, копорыхъ долженъ былъ гонять на зеленѣющія высоты вмѣстѣ съ другими паслухами. Такимъ образомъ издержалъ я почти всѣ деньги, привезенныя изъ Англіи, и мнѣ оставалось прудиться въ попѣлица подобно моимъ новымъ поварищамъ. Хижина у меня была окряпная, какъ и у всѣхъ жителей Швейцаріи. Я находилъ въ ней всѣ необходимыя вещи: небольшую скамью для сидѣнья, столикъ для обѣда и поспель, хопя немного жесткую для челоука, привыкшаго ко

Часть II.

И

всѣмъ изобрѣшеніямъ роскоши и нѣги, но довольно покойную для крѣпкихъ членовъ пашуха, утомленнаго работою и незнающаго безсонницы.

„Первые дни были для меня ужасны. Уединеніе, питавшее мрачную скорбь, копорая меня снѣдала; грубой, орошаемый моими слезами хлѣбъ, къ которому непривыкло изнѣженное мое тѣло; принужденная дѣятельность; усилія, съ какими бродилъ я за спадомъ своимъ по горамъ среди скалъ, спремнинъ и льдовъ: — все ускоряло въ новомъ родѣ жизни приближеніе роковой минуы, ожидаемой мною съ опчаяннымъ неперпѣніемъ. Нѣсколько дней спустя, я уже не въ силахъ былъ выходитьъ изъ хижины: горячка воспламенилась въ моихъ нервахъ; открылась болѣзнь жестокая, и смыслъ мой потерялся въ безпамятствѣ. Я приходилъ въ себя единспвенно во время сильныхъ припадковъ боли. Цѣлая двѣ недѣли висѣлъ я на волоску между жизнью и смертію, непомня своей опасно-

спи, не зная гдѣ я. Иногда казалось мнѣ, что нахожусь въ опечесствѣ, посреди друзей моихъ; иногда мысленно шатаюсь въ дикой пустынѣ, гоняясь за призраками, безпрестанно опъ меня убѣгавшими; иногда въ мечпаніи видѣлъ подлѣ себя шу молодую особу, коея печаль споль глубокое произвела во мнѣ впечатлѣніе; опяшь мнѣ казалось, будто она сидитъ у ногъ моихъ на постели, оплакиваетъ мою участь, изъявляетъ мнѣ всѣ знаки нѣжнаго соспираданія: но скоро исчезалъ сей милый образъ подобно другимъ видѣніямъ. Наконецъ, послѣ глубокаго безпамятства, подобнаго вѣчному сну, въ которой погруженнымъ меня почипали, я опкрываю глаза, смотрю вокругъ, спрашиваю самаго себя: гдѣ я? Вдругъ слышу: онъ живъ! онъ живъ! Вижу подлѣ себя двухъ женщинъ: одна была пожилыхъ лѣтъ: она шо воскликнула, что я ожилъ; другая, подобно веснѣ юная, подобно благопворишельности кропкая, подобно распу-

екающемуся цвѣтку прекрасная, емо-
трѣла на меня въ молчаніи; но взоръ
ея показывалъ, что она раздѣляетъ ра-
дость своей матери. — Боже! восклик-
нулъ я: сіи два ангела спасли жизнь
мою! Они мечпались мнѣ въ сновидѣні-
яхъ, я видѣлъ ихъ въ моемъ безпамят-
ствѣ, и сей образъ небылъ однимъ при-
зракомъ! — Слова сіи произнесъ я на
Англійскомъ языкѣ; благодѣтельница
не могли понять меня, но угадывали
мою признательность: ибо выраженіе
истиннаго, глубокаго чувства есть
языкъ всеобщій.

„Лаура и Марія (такъ называли
ихъ въ долину) были уважаемы и люби-
мы всѣми жителями Лаушербрунна.
Благодѣтельность ихъ никогда не
упомнялась. Часто всходили онѣ на
высокія горы, посѣщали бѣдныхъ и боль-
ныхъ паспуховъ или съ помощію, или
со слезами. Жилище ихъ было недалеко
отъ моей хижины. Узнавши, въ какой
находился я опасности, онѣ поспѣшили

ко мнѣ на помощь, и добрая Марія, которая посредствомъ ежедневныхъ со-спрадашельныхъ попеченій приобрѣла нѣкопорыя познанія въ медицинѣ, пош-часть угадала, что я спрдалъ опасною горячкою. Онѣ приспавили къ постели моею стараго паспуха для присмотра за мною, и каждой день, сопровождае-мая дочерью своею, Марія приносила ко мнѣ соки цѣлебныхъ травъ, на горахъ ея собираемыхъ.

„Благодаря попеченіямъ Маріи и Ла-уры, скоро началъ я выздоравливать. Иногда колеблющимися стопами бродилъ я за маленькимъ своимъ спадомъ по лу-гу передъ хижиною; иногда, опершись на скалу и склонивши слухъ къ шуму водопада, въ безмолвіи размышлялъ о судьбѣ своей; множество мыслей, давно забытыхъ, посщепенно возраждалось въ душѣ моею. Когда выходилъ я по упру изъ хижины, душа моя распроспраня-лась опъ первыхъ лучей солнца, величе-сщвенно изъ за высокихъ горъ восходящаго,

и глаза мои нечувствительно привыкали къ блеску, опъ ледниковъ отражающемуся въ вечернюю пору. При легкомъ колебаніи воздуха взбирался я на пригорокъ; съ неизъяснимымъ удовольствіемъ вдыхалъ въ себя благоуханія, въ шеркомъ приносимыя съ холмовъ, усѣянныхъ ароматными растѣніями. Непоспоянныя мысли мои носились подобно легкимъ облакамъ, лепавшимъ надъ моею головою; погруженъ будучи въ сладостное упоеніе, я восклицалъ: Великій Боже! наконецъ начинаю дышать свободно!

„Еще другое пріяпнѣйшее чувство сливалось во мнѣ съ восхищительнымъ ощущеніемъ бытія моего въ мірѣ. Спустившись на равнину, я прокрадывался въ рощицу, примыкавшую къ хижинѣ Лауры; тамъ ожидалъ минушы, въ которую она выходила. Сердце мое трепетало при каждомъ шорохѣ, и я говорилъ себѣ: епо она! Усмотрѣвъ издали, я слѣдовалъ за нею взорами, пока

можно было ее видѣть, и возвращался попомъ домой съ радостнымъ чувствомъ, говоря себѣ пихонько: я видѣлъ ее! — Часпо надежда меня обманывала: часпо приходилъ я въ хижину, невидавши Лауры; но я не жалѣлъ о минутахъ, услаждавшихъ мою душу.

„Иногда видѣлъ я Лауру сидящую близь ручейка въ глубокой задумчивости: она глядѣла на журчащую воду и плакала. Ахъ! сколь неперенѣливо желалъ я прилепѣть къ ней съ утѣшеніемъ! Но мнѣ неизвѣстна была причина ея печали; тайная зависть говорила мнѣ, что любовь была виною слезъ ея. И въ самомъ дѣлѣ, какія горести знаешь въ споль юномъ возрастѣ, когда всѣ мысли бывають очарованы, всѣ очарованія составляютъ наслажденія, всѣ наслажденія невинны какъ самое сердце, изъ котораго онѣ истекають?

„Часпо посѣщаль я Лауру и Марію; признашельность налагала на меня долгъ сей, а любовь заставляла чувствовать

въ немъ нужду: къ несчастію я не разумѣлъ языка моихъ благодѣтельница, и мой опечесшвенной былъ для нихъ непонятенъ. Но уже ли сіе невѣдѣніе долженствовало отдѣлять меня отъ двухъ существъ, достойно мною любимыхъ? Эта мысль была для меня нестерпима, и я живо чувствовалъ надобность учиться языку паспуховъ, съ которыми жила судьба мнѣ назначила. И такъ началъ я прилѣжно учиться. Товарищи мои взяли на себя трудъ быть наставниками, и я употребилъ всѣ силы ума и памяти для выучиванія задаваемыхъ мнѣ уроковъ. Всѣ часы мои проходили въ семъ упражненіи; успрямляя все вниманіе къ одной цѣли, я удалялъ отъ души своей пагубныя мысли, разрушавшія мое счастіе. О! труды ума суть вѣриѣйшее врачеваніе для ранъ душевныхъ!

„Прошло немного времени, и я могъ свободно разговаривать съ паспухами. Будучи обязанъ, подобно имъ, работать для своего пропитанія, я приучался къ

ихъ прудамъ ; занимался невинными ихъ искусствами , удовлетворяющими первымъ потребностямъ человеческимъ , и забывалъ , что ешь на свѣшѣ еще другія нужды.

„Послѣ дневныхъ трудовъ съ веселіемъ насыщался я хлѣбомъ , купленнымъ цѣною поща моего и омоченнымъ въ молоко козъ моихъ. Тѣло мое поспешно привыкало къ сей здоровой пищѣ ; сонъ мой становился тихъ и спокоенъ , уже не возмущаемъ спрашными мечтаніями ; образъ Лауры услаждалъ его.

„Я думалъ , что Марія и Лаура родились въ Лаутербруннѣ ; ибо онѣ одѣвались по тамошнему и говорили тамошнимъ языкомъ. Но послѣ я не могъ не замѣтить великаго различія между поступками ихъ и простыхъ Швейцарскихъ паспущекъ : красоте сихъ послѣднихъ составляли естественныя прелести ; но въ ней сохранялась еще природная дикость и та простота , кою движенія и склонности не умѣренны воспитаніемъ.

Красота же Лауры и Маріи равно имѣли всѣ природныя прелести, но уже облагорожденныя. Если бы явились онѣ, говорилъ я самъ себѣ, въ блестящемъ кругу столицы; разговоръ ихъ и всѣ поступки показали бы тщательное воспитаніе: никто не повѣрилъ бы, что онѣ родились и выросли въ горахъ Швейцарскихъ, что всегда пишались трудами рукъ своихъ, жили среди паспуховъ, копорыхъ нравы хотя и любезны, но поступки имѣющъ всю грубость низкаго состоянія.

„Между тѣмъ труды, дѣятельность, чистый горный воздухъ, Лаурою вдохновенныя чувства, другой образъ жизни непримѣнно даровали мнѣ совсѣмъ новое бытіе. Я привыкалъ взбираться вмѣстѣ съ поварищами на высочайшія скалы, на скользскіе утесы. Нѣсколько уже разъ переходилъ я ледники и бывалъ на вершинахъ Юнгфера и Гримзеля; гонялся за дикими козами даже до неприступныхъ убѣжищъ ихъ, и съ помощію оправленнаго

желѣзомъ посоха перескакивалъ черезъ оспрыя скалы и глубокія пропасти ; со дня на день болѣе знакомился съ шягостными шрудами , и часто находилъ неизъяснимое удовольствіе , ощущая въ себѣ новыя силы. Бывши прежде столько слабымъ , я гордился уже своею крѣпостію. Въ то же время духъ мой приобрѣшалъ навѣкъ такой дѣятельности , къ какой почиалъ я себя вовсе неспособнымъ. Чувства мои , сдѣлавшись гораздо живѣе и разнообразнѣе , стремились въ одно время ко множеству предметовъ , и мысли мои слѣдовали за порывами сердца.

„До сихъ поръ я былъ очень холоденъ къ истинамъ религіи ; увлекаемый въпренностию возраста и вихрями моды , я не выходилъ изъ шѣснаго круга своихъ низкихъ удовольствій и никогда не возносился духомъ ко Творцу міра. Но находясь на верху сихъ неизмѣримыхъ пирамидъ , приближавшихъ меня къ небесамъ , обаятый въспреннимъ восшоргомъ ,

возвышался я духомъ къ престолу непоспѣжимаго Существа, произведшаго изъ хаоса чудеса творенія. Удаляясь отъ моихъ товарищей, въ безмолвіи размышлялъ я посреди сихъ ледяныхъ и кремнистыхъ громадъ, рукою времени безпрестанно налагаемыхъ одна на другую, и предавался новымъ идеямъ, внушаемымъ ужасными, но величественными видами разрушенія.

„Въ одинъ день, бродивши долгое время по сему царству вѣчной зимы, достигъ я вершины Шейдега; разсмапривалъ снѣжныя кремнистыя бездны, посреди коихъ пестрѣлись хижины, разсѣяныя по зеленымъ лугамъ, или построеныя на краю пропасти. Юнгферъ скрывался въ облакахъ; передъ нимъ гора Ейгеръ представляла великолѣпную картину ледниковъ, копорые, отражая лучи солнечные, казались неизмѣримыми огненными столбами, восходящими къ источнику огня и свѣта. Подъ моими ногами рисовались въ уменьшенномъ видѣ

льдиныя долины Лаутербруннъ, Гриндельвальдъ и Гасли съ Тунскими и Бріенцкими озерами, въ копорыя впадалъ Ааръ, пропекши черезъ обширные луга, казавшіеся на семь разстояніи зеленымъ ковромъ, распростертымъ подъ серебряною сѣтью; легкія облака, ограничивая горизонтъ, носились по лазуревому небу и представлялись плавающими горами. При видѣ толикихъ красотъ Природы я предался глубокому удивленію; всѣ способности души моей устремились къ небу, и я чувствовалъ внутреннее влеченіе къ Творцу, подобно какъ всѣ существа привлекаются къ своему центру. Я мыслилъ, что Творецъ восхотѣлъ оставить на земномъ шарѣ нѣкоторые признаки хаоса, для того чтобы дать лучше почувствовать человѣку высокую гармонію всемірнаго сосава.

„Вдругъ прекрашилъ мои размышленія стукъ, подобный грому, но еще ужаснѣйшій; онъ раздался въ горахъ и нѣсколько разъ повторился въ долинахъ:

страшный шумъ увеличивается постепенно и эхо тысячекратно ему отвѣствуетъ. Мнѣ казалось, что настаетъ минута, въ которую всѣ горы сіи должны поколебаться и пасть одна на другую. Объятый ужасомъ, вспаю, поспѣшно схожу внизъ, желая избѣжать паденія огромной глыбы. Будучи уже въ опасности, вдругъ слышу крикъ пронзительный; озираюсь, вижу на холмикѣ молодую женщину, проспирающую ко мнѣ руки, требующія помощи. Забывъ о самомъ себѣ, возвращаюсь по слѣдамъ своимъ, лечу къ несчастной, которую чрезъ минуточку раздавила бы глыба; она въ безпамятствѣ падаетъ въ мои объятія. Боже! какое зрѣлище! Громада капишся съ ужаснымъ трескомъ, уже виситъ надъ моей головою — и Лауру, Лауру должно было спасти мнѣ! Я ощущаю въ себѣ чрезвычайную силу; уношу Лауру, не чувствуя ни малѣйшей тяжести въ столь драгоценномъ бремені; бѣгу какъ

быспрая серна, перескакиваю глубокія
рытвины и дрожащія подъ ногами моими
бездны; останавливаюсь не прежде какъ
уже спустившись въ долину, подлѣ жи-
лища Маріи. Здѣсь кладу бремя свое
на зеленый дернъ, и падаю безъ чувствъ,
измученный продолжительнымъ бѣгомъ
и страхомъ потерять Лауру.

„Необычайной шумъ паденія грома-
ды былъ столь ужасенъ, что спада по-
бѣжали съ горъ на долину, хищныя
птицы оставили свои утѣсы, а жи-
тели Гриндельвальда и Лаупербрунна ожи-
дали всеобщаго разрушенія. Лаура, по-
надѣявшись на хорошую погоду, захо-
тѣла взойти на горы за цѣлебными пра-
вами, и во время сего сладостнаго за-
нятія была достигнута паденіемъ ужа-
сной громады.

„Между тѣмъ Марія съ горными
пастухами подавала мнѣ всевозможную
помощь. Прихожу въ чувство и вижу
Лауру, сидящую подлѣ меня въ слезахъ,
державшую въ рукахъ своихъ мою руку

и называющую меня своимъ избавишелемъ. Ахъ, Лаура! я сказалъ ей: не плачь о бѣдномъ Томѣ; онъ уже слишкомъ счастливъ!

„Опѣ сего дня я не оставлялъ жижины Маріиной; спадо ея пасъ вмѣстѣ съ моимъ собственнымъ; обрабатывалъ поле ея своими руками, и одинъ убиралъ ея жатву; словомъ: я нещадилъ силъ своихъ, чшобы только избавить Лауру опѣ работы, и одна улыбка ея, одинъ знакъ ея признашельности пресыщалъ меня сладчайшимъ удовольствіемъ. По воскресеньямъ и праздникамъ я провожалъ ее въ село. Послѣ обѣдни вмѣшивался въ игры и пляски [товарищей, подражалъ ихъ прыжкамъ и шлодвиженіямъ, а вечеромъ приводилъ Лауру къ ея мапери.

„Такимъ образомъ протекали блаженнѣйшія минушы моей жизни. Я просилъ у Неба одного счастія — видѣть Лауру каждый день; питалъ сердце свое и воображеніе сладостною надеждой бышь

взаимно любимымъ : но сія надежда то исчезала , то опять возрождалась. Иногда Лаура по цѣлымъ недѣлямъ убѣгала моего присутствія ; иногда , какъ мнѣ казалось , принимала живое участіе въ моемъ разговорѣ ; иногда взоры ея , по видимому , ожидали признанія моего сердца , и въ ту мину , какъ сіе признаніе гошовой было вылетѣть изъ устъ моихъ , взглядъ ея налагалъ на меня молчаніе , заставлялъ меня тайно чувства во глубинѣ сердца. Я не могъ подозрѣвать ее въ легкомысліи или кокетствѣ въ сей обителѣ простоты и чистосердечія ; не могъ изъяснить непостоянства ея и поведенія , которое казалось мнѣ очень своимъ. Съ глубокимъ прискорбіемъ замѣчалъ я въ ней утрату здоровья : лице ея перяло цвѣтъ и свѣжесть ; часто слезы блистали на рѣсницахъ ея , и щепотно старался я возвращить устамъ ея улыбку.

„Не любимъ ли я Лаурой ? часто говорилъ я самъ себѣ. Ея взоры , ея сле-

зы, ея смущеніе при разговорѣ со мною, стараніе убѣгать меня — все увѣряетъ меня въ моемъ благополучіи ; но для чего бы ей пропивишья споль сладостной склонности и припомъ еще въ такомъ состояніи, въ которомъ невозбранное наслажденіе чувствами сердца замѣняетъ всѣ другія удовольствія? Лаура не чужестранка ли? здѣшнее убѣжище не есть ли мѣсто ея започенія? Она говоритъ языкомъ своихъ подругъ, но не имѣетъ ихъ выговора; голосъ ея нѣженъ и приятенъ; ея образъ мыслей, при всей простотѣ ихъ, какъ по всему видно, принадлежатъ людямъ высшаго класса. Можетъ быть она родилась въ другомъ состояніи, о которомъ теперь жалѣетъ; можетъ быть она стыдилась любить простаго паслуха; гордость ея породы и воспитанія борется съ тѣми чувствами, которыя, можетъ быть, составили бы ея счастіе, если бы законы общества позволяли предаваться имъ безъ стыда и укоризны.

„Опѣ меня конечно завистѣло осу-
 шить слезы, копорыхъ я былъ виновни-
 комъ ; опѣ меня завистѣло возврашнть
 спокойствіе сему встревоженному серд-
 цу : но я хотѣлъ бытъ любимымъ въ
 видѣ бѣднаго паспуха. Всѣ мечпы, всѣ
 надежды моего счастія утверждались на
 сей мысли. Я желалъ вдохнуть любовь
 чистую , истинную , негрнчастную ни
 какимъ особеннымъ разсчетомъ и пред-
 разсудкомъ, неизбѣжнымъ въ обществен-
 ной жизни, но невѣдомымъ для простыхъ
 дѣшей Природы : только ена причина ,
 или лучше сказать , только епо чувст-
 во недопускало меня отккрытъ Лаурѣ
 шайну породы моей и богатства. Я
 имѣлъ примѣромъ своимъ добрыхъ посе-
 лянъ Лаутербрунна; живучи подобно имъ,
 хотѣлъ я бытъ взаимно любимымъ по-
 добно имъ же , безъ всякой другой побу-
 дительной причины, кромѣ самой любви.

„Между тѣмъ прошекъ годъ моего
 зашоченія , здоровье мое совершенно
 возстановилось и со дня на день укрѣ-

плялось; кровь чистая, легкая обращалась въ моихъ жилахъ. Мѣсто сумрачныхъ мыслей о скоромъ разрушеніи заступили всѣ мечты очаровательныя, всѣ надежды любви и дружбы: я думалъ о васъ, любезные друзья мои, желалъ васъ увидѣть; но не могъ рѣшиться оставить землю, кою обязанъ былъ первымъ изъ всѣхъ благъ въ жизни. Къ тому же, какъ оставить Лауру, несчастную, страдающую Лауру? О, скорѣе могъ бы я отказаться отъ жизни! Такъ, если бы Лаура сказала мнѣ: Томъ! я рѣшилась дѣлить судьбу твою, хочу жить съ тобою въ сей мирной и сладостной неизвѣстности, — ахъ! я не усомнился бы пожертвовать своимъ богатствомъ сей жизни, къ которой уже привыкъ, и коея приятности возвышались нѣжносною Лауры!

„Но въ жизни нашей большая часть происшествій зависитъ не отъ нашей воли: обстоятельства играютъ нашими планами, точно какъ вѣтры древесны-

ии лиспками. Однажды вечеромъ вхо-
жу въ хижину Лауры и Маріи, и заспаю
обѣихъ въ слезахъ. Марія, прижимая
Лауру къ сердцу своему, восклицала: о
дочь моя, милая дочь моя! что съ нами
будешь? куда прибѣгнемъ, куда при-
клонимъ голову? Одна я съ терпѣніемъ
доживала бы малый остатокъ дней мо-
ихъ. Видѣвъ смерть отца своего, уби-
шаго предъ моими глазами, я могла бы
перенести и всѣ прочія бѣдствія; но
ты, дочь моя! — Лаура отвѣчаетъ ла-
сками на ласки матери, и стараясь обо-
дрилъ ее, говоритъ съ нѣжною улыбкой
пришворнаго спокойствія: не будемъ оп-
чаяваться въ благости Божіей; мы вездѣ
можемъ прудиться, и пруды рукъ мо-
ихъ будутъ питать мать мою до пѣхъ
поръ, пока благопріятныя обстоятель-
ства не возвращаютъ насъ въ опечесиво
и не опдадутъ намъ правъ нашихъ. Мо-
жешь быть скоро наступитъ счастли-
вое время; утѣшись, любезная мамень-
ка, успокойте нѣжное сердце ваше, не

печальшесь о моей участи : могу ли жаловаться на свою долю , будучи съ вами неразлучна ? могу ли не быть счастливою , имѣя средства улаживать ваши горести ?

„Сія картина сдѣлала въ сердцѣ моемъ неизъяснимое впечатлѣніе; забывъ о нескромности своего усердія , бросаюсь къ Лаурѣ и Маріи , заклиная ихъ объявить мнѣ о новомъ угрожающемъ имъ несчастіи ; предлагаю всю помощь мою до послѣдней капли крови. Трудно было бы изобразить , что чувствовала Лаура съ сію минутою. Закрывъ обѣими руками лице свое , она воскликнула : о бѣдный Томъ ! намъ должно разстаться навсегда ! — Навсегда , Лаура ? Ахъ , лучше умереть сто разъ ! Нѣтъ , нѣтъ ! одинъ развѣ гробъ разлучитъ меня съ тобою ! — Судьба того пребудетъ ! прервала она съ живостию , неимѣя болѣе силъ удерживать движеній сердца : судьба того пребудетъ ! все разлучаетъ насъ : и Небо — и люди. Я должна бѣжать изъ

сей мирной страны, въ которой начинала уже находить счастье. Ахъ, доброй Томъ! разлучаясь съ тобою навсегда, свидѣтельствуюсь Богомъ, Который видитъ глубину моего сердца, Имъ свидѣтельствуюсь, что ты единственный предметъ моихъ воздыханій! — При сихъ словахъ я падаю къ ногамъ Лауры, прижимаю руку ея къ устамъ своимъ, и вѣ себя восклицаю: Лаура! послѣдую за тобою повсюду, вездѣ буду раздѣлять твою участь; прими клятву мою въ любви до гроба! — Остановись! сказала Марія, бросивъ суровой взглядъ на Лауру: Томъ! дочь моя не можетъ принадлежать тебѣ: порода запрещаетъ ей отвѣчать на любовь твою. О! если бы, прибавила Марія съ нежностію, еслибъ мы родились въ сей цвѣтущей долинѣ, въ которой одинакое имущество, одинакое воспитаніе сближаютъ всѣ семейства! Но Небо того не хотѣло, Томъ! Лаура есть дочь Графа Блавиля! Знаменитая кровь, текущая

въ жилахъ моей дочери, была бы оскорблена, еслибъ она соединила судьбу свою съ судьбою наспуха, безвѣснаго въ мірѣ. Ужасы революціи изгнали насъ изъ опечесства и лишили всего имѣнія. Передъ глазами моими Бланвиль умерщвленъ злодѣями, копорыхъ онъ прежде облагодѣтельствовалъ, и я удалилась изъ Франціи не для спасенія жизни своей, но для укрьпїя дочери отъ палачей и гонимелей. Опправляясь въ ешу часпъ Швейцаріи, надѣялась я, что посреди льдовъ и скалъ спокойно буду ожидать минушы, въ копорую наконецъ упишишся буря. Но еша буря со дня на день увеличивается, повсюду распроспра- няетъ свои ужасы и, кажется, преслѣдуетъ жертвы свои даже въ сокровеннѣйшихъ убѣжищахъ. Опредѣленіемъ Бернской республики велѣно всѣмъ Французскимъ емигрантамъ оставишъ Швейцарію; имъ дается сроку только три дни для выбора себѣ другаго приспани-

ща. Ахъ! въ какой спранъ свѣта укро-
емся отъ нашихъ гонителей?

„При сихъ словахъ она залилась
слезами. Я почтительно приближаюсь
къ ней и говорю: простите, сударыня,
бѣдному паспужу, если движенія сердца
своего почишалъ онъ законными. Бѣдный
Томъ! онъ недостоинъ быть супругомъ
Лауры! Но гдѣ бы ни было мѣсто нова-
го започенія вашего, ахъ! не забудьте
несчастливаго молодого человѣка, копо-
рый будешь мыслить объ васъ до по-
слѣдняго вздоха! —

Я ушелъ, не смѣя бросить на Лауру
взора, въ копоромъ душа моя обнаружи-
лась бы совершенно. Сердце мое радо-
валось, и мнѣ должно было дѣйствовать
всѣми усиліями разума, чтобы скрыть
чувство своего блаженства. На другой
день по утру при восходѣ солнца са-
жусь въ лодку, переѣзжаю Тунское озе-
ро, плыву вверхъ по Аару и въ вечеру
вхожу въ Бернъ. Тутъ провелъ я два
дни по своимъ надобностямъ.

Часть II.

К

„Возвратившись въ Лаутербрунъ ,
спѣшу въ хижину г-жи Бланвиль снова
предложу ей всѣ свои услуги и про-
спипсь въ послѣдній разъ. Госпожа
Бланвиль подходитъ ко мнѣ , показы-
ваетъ и чипаетъ полученное изъ Берна
письмо слѣдующаго содержанія :

„Милоспивая Государыня !

„Человѣкъ вамъ неизвѣспный , но
„кошорому оказали вы очень важную
„услугу , увѣдомившись о гореспномъ
„положеніи вашемъ , берепъ въ немъ
„сердечное учаспіе. Позвольте ему пред-
„ложипъ вамъ убѣжище въ его опчизнѣ.
„Немедленно опправьтесъ въ Лондонъ ,
„и найдите домъ Сира Томаса Вентвор-
„ша : домъ сей вамъ принадлежитъ ;
„тамъ приготовлены для васъ всѣ по-
„собія, предлагаемая несчастной добро-
„дѣтели живѣйшею признапельностью ;
„тамъ ожидаютъ васъ всѣ знаки дру-
„жбы , всѣ знаки уваженія , какіе поль-
„ко самый почпипельный сынъ обязанъ
„являть нѣжнѣйшей матери !

Томасъ Вентвортъ.“

„О Небо! воскликнула г-жа Бланвиль:
 О Провидѣніе! могла ли я когда нибудъ
 усумниться въ Твоей благоспи! Тщеп-
 но стараюсь вспомнить ешаго добраго
 Сира Томаса Вентворта, копорому ока-
 зала будто бы важную услугу, и копо-
 рый награждаетъ за нее споль велико-
 душнымъ образомъ. Многихъ Англичанъ
 видывала я во Франціи, но никогда не
 слыхала о Сирѣ Томасѣ Вентвортѣ. Чшо
 нибудъ необычайное кроется въ ешомъ
 предложеніи! Какъ ты думаешь, Томъ? чшо
 присовѣтуешь? — Если угодно вамъ при-
 няшь совѣтъ бѣднаго паспуха, копорый
 невидалъ ничего въ жизни своей кромѣ
 горъ Швейцаріи, отвѣчалъ я, шо вос-
 пользуйтесь предложеніемъ Сира Тома-
 са Вентворта. Въ такихъ трудныхъ
 обстоятельсхвахъ вамъ нечего избирашь
 болѣе; припомъ же, какая бы ему нужда
 васъ обманывать? Я увѣренъ, чшо онъ
 заслуживаетъ вашу довѣренность. Онъ
 долженъ бышь честной человѣкъ, а
 честные люди всегда исполняютъ обѣ-

щанное. — Мы его не знаемъ. . . — Увидѣвши его, можете бытъ узнаете, и если вы забыли оказанную ему услугу, то его присутствіе можете вамъ ее напомнить.

„Въ продолженіе разговора я взглянулъ на Лауру: она не принимала участія въ радости Маріи, сшояла нѣскольکو вдали съ печалью на лицѣ и молчала. Приближаюсь къ ней, и прижавъ руку ея къ сердцу своему: о Лаура! — говорю ей — какъ счастливъ Сиръ Томасъ Вентвортъ! Онъ можете предлагать вамъ убѣжище, можете васъ упѣшить! — Меня упѣшить! отвѣчала Лаура: ахъ, Томъ! смерть отца моего и разлука наша, епо два такіа несчастія, въ коихъ не могу никогда упѣшиться?

„Слова ея наполнили сердце мое чистѣйшею радостію. Я прощаюсь съ Лаурою и Маріей, которыя должны были отправиться на другой день по утру. Радостныя слезы мои мѣшаются со слезами Лауры, и я съ удовольствіемъ пре-

доспаваю ей думать, что плачу онъ сожалѣнія и горести.

„Мы оставили Лаупербруннъ въ одно время. Опасаясь, чтобы, спустивши на землю Франціи, не подвергнуться величайшей опасности, онъ вознамѣрился ѣхать черезъ Германію и сѣсть на корабль въ одной Голландской пристани. Продавъ хижину и спадо, онъ получили денегъ столько, сколько нужно было на путешествіе. Но я, какъ чужестранецъ, не имѣя причины бояться палачей революціи и желая какъ можно скорѣе быть дома, по прежнему ѣхалъ черезъ Францію, возвратился въ Лондонъ задолго еще до прибытія Маріи и Лауры и ожидалъ съ нетерпѣніемъ той минуты, въ которую могъ бы прижать къ сердцу своему два существа, столько мнѣ любезныя.

„Въ одинъ день по утрамъ, когда я, сидя въ кабинетѣ, думалъ о Лаурѣ и начиналъ уже раскаяваться въ излишней своей разборчивости, которая заспави-

ла меня ѣхашь, не съ ними, вдругъ вошедшій Вильямъ объявляешь, что со мною желаюшъ. говоришъ двѣ иностранки, копорыхъ ввелъ онъ въ залу. Бѣгу на встрѣчу къ госпожѣ Бланвиль и ея дучери; но чувствую споль сильное въ себѣ движеніе, что колѣна мои спали подгибашься, сердце задрепетало и я принужденъ былъ держашься за плечо Вильяма.

„Вспупаю въ залу; г-жа Бланвиль и Лаура подходяшъ ко мнѣ скромно и съ благороднымъ видомъ; глаза Лауры были популены, и я увидѣлъ на лицѣ ея изображеніе глубокой горести. Невольное замѣшательство г-жи Бланвиль, несходство одежды моей съ прежнею, окружающая меня пышность, наконецъ все препяшествовало имъ узнать меня. Она подаешъ мнѣ письмо, ею полученное изъ Берна; беру, и прочитавши ошвѣчаю: — Такъ, милоспывая государыня, я шомъ, копорый предлагаешъ вамъ убѣжище. Мой домъ, мое имѣніе,

жизнь моя, все, чѣмъ обладаю, принадлежишь вамъ. Я общался имѣшь о васъ все попеченіе, общался являшь сыновнее уваженіе къ нѣжнѣйшей изъ матерей, и готовъ сдержашъ слово свое, хотя бы дочь ваша и опказалась отдашь руку свою бѣдному Тому. — При семъ имени яркой румянецъ покрываетъ лице Лауры она возводитъ на меня удивленный взоръ и восклицаетъ: великій Боже! епо нашъ Томъ, епо онъ! — Удивленіе дочери, матери и мои восторги были неизъяснимы. Вамъ, любезные друзья мои, вашей чувствительности предоспавляю угадывашъ мое счастіе; щедно бы спалъ я искашь красокъ для изображенія чувствъ, которыхъ никакою кистію изобразишь не возможно.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ прибытія Лауру спали называшъ: Леди Вентвортъ. Три года уже я почиаю себя счастливѣйшимъ изъ супруговъ. Самые нѣжныя, самые живыя чувства человеческія поселились въ моемъ сердцѣ „

и оно никогда не разстанется съ ними. Двое дѣшей суть плодъ нашего союза; я готовлю для благополучія ихъ планы, которые намѣренъ произвести въ дѣйство. Душа моя исполнена сладкими надеждами; все улыбается мнѣ въ Природѣ, и по милости Доктора Елліота, каждой день благодарю Небо, возвращившее мнѣ всѣ прелести жизни, которыя теперь уже умѣетъ цѣнить мое сердце.

Госпи слушали повѣсть съ великимъ вниманіемъ, и любя Сира Томаса Веншворша, принимали не столько участія въ приключеніяхъ, сколько въ исторіи душевныхъ чувствъ его. Сердца ихъ были расстроганы изображеніемъ новыхъ ощущеній такого человека, который, будучи увлеченъ уныніемъ и скукою на край могилы, и потомъ перенесенный, подобно цвѣтку, въ чистѣйшій климатъ, на лучшую землю, посщепенно переходилъ отъ смерти къ жизни, отъ опчаянія къ блаженству. — Разговоръ сдѣлался живѣе; вино запѣни-

лось въ большихъ поклахъ; стаканы ударились объ стаканы: пьютъ здоровье Леди Венпвортъ, г-жи Бланвилъ, добраго Тома, всѣхъ жителей долины Даутербруннъ, и особенно здоровье Доктора Елліоша. Епотъ искусной Врачъ самъ присутствовалъ на семъ пиршествѣ, котораго былъ героемъ, и на всякой звукъ стакановъ отвѣщивалъ съ такимъ непритворнымъ добродушіемъ, что на другой день поутру, какъ сказываютъ, не въ состояніи былъ посѣщать больныхъ своихъ.

Сарразень.

АБУ - ДЖАФАРЪ - АЛМАНЗОРЪ, ИЛИ СПОСОБЪ ПОЗНАВАТЬ ЛЮДЕЙ.

П О В Ъ С Т Ъ.

Фана - Козру, иначе называемый Адагадъ - Еддулапомъ, былъ одинъ изъ величайшихъ людей на Воспокѣ. Сей слазый воинъ, великодушный побѣдитель,

искусный полищикъ соединялъ въ себѣ почти всѣ таланты, всѣ доблести, сопровождающія имена Государей въ отдаленнѣйшее потомство. Завоевавъ Персію непобѣдимымъ своимъ оружіемъ, покоривши Багдадъ, столицу Калифовъ, возсѣвши на престолѣ сихъ Монарховъ, служишелей Бога и намѣстникъвъ пророка, нѣкогда бесѣдовалъ онъ дружественно съ первѣйшими Двора своего чиновниками. Онъ совѣщавался съ ними о средствахъ сдѣлать счастливыми людей, попечительности его внутреннѣхъ Провидѣніемъ, и разсуждалъ о правилахъ, необходимо нужныхъ Государю, желающему предостеречь себя отъ обмановъ, и проникалъ въ души людей, которые его окружаютъ.

Придворные чиновники предлагали мнѣнія свои одинъ за другимъ по порядку. Агдадъ слушалъ ихъ и улыбался; ибо видѣлъ ясно, что ему говорили о тѣхъ именно средствахъ, которыя могли ввести его въ заблужденіе. Въ бесѣ-

дѣ находился одинъ мудрый Докторъ, уважаемый всѣми жителями Багдада за обширныя свѣдѣнія, за строгую честность его и благородное чистосердечіе. Докторъ сей назывался Морадомъ. Онъ хранилъ глубокое молчаніе, оставляя словоохотнымъ подавателямъ совѣтовъ свободное поле разглагольствія. Адгадъ-Еддулапъ обращаетъ на него взоръ свой и говоритъ: „А ты, Морадъ, для чего не объявляешь своего мнѣнія? Не уже ли нехочешь преподашь важнаго, необходимаго для Царей совѣта о средствахъ предостерегати себя отъ обмановъ? Скажи, мудрый Морадъ, какимъ образомъ Государь можетъ находить людей, истинно достойныхъ?“ — Государь! — отвѣчаетъ Морадъ: — когда придворные твои предлагали высокія мнѣнія и совѣты, въ то время мысль моя занята была славнымъ Калифомъ Абу-Джафаръ-Алманзоромъ (*), основателемъ

(*) Абу - Джафаръ, или Абу - Жіафаръ, былъ одинъ изъ славнѣйшихъ Монарховъ на Во-

Багдада, славою всего Востока. Великий мужъ весьма хорошо зналъ науку оплечать людей, науку можетъ быть не столь трудную, какъ ее себѣ воображаете. Ежели швоему величеству будетъ угодно меня выслушать, то я расскажу, какимъ образомъ познавалъ онъ людей, копорыхъ желалъ допустить къ участию въ управленіи обширнымъ своимъ государствомъ. — „Увидимъ!“ говоритъ Адгадъ - Еддулапъ: „я буду слушать со всею внимательностію; неперпѣливо желаю знать швою исторію, чѣмъ извлечь изъ нее пользу.“ — Она очень проста. — „Тѣмъ лучше; къ тому же еще она и не вымышленная.“ — Немного длинна. — „Будетъ коротка, ежели полезна.“

И Морадъ началъ рассказывать такимъ образомъ:

стокѣ, почишатель и распространитель наукъ, умершій въ 774 году хрістіанскаго лѣтосчисленія.

Однажды Калифъ Абу - Джафаръ - Алманзоръ имѣлъ надобность смѣнить Государственнаго Казначея; ибо, по разсмотрѣнію дѣлъ Министра, исправлявшаго ешу должность, оказалось, что онъ распочилъ казну, а себѣ накопилъ безчисленные богатства, ограбивши многія обласи. Надлежало отдалить не вѣрнаго чиновника, и на его мѣсто опредѣлить такого, который не спалъ бы употреблять во зло довѣренности Калифа и порученной себѣ власи. Но гдѣ взять человѣка, способнаго исполнять столь важную обязанность? Какая честность устоитъ противъ соблазна при видѣ толликихъ сокровищъ, когда есть возможность безопасно присвоить себѣ нѣкоторую часть ихъ? Твое величество легко себѣ вообразить можетъ, что первые вельможи Двора наперерывъ добивались ешаго мѣста. Всѣ представляютъ о правахъ своихъ; всѣ сыщлютъ золото и нещадаятъ происковъ, лишь бы достигнуть желаемой цѣли; всѣ швер-

дять о ревности своей ко благу службы : но Калифъ не рѣшается, и должность оспается праздною.

Между тѣмъ въ публикѣ говорятъ объ Аджибѣ, котораго безчисленные богатства и рѣдкіе таланты всѣмъ известны. Уже вслухъ называютъ его будущимъ Государственнымъ Казначеемъ. Даже и самъ онъ пѣшилъ себя сладкою надеждою быть вскорѣ хранителемъ государственныхъ сокровищъ. Калифъ слышалъ о Аджибѣ, но не зналъ его лично ; равнымъ образомъ Аджибъ почти никогда не видывалъ Калифа. Монархъ призываетъ къ себѣ одного придворнаго чиновника и говоритъ ему : „Давно уже ты просишь меня о Аджибѣ ; наконецъ я соглашаюсь вѣришь ему должность Государственного Казначея : но прежде хочу узнать его лично. Сего дня вечеромъ войду къ нему пересѣвшись и подъ чужимъ именемъ ; ты меня представишь ему въ качествѣ своего приятеля. Хвали меня какъ можно болѣе ; превозноси

мой достоинства, свѣдѣнія, мудрость, а особливо честность. Наконецъ долженъ ты прибавить, что, къ великому сожалѣнію, я обиженъ судьбою, что я бѣденъ и несчастливъ. Болѣе всего осперегайся обнаружить тайну: отъ того зависить жизнь твоя.“ Придворный преклоняетъ голову свою до земли и кляшвенно обѣщается исполнить высокое повелѣніе.

Вечеру Абу-Джафаръ, одѣвшись въ простое платье, идетъ съ придворнымъ къ Аджибу. „Позволь, дорогой приятель“ говоритъ придворный хозяину „представишь тебѣ человека, оказавшаго мнѣ важныя услуги. Онъ имѣетъ превосходныя качества ума и сердца, обширныя и глубокія во всѣхъ наукахъ свѣдѣнія, а всего важнѣе то, что онъ живой образецъ честности и добродѣтели; жаль только, весьма жаль, что фортуна его обидѣла: онъ бѣденъ и никѣмъ незнакомъ.“ Аджибъ усердно привѣстствуетъ своего покровителя, говоритъ

къ нему съ великимъ уваженіемъ, сыплешь самыя лестныя похвалы, а къ незнакомому гостю кивнулъ слѣгка головою. Въ то самое время входяшь приятели Аджиба: онъ бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу, во всемъ ихъ предупреждаетъ, испощается въ изъявленіяхъ имъ своей приязни, а на бѣднаго, просто одѣшаго пришельца никто даже и несмотритъ. Но вѣдь ему уже было сдѣлано привѣтствіе!

Подають мороженое и сорбеть; всѣ гости садятся вокругъ стола, великолѣпно украшеннаго, освѣщеннаго со всею воспочною пышностію. Первое мѣсто досталось придворному, прочія другимъ собесѣдникамъ по чину и богатству каждаго. Чужъ касается до неизвѣстнаго посѣпителя, то онъ долженъ былъ бы простоять, еслибъ не догадался, безъ всякаго приглашенія, скромно усѣсться на послѣднемъ мѣстѣ. Зажигаютъ драгоцѣнные ароматы; являющіяся молодые музыканты и прелест-

ныя танцовщицы, призванныя показатъ очаровательное свое искусство передъ блестящимъ собраніемъ. Госпи безпре-
спанно прославляютъ знаменитость Ад-
жиба, превозносятъ до небесъ великій
умъ его, изящность вкуса. Рѣчь зашла
о должности Государственнаго Казначей.

„Ты ее получишь! Кого же другаго
можешь выбрать Калифъ? Гдѣ найдешь
онъ человека, болѣе способнаго?“ Такъ
говорили госпи, и каждой усиленно спа-
рался снискать себѣ милость будуща-
го распорядителя казны государствен-
ной, ибо каждой имѣлъ у себя друзей
и родственниковъ, копорымъ нужны
были чины и должности. Аджибъ вну-
ренно восхищается уже знаменитымъ
поприщемъ, на которое выводитъ его
народный голосъ; радость и гордыня
сверкаютъ въ его вѣкахъ. Онъ каждо-
му обѣщаетъ исполнить его прозьбу, а
особливо увѣряетъ придворнаго, что по-
лучитъ все, чего ни пожелаетъ. Бѣд-
ный поспѣшитель, бывшій долго безмолв-

нимъ , наконецъ съ притворною робостью воззвалъ къ будущему великому Казнохраниителю : „Милоспивый господинъ ! умоляю швое могущесство и меня незабыть , когда получишь оное высокое достоинство ! Буду служить тебѣ съ неупомимою ревностію. Великія неудачи и непредвидимыя несчастія лишили меня всего моего имѣнія ; но остави ди при мнѣ честь и добродѣтель , — единыя сокровища , копорыхъ судьба ни у кого опнять не можетъ.“ Аджибъ опевѣчаетъ ему улыбкою покровителя и ничего необѣщаетъ. Собесѣдники расходятся; удаляется и незнакомый вмѣстѣ съ придворнымъ , своимъ пушеводителемъ.

По прошествіи недѣли, Калифъ снова зоветъ къ себѣ придворнаго и говоритъ ему : „Сегодня ввечеру опять веди меня къ Аджибу ; я приду къ нему въ богатой одеждѣ, сопровождаемый мно жествомъ невольниковъ ; а ты скажешь, что въ дѣлахъ моихъ произошла вели-

кая переменна; что я представленъ былъ Калифу, принявъ имъ съ особеннымъ благоволеніемъ, осыпанъ милостями, и что, какъ говорятъ, въ скоромъ времени я буду сильнымъ вельможею въ Багдадѣ. Но опять приказываю тебѣ спрочайшимъ образомъ хранить тайну; въ противномъ случаѣ поступлю съ тобою какъ съ предателемъ.“

По принятому намѣренію Калифъ, одѣтый великолѣпно, на богато убранномъ конѣ, сопровождаемый множествомъ слугъ, отправляется съ придворнымъ въ домъ Аджиба. Богачъ, увидѣвши взѣхавшую на дворъ къ нему такую блистательную свиту, выбѣгаетъ изъ чертоговъ и спѣшишь предваришь своимъ привѣтствіемъ господина столь многихъ невольниковъ. Чиновникъ приближается къ нему и говоритъ: „Еще самой топъ пріятели, котораго я уже приводилъ къ тебѣ; обстоятельства его переменились: онъ нашелъ случай представиться Калифу, которой такъ былъ

восхищенъ его достоинствомъ и дарованіями, что въ то же время осыпалъ его милостями своими. Теперь онъ богатъ и силенъ; благоволеніе Калифа къ нему безпредѣльно. Невидано еще примѣра столь внезапному благополучію! Ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ будетъ, и можетъ быть очень скоро — Великимъ Визиремъ. По прозѣбѣ моей онъ приѣхалъ посѣтить тебя.“

Кто въ состояніи изобразить изумленіе Аджиба! Онъ не можетъ скрыть стыда своего и замѣшательства — онъ почти лижетъ землю, привѣщивуя человека, котораго за недѣлю прежде принималъ весьма холодно. Языкъ его мѣшается при изъявленіи учтивостей. Онъ почищаетъ себя безконечно счастливымъ, что можетъ продолжатъ знакомство съ такою достойною особою. „Вотъ наконецъ“ прибавляетъ Аджибъ „справедливая Фортуна улыбается къ шаланшамъ и добродѣтели!“ Сопровождаютъ гостя въ пышную залу; говорятъ только съ

шимъ и о немъ. Вдругъ собирается общесство у Аджиба; но онъ ни о комъ не думаетъ, и единственно заботится объ угощеніи знаменитаго мужа, копорой удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ; проситъ всѣхъ приятелей помочь ему въ исполненіи священныхъ обязанностей гостепріимства. Подаютъ сорбетъ, но уже въ сосудахъ гораздо болѣе драгоценныхъ нежели прежде; ставятъ на столъ опборнѣйшія яствы; освѣщеніе было самое блистательное, ароматы самые рѣдкіе, изящнѣйшіе. Первое мѣсто дано высокому посѣтителю, копорому самъ Аджибъ прислуживаетъ съ поспѣшною готовностію. Опять начинается разговоръ о должности Государственнаго Казначея. „Я прежде,“ говоритъ Аджибъ гостю „помнишь, общалъ кое-что сдѣлавъ въ пользу твою, господинъ велемощный! надѣюсь, ты не забылъ о томъ. Но теперь. Небо, всегда справедливое, упредило мои желанія. И такъ, великомощный господинъ, теперь уже я прошу

твоихъ милостей, и осмѣливаюсь на-
дѣяться, что ты не откажешь ходатай-
ствоваль объ опредѣленіи меня къ дол-
жности, къ которой имѣю очевидныя
способности.“ — Не получишь ее, ибо
желаешь имѣть ее для того только,
чтобъ меня обманывать! — отвѣчаетъ
Калифъ послѣдно: — не хочу ввѣрять
должности Государственнаго Казначея
такому человеку, который честность
и дарованія ни во что ставитъ, а ува-
жаетъ лишь только — деньги. Такъ,
я самъ Калифъ Абу-Джафаръ-Алманзоръ,
котораго прежде ты принималъ столь уни-
зительно, судя о мнѣ по внѣшнему ви-
ду! Прости! обладай своимъ богат-
ствомъ, котораго однакожь ты непри-
умножишь ни моею казною, ни имуще-
ствомъ моихъ подданныхъ. Не будь тебѣ
великимъ моимъ Казнохранителемъ!

При словахъ Калифъ Абу-Джафаръ-
Алманзоръ всѣ собесѣдники, какъ бы
громомъ пораженные, упали ницъ на зе-
млю, и по общесловію Монарха еще долго

оставались въ семъ положеніи; полномъ, медленно поднявшись, тотчасъ ушли изъ дому несчастнаго Аджиба, которой подпалъ немилосерди верховнаго распорядителя судебъ человѣческихъ.

Калифъ, возвращаясь во дворецъ, отпустилъ впередъ свиту, а самъ отправился пѣшкомъ вмѣстѣ съ придворнымъ, которой провожалъ его къ Аджибу. Дорогою разсуждалъ онъ о бывшемъ приключеніи, и внутренне смѣялся надъ страхомъ и замѣшательствомъ Аджиба. Не смотря на то, не переставалъ онъ заботиться объ отысканіи достойнаго человѣка для должности Государственнаго Казначея, мысленно останавливался на всѣхъ искавшихъ сего важнаго мѣста, и всѣ казались ему неспособными. Будучи занятъ сими размышленіями, онъ приблизился къ одному нищему, сидѣвшему на камнѣ у мечети. „Добрый господинъ!“ восклицаетъ нищій, протягивая руку: „сжался надъ несчастнымъ, умирающимъ отъ голода!“ —

Опвѣжись отъ насъ! — опвѣчаетъ Калифъ: прочь съ досаднымъ своимъ визгомъ! у меня нѣтъ ничего для тебя! — Бѣднякъ вздыхаетъ, и опять сядиша на камень, на которомъ и ночь провести ему надлежало. Между тѣмъ Калифъ умышленно роняетъ подлѣ нищаго мѣшокъ съ двумя тысячами цехиновъ и удаляется отъ мечети. Не успѣлъ онъ сдѣлать шаговъ, какъ вдругъ слышитъ за собою крикъ: господинъ! господинъ! остановись! — Калифъ оборачивается, узнаетъ нищаго. „Чего ты отъ меня хочешь? Развѣ не сказалъ я, что ничего для тебя не имѣю!“ — Не въ помѣдѣло; — опвѣчаетъ бѣднякъ: ты потерялъ мѣшокъ съ деньгами; вотъ онъ! возьми его! — „Какъ! и ты не захотѣлъ спрячь его для себя? Знаешь ли, что въ немъ двѣ тысячи цехиновъ? Для такого, какъ ты, бѣдняка это несмѣшное богатство!“ — Ахъ, мой господинъ! присвоивши себѣ мѣшокъ, я несколько бы приобрѣлъ, сколько

упрашилъ. Получивши богатство, я въ то же время поперялъ бы свою честность. — „Скажи мнѣ, кто ты?“ — Милостивый государь! я сынъ честнаго купца; имя мое Адула. Отецъ мой прудами своими содержалъ большое семейство; но непредвидѣнныя несчастія разрушили его надежды, и самого въ конецъ разорили. — „Какія несчастія?“ — Великій казнохранишель Калифовъ попребовалъ онъ насъ множество товаровъ; мы должны были войти въ большой долгъ; онъ отказался заплашить намъ деньги, и мы всего лишились. Отецъ мой, принужденный для удовлетворенія кредиторовъ продать домъ и все имущество, умеръ съ печали; а я теперь долженъ питаться милостыней, пока кто нибудь не предложитъ мнѣ работы. — „Работы! слѣдственно ты хочешь прудиться? Дѣло хорошее! Спупай же за мною; я о тебѣ постараюсь, и съ завтрашняго дня ты будешь имѣть много работы.“

Бѣднякъ идесть за незнакомымъ, самъ невѣдая куда и питая себя очень скромными надеждами.

Вступивши во дворецъ, Калифъ говоритъ къ окружающимъ: „Етому человеку дать богатую одежду, нарядныя комнаты и двѣнадцать невольниковъ для прислуги.“ Приказъ исполненъ во всей точности, и бѣдный Адула увидѣлъ себя переодѣтымъ еще прежде нежели успѣлъ выдти изъ своего изумленія. „Завтра, Адула,“ говоритъ Калифъ „ты явишься въ диванъ. Теперь иди въ свои комнаты и насладись приятностями отдыха; а я къ завтрашнему дню приищу для тебя работу.“ Адула падаетъ къ ногамъ Калифа, хочетъ говорить, и не находитъ словъ для выраженія радости своей и благодарности. Все съ нимъ происходящее почищаетъ онъ за сонъ, и спрашивается одной мысли о пробужденіи. Его ведутъ въ великолѣпные покои, гдѣ двѣнадцать невольни-

ковъ уже были готовы исполнять его желанія.

Рано поутру Адула получаетъ приказаніе явиться въ диванъ, но не иначе какъ одѣвшись въ то самое плащье, въ кошпормъ, сидя на камнѣ близъ мечети, взывалъ къ соспранданію мимоходящихъ. „Ахъ! недолго продолжалось мое счастье!“ восклицалъ онъ, надѣвая свое рубище. Его вводятъ въ диванъ. Тамъ сидѣлъ уже на тронѣ Калифъ, окруженный вельможами. Адула преклоняетъ голову къ землѣ, и долго оспаетъ неподвижнымъ, подобнымъ поверженному испугану. „Встань!“ говоритъ Калифъ: „я общалъ тебѣ работу, и дамъ ее.“ Потомъ, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ, продолжалъ: „Съ давняго времени ищу я человека для оппавленія должности великаго казнохранишеля. Я желалъ видѣть на семъ важномъ мѣстѣ именно такого, которой предпочиталъ бы честность богатству: таковъ избранный мною. Повелѣваю всѣмъ опдавать ему

почести, сану его принадлежащія. Изъ праха возношу сего честнаго человека, и въ прахъ низвергну перваго, кто дерзнулъ бы опказывать ему въ должномъ почтеніи. Спупай, Адула! облекись въ одежды, приличныя твоему достоинству; возвратись послѣ того ко мнѣ: я преподамъ тебѣ наставленіе о твоихъ обязанностяхъ. Развѣ я не обѣщался найши для тебя работу?“

Такимъ образомъ убогій Адула неожиданно сдѣлался Государственнымъ Казначеемъ, и Калифъ Абу-Джафаръ никогда не расказывался въ своемъ выборѣ. Народъ Багдадскій, жители провинцій, наконецъ все государство благословляло крошкіе и справедливые поступки честнаго Адулы.

Между тѣмъ подлое ласкательство приближенныхъ вельможъ и придворныхъ чиновниковъ спановилось несноснымъ Абу-Джафаръ - Алманзору, которой опчасу болѣе чувствовалъ надобность въ другѣ искреннемъ и смѣломъ; неперпѣливо же-

лалъ онъ внимать голосу истины, никогда недоходившему до его слуха. Но гдѣ найти способнаго къ тому человека? Какъ удостовѣриться о немъ? какъ опровергнуть ложь истины, а особливо при множествѣ побудительныхъ причинъ къ притворству? Долго размышляя о средствахъ достигнуть желаемого опроверженія, наконецъ онъ придумалъ, и успокоился.

Въ Багдадѣ жилъ человекъ, сочинившій книгу подъ титуломъ: Обязанности царей и владѣтелей. Ею же человекъ назывался Елаимомъ. Книга его возбуждала любопытство въ публикѣ, которая обыкновенно любитъ издали судить о правящихъ народами и весьма благосклонно принимаетъ сочиняемыя для нихъ наставленія. Эта книга имѣла большее производила впечатлѣнїе, что въ ней замѣчали нѣкоторыя слишкомъ смѣлыя мнѣнїя, которыя, по видимому, прямо относились къ первымъ годамъ царствованія Абу-Джафаръ-Алманзора. Безпре-

етанно совѣшовали Калифу, чѣобы при-
казалъ книгу сжечь, а сочинителя,
дерзнувшаго разсуждать о поступкахъ
своего государя, посадишь на колъ. Абу-
Джафаръ ни на что не рѣшался и дер-
жалъ всѣхъ въ недоумѣніи касательно
жребія, приготавлиаемаго Елаиму, копо-
рый сверхъ того былъ неизвѣстенъ при
дворѣ и никогда тамъ не являлся.

Въ одинъ вечеръ Абу-Джафаръ при-
казываетъ призвать къ себѣ Елаима и
въ то же время пригласить девять при-
дворныхъ чиновниковъ, копорыхъ почи-
талъ наиболѣе къ себѣ приверженными.
Онъ сперва показалъ имъ на всѣхъ паль-
цахъ своихъ перстни съ алмазами вели-
чины необыкновенной, потомъ гово-
рилъ: „Я собралъ васъ десятерыхъ
въ надеждѣ услышать отъ васъ истину;
высокой цѣны алмазы будутъ наградою
за нынѣшнюю вашу бесѣду со мною, на-
шакомъ однакожъ условіи, что вы дол-
жны объявить мнѣ сущую правду. Ска-
жете, что думаете вы о моемъ могу-

щесствѣ и моей славѣ?“ Придворные, плѣнившись красою большихъ алмазовъ, внутренно тѣшась надеждою получить по одному перстню. И вопѣ начинаютъ восхвалять величіе Алманзора; превозносятъ его выше всѣхъ героевъ бывшихъ и будущихъ; испощающся въ надупыхъ описаніяхъ его великодушія, его склонности къ художествамъ, будто бы опѣ него воспріявшимъ свое начало; съ воспоргомъ говорятъ о пышныхъ, вновь создаемыхъ черпогахъ, наконецъ возносятъ его до такой высоты, что послѣ того уже конечно не нашли бы словъ, когда бы надлежало имъ говорить о величіи и могуществѣ Бога.

Калифъ снимаетъ девять перстней съ пальцевъ и раздаетъ по одному всѣмъ придворнымъ, которые такъ прекрасно разсуждали. Попомъ, обратившись къ Елаиму: „а ты для чего молчишь?“ сказалъ онъ: „не уже ли не имѣешь охоты получить оставшійся перстень за объявленіе правды?“ — Государь! — оп-

вѣчаетъ Елаимъ: — обыкновенно платяиъ за ложъ и ласкашельство; но правда непокупаешся деньгами: ее можно услышатиъ даромъ. — „Очень хорошо, прошу сбъявиъ ее. Чшо ты думаешъ о моемъ могущесшвѣ и моей славѣ?“ — Я думаю, — отвѣчаетъ Елаимъ — чшо ты человекъ, слабое орудіе, сотворенное Богомъ для счаспія другихъ людей, и чшо Богъ, изъ ничего тебя создавшій, единымъ мановеніемъ можетъ преврашатиъ тебя въ прежнее ничтожесшво. —

При сихъ словахъ придворные въ неописанномъ изумленіи посматриваюшъ одинъ на другаго, несмѣюшъ взглянушъ на несчастнаго, дерзнувшаго выговоришъ столь безразсудныя слова, и ждущъ, чшо изречетъ Калифское Величесшво. Абу-Джафаръ беретъ Елаима за руку и говоришъ: „Недамъ тебѣ десятаго алмаза; ты самъ сказалъ, чшо правда не покупается за деньги; но когда истина дается даромъ, то довѣренносшъ и дружесшво должны бышъ за нее

возмездіемъ. Награждаю тебя сими двумя безцѣнными сокровищами. Оставайся при мнѣ навсегда. Я нашелъ друга, котораго давно уже искало мое сердце!“ Придворные ослепленны. Калифъ отпускаетъ ихъ и остается съ Елаимомъ, которому назначаетъ жилище въ своихъ чертогахъ.

На другой день тѣ же придворные, по обычаю, приходятъ съ почтеніемъ къ Калифу. Всѣ они принесли съ собою на пальцахъ перстни, полученные на канунъ. „Что скажете, дорогіе друзья!“ говоритъ Абу-Джафаръ: „довольны ли вы вчерашнимъ подаркомъ?“ — Великій Государь! твои алмазы дороже намъ самой жизни; они суть знаки твоей щедрости. Но позволь, Государь, объявить тебѣ объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ. Купецъ, продавшій алмазы, обманулъ тебя. — „Какъ это?“ — Они поддѣльные. — „Бѣда не велика;“ отвѣчаетъ Калифъ улыбаясь: „не уже ли вы думали, что

я о томъ невѣдалъ? Вы даете мнѣ ложныя похвалы, а я даю вамъ за то поддѣльные алмазы; я плачѹ вамъ пою же монешою. Не на что жаловаться!“

Спустя нѣсколько времени, Калифъ Абу-Джафаръ, продолжая войну прошивъ Персидскаго Государя, имѣлъ необходимую надобность, для нѣкошорой важной и тайной экспедиціи, въ человѣкѣ испытаннаго мужества и чести непоколебимой, на котораго совершенно могъ бы во всемъ положиться. Успѣхъ войны зависѣлъ отъ предполагаемой экспедиціи, въ кошорой малѣйшая измѣна могла все дѣло испорчить. Семь уже дней Калифъ запруднялся выборомъ способнаго человѣка, и все еще не зналъ, кому бы можно было сдѣлать столь важную довѣренность. Въ самое то время приведены были въ Багдадъ пятьсотъ человѣкъ военнопленныхъ; еши люди, при вспыхнувшемъ въ Корассанской области бунтѣ прошивъ Калифа, присоединились къ мятежникамъ. Вышло повелѣніе всѣхъ

сихъ несчастныхъ предать казни. Дѣвши чловѣкъ изъ нихъ убѣжали съ поля битвы, но были перехвачены и въ узахъ приведены въ столицу. Прочіе, незахотѣвши искашь спасенія въ бѣгствѣ, рѣшились упорно защищаться, и также были переловлены. Калифъ, безпрестанно занятый мыслью объ отысканіи нужнаго ему чловѣка, случайно приходилъ къ тому мѣсту, на копоромъ надлежало исполнить жестокій приговоръ надъ пятью спами военнопленныхъ. Онъ останавливается, чувствуешь жалость къ несчастнымъ, и располагаетъ даровать имъ прощеніе, такъ однако же, чшобы милость сія не могла впредь послужить вреднымъ примѣромъ. „Прощаю всѣхъ шѣхъ,“ говоритъ Калифъ „копорые недерзнули сразиться съ моимъ войскомъ. И такъ, подлые рабы, каждый изъ васъ, убѣжавшій съ поля сраженія, пускай переходитъ на правую сторону!“ И въ ту же минуу всѣ пленники двинулись толпою; только одинъ

изъ нихъ оспался на прежнемъ мѣстѣ. Абу-Джафаръ смотришь на него съ изумленіемъ и говоришь : „А ты для чего не идешь вмѣстѣ съ товарищами своего несчастія?“ — Я неслѣдую примѣру подлыхъ — отвѣчаешь воинъ. „Говорю тебѣ , что я всѣмъ убѣжавшимъ дарую прощеніе.“ — Но я никогда не бѣгалъ съ поля сраженія. — „Безразсудный! для чего не пользуешься случаемъ сохранить жизнь свою?“ — Для того что не хочу поперять чести. — „Благодареніе Пророку!“ восклицаетъ Калифъ : „нашелъ человека , для меня нужнаго! Прощаю тебѣ вину, и не оставляю безъ награды твоего великодушія.“ Онъ приказываетъ воину идти за собою и поручаетъ ему экспедицію , для которой искалъ начальника смѣлаго и спасающаго свою честь выше всего на свѣтѣ. Воинъ совершенно оправдалъ довѣріе Абу-Джафара: экспедиція имѣла желаемый успѣхъ и война окончилась въ пользу Калифа , который скоро

ношѣмъ сему храброму человѣку пожаловалъ санъ верховнаго военачальника. —

Я могъ бы, великій Повелитель правовѣрныхъ — продолжалъ Морадъ, — привести еще множество случаевъ, которые показываютъ, до какой степени Абу-Джафаръ-Алманзоръ умѣлъ отличать въ людяхъ истинное достоинство; но чтобы тебѣ не наскучить, расскажу еще объ одномъ только происшествіи.

Съ высокихъ башенъ при мечетяхъ Багдадскихъ раздаются пронзительные крики: „Алла, Алла! Великій Иманъ умеръ!“ Мечети покрыты чернымъ флеромъ; Моллы, бѣгая по всѣмъ улицамъ, вопіющъ жалобнымъ голосомъ: „Алла, Алла! Великій Иманъ умеръ!“ Внезапно по всему городу распространилось необычайное движеніе. Каждый самъ себя спрашиваетъ: кого возведетъ Калифъ на столь высокую степень достоинства? Опъ всѣхъ мечетей Иманы сбѣгающія ко Двору, ибо почти каждый изъ

нихъ имѣеть приятелей, гоповыхъ при
 Дворѣ ходатайствовать. Калифъ вы-
 слушиваетъ прозбы, замѣчаетъ вокругъ
 себя всѣ тонкія соплешенія хитросплетей,
 и терпѣливо ждетъ, не представитъ
 ли ему время или случай такого чело-
 вѣка, которой былъ бы достоинъ за-
 спустить мѣсто перваго служителя вѣ-
 ры, — чловѣка, вмѣщающаго въ себѣ
 всѣ шѣ качества, коихъ требуетъ вы-
 сокій санъ первосвященника. Онъ допу-
 скаетъ къ себѣ нестерпѣливыхъ искаше-
 лей, предлагаетъ имъ вопросы, и от-
 правляетъ обратно, ничего вѣрнаго не-
 обѣщавая.

Между шѣмъ онъ часно выходитъ
 переодѣвшись — не только днемъ, но
 даже и ночью. Посѣщаетъ госпитальницы,
 бродитъ по площадямъ, вступаешь со
 всякимъ въ разговоръ, всячески желая
 довѣдаться, кого народный голосъ на-
 значаетъ на праздное мѣсто, и имѣетъ
 ли назначаемый попребныя качества.

Прошло двѣ недѣли, а Калифъ еще не узналъ ничего важнаго. Наконецъ, однажды ввечеру прохаживаясь одѣтый въ такое плащье, въ копоромъ никакъ не могъ быть узнанъ, слышашъ прехъ бѣдныхъ дервишей, со всею опккровен-носшію бесѣдующихъ между собою. Они сочиняли удивительные планы, и каждой изъ нихъ объявлялъ предпочтительное свое желаніе на случай, когда бы имѣлъ право избирать для себя все, что ни есть лучшаго на свѣтѣ. „Признаюсь,“ говоритъ одинъ: „я бы хотѣлъ быть Великимъ Визиремъ; какое прекрасное мѣсто!“ — А я, — отвѣчаетъ другой: когда бы мнѣ дали волю выбирать любое, безъ дальнихъ околичностей сдѣлался бы Калифомъ Абу - Джафаръ - Алмаззоромъ. — Третій дервишъ молчалъ. Но когда поварищи спали неопшсшупно требовашь и его мнѣнія, то онъ сказалъ: „Ваше честолюбіе пресмыкается, друзья мои! Мое такъ далеко опъ вашего, какъ небо опъ земли. Ко-

гда бы даны мнѣ были всѣ сокровища
 свѣта, когда бы мнѣ вручили скипетръ
 вселенныя, — и тогда имѣлъ бы я въ
 виду еще нѣчто, всего ешаго драгоцѣн-
 нѣйшее.“ Слова сіи возбудили любопыш-
 ство въ двухъ другихъ дервишахъ. —
 Какая же бы ешо драгоцѣнность, копо-
 рую можно предпочесть всѣмъ сокрови-
 щамъ и всему величію въ мірѣ? — „По-
 слѣ славы и ненарушимости свѣтой
 нашей вѣры, я болѣе всего желаю имѣть
 хотя половину добродѣтелей, прему-
 драсти и благочестія святаго пустын-
 ника, достопочтеннаго Гуссейна.“ —
 Мы въ первой разъ слышимъ объ ешомъ
 пустынникѣ. — „Неудивляюсь, моя бра-
 тія, пошому что вы нездѣшніе. Гус-
 сейнъ на тридцатомъ году жизни сво-
 ей оставилъ свѣтъ, отрекся отъ всѣхъ
 суешныхъ его удовольствій, всего себя
 предалъ Богу и погрузился въ ученіе
 свѣтой нашей вѣры; великое множество
 людей всякаго возраста ежедневно при-
 текаетъ къ его пещерѣ, вырытой соб-

сшвенными его руками на оплотой спон-
ронѣ холма въ прехъ миляхъ опъ Ба-
гдада. Тамъ каждой день проповѣдуешъ
онъ слово Божіе, копорымъ споль глу-
боко проникнушъ его разумъ, что оно,
можно сказашь, содѣлалось его соб-
сшвеннымъ словомъ. Уже молва о шво-
римыхъ имъ чудесахъ распроспраняешся
далеко, ибо доблести его не могутъ
долго оспавапьяся неизвѣспными.“ —
Мы очень любопытны узнашь святаго
мужа; горимъ желаніемъ видѣшь лице
и слышашь вѣщанія успъ его. — „Ешо
въ вашей волѣ: завпра же, если угодно,
пойдемъ къ его свашоспи. Въ няпомъ
часу ушра приходите къ большой мече-
ни: шамъ передъ дверьми буду ожидашь
васъ, и всѣ вмѣспѣ опсправимся къ Гус-
сейну.“

Дервиши въ шужъ минушу разсша-
лись, пожелавъ другъ другу споконной
ночи. Калифъ же, возврапившись въ свой
дворецъ, призываешъ къ себѣ Великаго
Визира и говоришь ему: „Завпра въ че-

тыре часа по утру тебѣ надобно иди
къ большой мечети; тамъ передъ дверь-
ми найдешь одного добраго дервиша:
приведи его ко мнѣ, не теряя времени.“

Приказаніе было исполнено въ поч-
тоспи. Поутру Великій Визирь приво-
дитъ къ Калифу добраго дервиша, ко-
торой по данному слову дожидался двухъ
своихъ спутниковъ. „Дервишъ!“ сказалъ
Абу-Джафаръ: „слуха моего коснулась
громкая молва о святомъ пустынникѣ
Гуссейнѣ. Донынѣ я не зналъ, кого бы
возвысить на степень Великаго Имана:
теперь я увѣренъ, что онъ одинъ до-
стоинъ носить сіе высокое званіе. Иди,
объяви ему, что молва объ учености его
и добродѣтеляхъ достигла до моего
престола, и что въ награду за его благо-
честіе даю ему санъ Великаго Имана.“
И въ то же время, призвавъ Великаго
Визиря, приказываетъ ему сопутство-
вать дервишу съ доспапочнымъ снаря-
домъ войска.

Добрый дервишъ самъ себя не помнишь отъ радости, слыша споль восхитительную новостъ, и тѣмъ еще болѣе, что ему же поручаютъ довести ее до почтеннаго пуспынножишеля, за котораго добрый дервишъ готовъ былъ положить свою душу, преисполненную мыслями о святомъ мужѣ. Онъ радъ бы на крыльяхъ летѣть къ пещерѣ. Наконецъ достигаетъ вождельнаго святилища, въ которомъ обитаютъ премудрость и благочестіе; достигаетъ сего храма, изъ котораго Пророкъ лѣетъ обильныя струи милостей и благословенія небеснаго. Дервишъ видитъ отшельника среди многихъ слушателей, получающихъ высочайшимъ истинамъ; онъ бѣжитъ къ Гуссейну, представляетъ ему Великаго Визиря со всею свитою и объявляетъ волю Калифа. Святой мужъ возноситъ очеса и руцѣ свои горѣ и восклицаетъ: „Алла, Алла! да будетъ имя твое нами священо, да будетъ воля твоя надъ нами! Пойдемъ, пойдемъ,

сынъ мой! горю желаніемъ упасъ къ
спопамъ верховнаго Правителя вѣрныхъ,
который съ высоты славы своея благо-
изволилъ воззрѣть на меня, нищаго и
убогаго. “

Въ одну минуту новость сія рас-
пространилась въ толпѣ, окружающей
Гуссейна. Воздухъ оглашается радост-
ными восклицаніями; повсюду слышны
взыванія: „Благословенъ Алла! Святой
нашъ пустынникъ приемлетъ санъ пер-
ваго Имана въ Багдадѣ!“ — Всѣ разбѣ-
гаются и разносятъ по окрестнымъ се-
ламъ вѣсть, исполняющую неизреченною
радостію сердца правовѣрныхъ.

Между тѣмъ пустынникъ, сопро-
вождаемый Великимъ Визиремъ и добрымъ
дервишемъ, достигаетъ въ Багдадъ и
прямо шествуетъ во дворецъ Монарха,
который ожидалъ его съ нетерпѣніемъ.
Калифъ милостиво привѣтствуетъ по-
чтеннаго Гуссейна и говоритъ: „Я слы-
шалъ о твоихъ доблестяхъ и великомъ
твоемъ благочестіи; яко намѣстникъ

Пророка , имѣю обязанность воздашь тебѣ достойную награду. И такъ повѣдай мнѣ , о Гуссейнѣ ! къ чему спре- мяшся твои желанія ? Скажи — и полу- чишь.“

Гуссейнѣ падаетъ къ стопамъ Ка- лифа ; попомъ , крестообразно положивъ на грудь свои руки , ошвѣчаетъ : „Мо- гущественнѣйшій Государь ! ясное солн- це свѣта и мудрости , дарованное лю- дямъ для ихъ просвѣщенія ! Понеже воль- но мнѣ явишь предъ тобою единую ви- ну всѣхъ моихъ хопѣній ; то и призна- юсь , что ничего шакъ горячо я неже- лалъ , какъ мѣста перваго Имана въ Ба- гдадѣ.“ — Какъ ! только ешаго и же- лаешь ? — сказалъ Калифъ улыбаясь. — „Только , повелишель вѣрныхъ ! Какъ скоро получу ешо прекрасное мѣсто , въ то время и всѣ мои желанія исполнят- ся.“ — Ну , такъ встань же ! — гово- ришь Калифъ съ обыкновенною кропо- спію : Санъ перваго Имана не по тебѣ ; онъ доспанется шому человѣку , кошо-

рый болѣе всего желаетъ славы и нена-
рушимости святой нашей вѣры, —
именно тому дервишу, который опдалъ
бы всѣ сокровища, все величіе свѣта за
приобрѣтеніе хоща части добродѣтелей,
которыми, какъ онъ думалъ, ты обла-
даешь. —

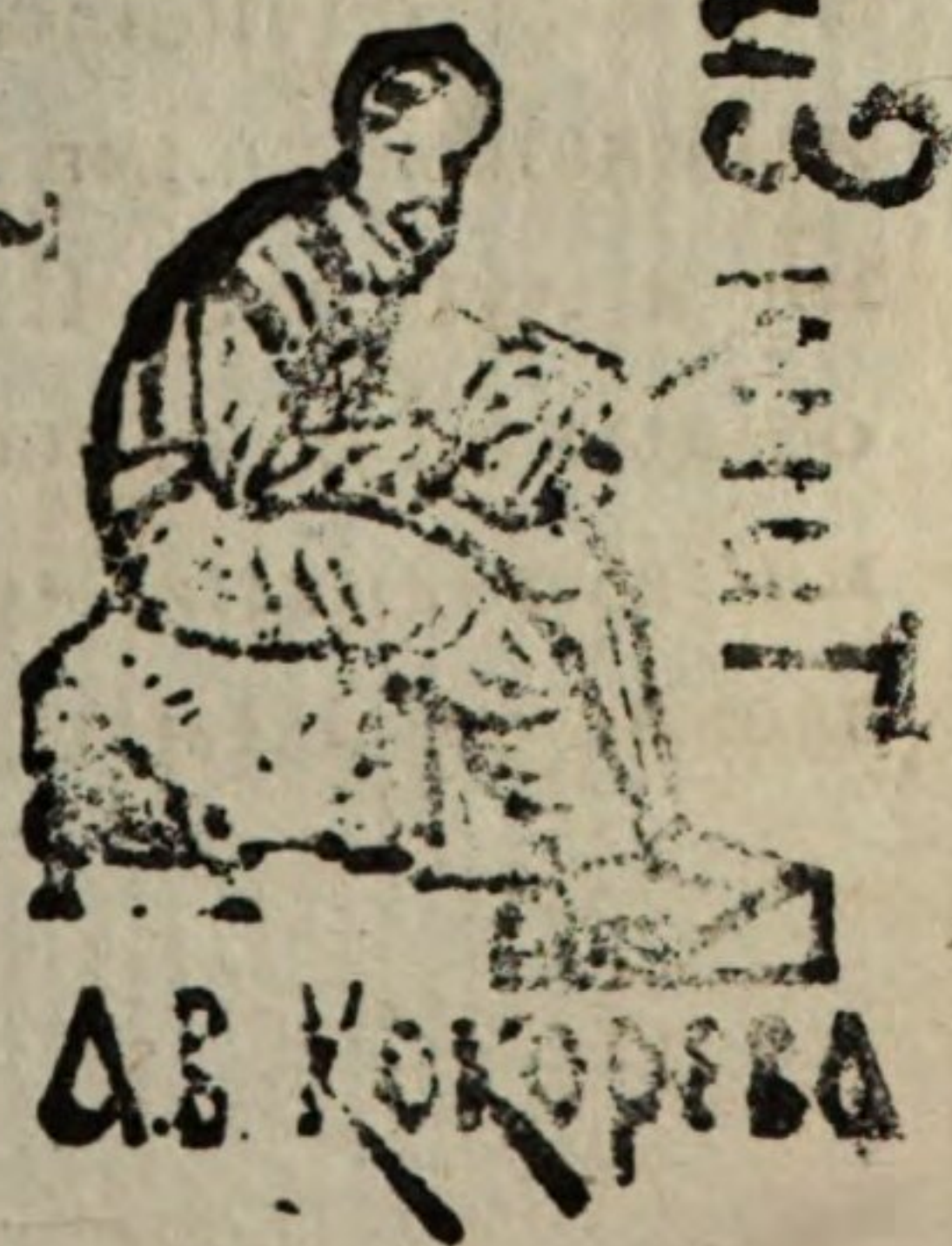
Посрамленный опшельникъ обратно
опправился къ своей пещерѣ, а добраго
дервища провозгласили первымъ Има-
номъ Багдада, и сію высокую должностъ
опправлялъ онъ во всю жизнь свою съ
такимъ благочестіемъ, что послѣ его
смерти ни одинъ изъ Имановъ не отва-
жился желать его мѣста.

Изъ всего пересказаннаго мною бла-
говолишь, Великій Государь, усмош-
рѣшь, — такъ говорилъ наконецъ му-
дрый Морадъ: — что Калифъ Абу-Джа-
фаръ-Алманзоръ совершенно умѣлъ по-
знавать человѣческое сердце. „Причи-
ною нашихъ рѣчей“ повторялъ онъ ча-
сто „бываетъ опасеніе или полишика,
безразсудство или корыстолюбіе. Мы

не всегда можемъ управляшь своими поступками. Не разъ, прошивъ воли своей, бываемъ движимы минушною срашю, мощными обспояшельспвами, наконецъ пою неизвѣспною силою, копорая, по видимому, всѣмъ управляетъ въ сей юдоли, и копорую невѣдѣніе наше имянуетъ слѣпымъ случаемъ.“ Вотъ опъ чего и нельзя судить о людяхъ съ надлежащею почностію ни по ихъ словамъ, ни по ихъ поступкамъ; а надобно познавать ихъ по нѣмъ вещамъ, копорыя имъ очень нравятся. Сіе правило можно приняшь за общее, и съ помощію его удобнѣе можно предостеречь себя опъ заблужденія.

Съ Франц.

ФАМИЛЬНЫЙ ПОРТРЕТЪ

А Н Е К Д О Т Ъ .

Я путешествовалъ по южной Франціи, и мнѣ случилось быть въ странѣ прелестной, на которую довольно насмотрѣться не могутъ любители изящной Природы. Между тѣмъ какъ я любовался очаровательными видами, разнообразными, живописными мѣстами, которыя безпрестанно представляются очамъ изумленнаго путешника на восхитительныхъ долинахъ Луары, вечеръ непримѣтно приближался. Вотъ и ночь заспала меня въ мѣстѣ, вовсе мнѣ неизвѣстномъ. Я продолжалъ идти по своей пропinquѣ, не зная, куда она ведетъ меня. Не прошедъ и четверти мили, я очутился въ селеніи, лежащемъ на скатѣ холма, окруженномъ деревьями и лугами. Имѣя большую нужду въ отдохнѣ, я остановился, искалъ глазами выгоднаго ночлега, увидѣлъ новой весьма красивой домикъ, рѣшился войти

въ него и просить гостепріимства. Въ комнатѣ, весьма опрятно прибранной, я увидѣлъ молодую женщину, которая, не будучи красавицей, имѣла открытую и счастливую физіономію; юность и здравіе цвѣли на полныхъ щекахъ ея, улыбка удовольствія украшала ея розовыя губы. Подлѣ нее сидѣлъ молодой человекъ двадцати четырехъ, или двадцати пяти лѣтъ; онъ держалъ на коленяхъ у себя младенца, усpreмивъ на него родительскій взоръ свой.

Разсказываю мое приключеніе молодымъ поселянамъ. Хозяинъ и хозяйка спѣшашъ угощашъ меня; въ одну минуту приготовленъ сельскій ужинъ; отличная опрятность стола удвоила аппетитъ, которой чувствовалъ я послѣ дороги. Тотчасъ завожу разговоръ съ молодымъ человекомъ. Онъ сѣлъ подлѣ меня, и на всѣ мои вопросы отвѣчалъ съ такою открытостію, съ такимъ простодушіемъ, какихъ въ нынѣшнія

времена трудно найши даже и въ деревнѣ.

Между тѣмъ, продолжая бесѣду и осматриваясь въ комнаѣ, не безъ удивленія увидѣлъ я висѣщій на стѣнѣ портретъ пожилаго господина, украшеннаго орденомъ Св. Лудовика. — „Ба!“ сказалъ я молодому человѣку: „вовсе не чаялъ бы я найши здѣсь такую карпину.“ — Ей здѣсь и бытъ не слѣдовало — опѣвчалъ хозяинъ. „Чей же еѣто портретъ?“ — Господина Моранжа, храбраго офицера и честнаго человѣка; замокъ его недалеко отсюда. Вошъ все, что послѣ его оѣпалось! Ахъ, сударь! его уже нѣтъ на свѣтѣ! Жаль, очень жаль! онъ много дѣлалъ добра бѣднымъ. — „Какимъ же случаемъ, другъ мой, доспался вамъ портретъ г-на Моранжа?“ — А вошъ я вамъ разскажу, сударь, пока вы будете кушать.

— Мнѣ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, когда оѣецъ мой умеръ. Онъ былъ бѣдный споляръ, и съ трудомъ

нипался своею работою. Черезъ нѣ-
 сколько дней послѣ его смерти я при-
 шелъ къ замку господина Моранжа, и
 рыдая просилъ подаянія. Онъ сжалился
 надо мною, и на своемъ иждивеніи оп-
 далъ меня учисься сполярному дѣлу.
 Всякое воскресенье приходилъ я къ го-
 сподину Моранжу; а онъ ласкалъ меня,
 и никогда не отпускалъ съ пусыми ру-
 ками. Будь честнымъ человекомъ, Жюль-
 ень! такъ онъ мнѣ говаривалъ: будь
 прилѣженъ къ работѣ; я постараюсь,
 чтобъ ты имѣлъ свое хозяйство. . . Я
 слушался приказаній господина Моран-
 жа, и учился прилѣжно. Когда мнѣ на-
 ступилъ шестнадцатый годъ, ешомъ
 добрый баринъ позвалъ меня къ себѣ и
 сказалъ, подавая мнѣ кошелекъ съ день-
 гами: Жюльень! я доволенъ тобою; всѣ
 говорятъ хорошо о твоёмъ поведеніи. Иди
 всегда этою дорогой, и повѣрь мнѣ, она
 приведетъ тебя къ благополучію. Вотъ
 небольшая сумма денегъ на твое путе-
 шествіе по Франціи. Надобно видѣть

свѣтъ , чтобы сдѣлаться хорошимъ мастеромъ. Прости , ступай съ Богомъ , и возвратись честнымъ челоѣкомъ , если хочешь сдѣлаться благополучнымъ ; ибо счастье только для честныхъ людей существуетъ. . . .

Я взялъ деньги , снарядилъ свой узелокъ и на другой же день пустился въ дорогу. Четыре года ходилъ я по разнымъ городамъ , вездѣ прилѣжно работалъ и всячески спарался перенимать хорошее , чтобы самому сдѣлаться свѣдущимъ и искуснымъ въ столярномъ дѣлѣ. На двадцатомъ году начала крушить меня попка по опчизнѣ. Я захопѣлъ взглянуть на деревню , въ которой увидѣлъ свѣтъ Божій , и поспѣшно возвратился — такимъ же бѣднякомъ , какимъ былъ до путешествія , но честнымъ челоѣкомъ , а въ добавокъ еще и съ ремесломъ въ рукахъ , которое общало мнѣ на всю жизнь вѣрной кусокъ хлѣба.

Господинъ Моранжъ далъ мнѣ работу, и объявилъ всему окологороду о новомъ мастерѣ. Вотъ я и жилъ себѣ весьма довольный своимъ состояніемъ. Я совсѣмъ не зналъ, что такое несчастье; но, ахъ, надобно было и мнѣ опивѣдаться горя! Не даромъ же вѣдь говорятъ, что безъ него не лѣзя обойтись въ здѣшней жизни. Да я и не жалѣю о томъ: все хорошо, что ни приходишь къ намъ опъ Бога; и моя бѣда послужила мнѣ больше къ добру нежели къ худу. Я полюбилъ Сашу, вотъ ее, сударь. Она была пригожа . . . какъ теперь, но была богата. Опець ея, весьма зажиточный поселянинъ, имѣлъ свой домъ, поле, луга, виноградники, и все содержалъ въ хорошемъ состояніи. Яжъ имѣлъ только свое ремесло, зарабатывалъ себѣ не болѣе тридцати руб. въ день, и жилъ въ наемной пѣсной землянкѣ. Мнѣ и въ голову неприходило, что я бѣденъ, и етому была причина: Саша любила меня какъ будто богатаго. Мы часто

видались, часто говорили о любви своей приспойно и чесно.

Однажды Себастіанъ, отецъ Сашинъ, увидѣлъ насъ вмѣстѣ въ ту самую мину, когда я поцѣловалъ дочь его. Что ты дѣлаешь? вскричалъ онъ, схвативъ меня за горло. — Ничего: я только поцѣловалъ Сашу! — Какъ, мошенникъ! и ты смѣешь? ... А почемужъ, когда и Сашѣ ето непрошивно? — И ты думаешь, я дозволю, чтобы твоя рожа увивалась около моей дочери! — А почемужъ бы тебѣ не дозволишь, когда Саша етому рада? Вѣдь я говорю съ нею о любви для того, что хочу на ней жениться. — Ты... на ней жениться! вотъ ето другое дѣло! Для когожъ я и берегу ее, какъ не для тебя! Онъ парень не промахъ! У самаго нѣтъ ни кола, ни двора, такъ хочетъ жениться на богатой невѣстѣ! — Я хотѣлъ было прошивурѣчить; но Себастіанъ, впрочемъ добрый-шій человекъ въ свѣтѣ, недожидаясь

моего отвѣта, замахиваясь палкою; а я успѣваю отскочить, и бодро даю тягу.

Пришедши въ свою землянку, разсуждаю прилѣжно обо всемъ, что со мною случилось: нахожу, что я неправъ, и что мнѣ не должно любить Сашу, когда ея опцу ея пропивно. Но я чувствовалъ, что не въ моей было воля исправитъ вину свою: мысль о Сашѣ не оставляла меня ни на минушу; грусть овладѣла мною; я пересталъ работать, и мнѣ уже ничего не заказывали; я видѣлъ приближающуюся минушу крайняго убожества. . . .

Я былъ въ отчаяніи; вдругъ блеснула въ головѣ моей мысль въѣхать несчастіе свое господину Моранжу. Онъ такъ добръ! говорилъ я самъ себѣ: онъ мнѣ желаетъ добра, и я много разъ видѣлъ ея на самомъ дѣлѣ; можетъ быть онъ сжалился надо мною. — Иду въ замокъ и прошу, чтобы меня допустили къ господину; мнѣ отвѣчаютъ, что онъ опасно боленъ; возвращаюсь въ уныніи

домой, внутренно моля Бога о сохраненіи покровителя несчастнымъ. На другой день рано по утру опять бѣгу въ замокъ узнать, что дѣлается съ господиномъ Моранжемъ; мнѣ сказываютъ, что онъ въ минувшую ночь скончался. Не стану описывать вамъ своей печали; въ немъ я лишился послѣдней надежды. Идучи обратно съ расперзаннымъ сердцемъ, я умолялъ душу сего добродѣтельного господина ходатайствовать у Бога за бѣднаго Жюльена.

Спустя послѣ того двѣ недѣли, слышу я, что наслѣдники приѣхали въ замокъ покойнаго, и что продаютъ все домашніе приборы, ему принадлежавшіе. Любопытство влечетъ меня, равно какъ и другихъ людей, къ мѣсту продажи. Вижу, какъ все комнатныя утвари моего благодѣтеля переходятъ въ чужія руки, и слезы вырываются изъ очей моихъ, между тѣмъ какъ племянница и племянникъ господина Моранжа смотрятъ на это зрѣлище съ самымъ холод-

нымъ безчувствіемъ. А онъ при жизни своей осыпалъ ихъ благодѣяніями, и сверхъ того еще оставилъ имъ двадцать тысячъ годового дохода послѣ своей смерти! Они все, что ни было въ домѣ, продавали; ахъ! еслибъ я имѣлъ такого добраго дядю! я сберегъ бы все изъ уваженія къ его памяти!

Споявши шамъ около получаса, я уже хотѣлъ было идти домой; вдругъ слышу: картина, два франка! — три франка! — четыре! пять франковъ! Вспырываю, и чтожъ я увидѣлъ? Портретъ ихъ дяди, ихъ благошворишеля! Сердце во мнѣ сжалось, и я заплакалъ какъ ребенокъ. У меня только и естъ шесть франковъ; сказалъ я самъ себѣ: но это портретъ моего благодѣшеля... Нѣтъ, пускай онъ недостается въ незнакомыя руки. Кричу: шесть франковъ! и портретъ остается за мною.

Въ восторгъ беру свою картину, и не могу удержаться, чтобы необлобызавъ уснѣ, которыя столько разъ бла-

госклонно ко мнѣ улыбались; цѣлую руки, копорья сполько разъ опшверзались, чшобы помочь моей бѣдности. Уношу портрешъ въ свою шѣсную землянку, и удивляюсь необыкновенной его тяжести. Хочу повѣсиль его на спѣнѣ; гвоздь ломается, портрешъ падаетъ. Я съ ошпорожностію поднимаю его, осмашприваю, вижу изъ разорванной назади холспины выпавившійся свершокъ; беру его, развершываю и — представыше себѣ мое изумленіе — нахожу двадцашпяць двойныхъ луидоровъ! Внимашельнѣ осмашприваю каршину, и вижу, чшо она съ задней стороны обшпанута холспомъ; шопчасъ спараюсь снять его, и нахожу штысячу луидоровъ въ бумажныхъ свешкахъ, какъ прежніе. Деньги еши уложены были между двумя спѣнками изъ холспины.

О небо! воскликнулъ я, прыгая ошъ радости вокругъ сокровища: шеперь я богатъ! шеперь женюсь на Сашѣ! какое счастье! Добродѣшельный Моранжъ!

мало того, что онъ давалъ при жизни; онъ даетъ и послѣ смерти! Ахъ, какъ схожъ епошъ портретъ! точно живой Моранжъ! . . .

Меня однакожъ скоро начало мучить нѣкоторое сомнѣнiе. — Мнѣ ли принадлежатъ деньги? Я купилъ картину, это правда; но продали бы ее мнѣ за шесть франковъ, когда бы знали, что въ ней скрыта цѣлая тысяча ливидоровъ? Нѣтъ, это золото не мнѣ принадлежитъ; я долженъ опнессти его къ наследникамъ господина Моранжа. Бѣдный Жюльень, тебѣ нельзя жениться на Сашѣ!

Будучи въ сихъ печальныхъ размышленiяхъ, вижу на землѣ писмецо, чисто сложенное; беру его, открываю и нахожу слѣдующiя спроки:

Я знаю моихъ наследниковъ: они продадутъ портретъ своего благодѣтеля; они меня самого продали бы, когдабъ только могли это сдѣлать. Ежели неблагодарные рѣшаются промѣнять на деньги эту

картину; то спрятанная въ ней сумма должна принадлежать тому, кто ее купитъ. Дай Богъ, чтобъ она досталась честному человѣку!

Карлъ Моранжъ.

Ета записка возвращаетъ мнѣ жизнь. И такъ я могу при спокойной совѣсти владѣть своею находкой! могу жениться на Сашѣ! . . . И на другой же день еще на разсвѣтѣ лечу къ Себастіану. „За чѣмъ пожаловалъ?“ спрашиваетъ меня отецъ Сашинъ голосомъ суровымъ и съ нахмуреннымъ видомъ. — Я пришелъ поговорить съ вами. — „Не о чемъ мнѣ говорить съ побою.“ — Вы ужь очень спѣсивишесь, а все опъ того, что у васъ есть маленькое хозяйство. — „Маленькое хозяйство! Ето говоришь бѣднякъ, у котораго нѣтъ ни одного су за душою. . .“ — Вѣдь вы не считали моихъ денегъ. — „Правда твоя, дружокъ! Я думаю, ты и самъ давно уже ихъ не считаешь.“ — Ето однакожь непомѣшало бы мнѣ заплашишь вамъ за все

хозяйство, копорымъ вы такъ горди-
 шесь, если бы только вы согласились
 продать его. — „Заплашишь словами,
 неспорю.“ — Не словами, а наличными
 луидорами, бапюшка Себаспіанъ, на-
 личными луидорами! — „А что и впра-
 вду! я тебѣ продамъ все за дешевую
 цѣну.“ — Сколько, на примѣръ, вы хо-
 тѣли бы? — „Такъ, бездѣлицу: двѣнад-
 цать тысячъ франковъ.“ — Я согласенъ,
 давай руку! — „Не угодно ли къ ноша-
 ріусу?“ спрашиваетъ Себаспіанъ, про-
 должая шупить надо мною! — Гоповъ,
 пойдемъ! —

Доброй старикъ вздумалъ позаба-
 виться на мой счетъ, и оба мы идемъ
 къ сельскому ношаріусу. „Господинъ Но-
 шаріусъ!“ говоритъ Себаспіанъ: „ешопъ
 молодой помѣщикъ намѣренъ купить у
 меня дворъ со всѣми принадлежащими
 къ хозяйству моему землями, и по ми-
 лости своей обѣщается заплапить мнѣ
 наличными деньгами; посприудись при-
 топовишь намъ купчую записъ, а его

превосходительство отблагодарить васъ приличнымъ образомъ.“ Нотаріусъ въ одну минуту пишетъ актъ, и читаетъ его громогласно; Себастіанъ потчасъ подписываетъ, я также ни секунды не медля подписываю въ свою очередь, къ величайшему изумленію Нотаріуса и Себастіана. — „Послушай, Жюльень!“ говоритъ первый: „еще еще не все, что ты написалъ свое имя; надобно теперь же плашить деньги.“ — Вотъ здѣсь-то и занятая! — восклицаетъ Себастіанъ, надрываясь со смѣху. — Это правда, что цѣна довольно высока, — говорю я въ свою очередь. „Теперь ужь поздно разсуждать; изволь-ка плашить деньги, и въ сію минуту.“ — Вдругъ двѣнадцать тысячъ франковъ! Не лѣзя ли нѣскольکو дней. . . . — „Нѣтъ, нѣтъ, наличныя деньги!“ — Быть такъ, я согласенъ, но только съ такимъ условіемъ, чтобы господинъ Нотаріусъ теперь же написалъ еще одинъ актъ, въ силу котораго Себастіанъ отдастъ мнѣ Сашу потчасъ,

какъ опсчишаю деньги. — „Съ охопою, съ охопою!“ сказалъ спарикъ, продолжая смѣяшся: „кажешся, бѣды пупъ никакой нѣтъ! авось-либо неостанусь въ накладѣ!“

Вдругъ вынимаю изъ кармана двѣнадцать тысячъ франковъ двойными лудорами, и гордо раскладываю ихъ по столу. Какъ же спарикъ мой изумился! Онъ и Нопариусъ не могли промолвить ни одного слова. Я рассказываю имъ свое приключеніе, не забывая и о запискѣ Моранжа, которая служила доказательствомъ, что найденныя въ портрешѣ двадцать четыре тысячи франковъ принадлежатъ мнѣ по всей справедливости. Вонъ мой Нопариусъ снимаетъ съ головы шляпу и поочиваетъ меня привѣтствіями. „Истинно радуюсь столь вожделѣнному происшествію! Я всегда предчувствовалъ, господинъ Жульень, что фортуна когда нибудь наградитъ васъ; теперь ето исполнилось! Я весь къ вашимъ услугамъ, и надѣюсь, что...“ —

Жюльень! — сказалъ Себастіанъ, взявъ меня за руку: — вѣдь ты не повѣришь, что я всегда любилъ тебя и почиталъ, хоть это сущая правда! Ты всегда казался мнѣ бравымъ парнемъ, и я надѣюсь, что . . . —

Въ шужь минушу написанъ свадебный договоръ, а черезъ нѣсколько дней я женился на своей Александринѣ. Скоро молва объ этомъ пронеслась по цѣлому околотку, и всѣ были рады моему благополучію, кромѣ наслѣдниковъ г-на Моранжа. Они утверждали, что деньги мнѣ никакъ не принадлежатъ, и что мнѣ продана только картина. Началась тяжба; но записка моего благодѣтеля совершенно меня оправдала. Племянникъ и племянница принуждены были по опредѣленію суда заплашить за всѣ издержки и за производство дѣла, а въ добавокъ еще всѣ смѣялись надъ ихъ неблагодарностію и корыстолюбіемъ. Вотъ уже два года, какъ Саша и я живемъ вмѣстѣ, а мнѣ показались они двумя

днями. Мы оставили пещя моего при его хозяйствѣ, а себѣ построили ещѣ домикъ, завели маленькую торговлю и живемъ, благодаря Бога, счастливо.

Портретъ господина Моранжа будетъ висѣть здѣсь пока мы живы; и дѣшей своихъ научимъ любить и почитать образъ виновника нашего благополучія. Посмотрите, сударь! какая доброта на лицѣ его! какъ онъ глядитъ на насъ! Намъ право кажется, что онъ слышитъ насъ, что улыбается отъ удовольствія, видя насъ счастливыми, или слушая похвалы себѣ отъ нашей благодарности. —

Тутъ кончилъ добрый Жюльень. Я слушалъ повѣсть его съ любопытствомъ и съ удовольствіемъ. Желая, чтобы она также понравилась читателямъ, и чтобы научила наслѣдниковъ, еще до продажи съ молотка фамильныхъ портретовъ, прилѣжно осматривать заднюю ихъ сторону.

Сарразень.

Часть II.

II

ПОЧИТАТЕЛЬ ДОБРАГО ЗДОРОВЬЯ.

Анекдотъ.

Передъ симъ за нѣсколько дней поѣхалъ я одного изъ старыхъ своихъ приятелей. Онъ игралъ въ карты со Священникомъ своего прихода, который былъ вмѣстѣ и Докторъ. Хозяинъ принялъ меня какъ добраго своего приятеля весьма ласково и опререкомендовалъ Доктору. Сей послѣдній, человекъ лѣтъ пятидесяти, имѣющій крѣпкое сложеніе и цвѣтъ лица самой здоровый, осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, кивнулъ слегка головою и сидѣлъ себѣ въ креслахъ, не говоря ни слова. Я не могъ не подивиться пасмурному его виду; но приятель мой, замѣтивши это, поспѣшилъ меня успокоить. „Вы слишкомъ стары,“ сказалъ мнѣ хозяинъ: „а Докторъ старики не жалуешь; только молодые и здоровые люди имѣютъ честь ему нравиться. Но не опасайтесь; скоро узнаете его лучше, и я увѣренъ,

что не откажете ему въ своемъ уваженіи. Это чловѣкъ особенный, опличный отъ всѣхъ, ни на кого непохожій.“

Докторъ ни слова не отвѣчалъ на эту шутку; долго всматривался въ меня, потомъ, вдругъ оборотясь къ моему приятелю, спросилъ: „не угодно ли еще одну игру?“ — Хозяинъ отказался, и велѣлъ принести бутылку, табакъ и трубки. Докторъ, начавши курить табакъ, выпилъ отъ всего сердца за здоровье моего приятеля; но во все время посматривалъ на меня сурово, и не только не шилъ за мое здоровье, но даже не говорилъ ко мнѣ ни слова. Съ давняго времени неупотребляя крѣпкихъ напитковъ, я попросилъ себѣ бутылку воды, и ею наливалъ рюмку свою всякой разъ, какъ они свои наполняли виномъ. Примѣтивши это, Докторъ шепнулъ на ухо моему приятелю, однакожь такъ, что и я могъ слышать: „этошъ бѣднякъ, по моему замѣчанію, не долговѣченъ.“ — Приятель мой, усмѣхнувшись, отвѣчалъ ему

также шопотомъ : „Не думайте ешаго, господинъ Докторъ ! Фицъ - Адамъ проживесть споль же долго какъ и вы.“ Попомъ, оборошясь ко мнѣ , спросилъ о новостяхъ. Начался важной разговоръ , продолжавшійся до шѣхъ поръ , пока я не объявилъ , что пора сбираться къ опдыху. Тутъ Докторъ вспалъ съ кресель , выпилъ за мое здоровье и сказалъ , шрепля меня по плечу : „вы спарикъ очень любезный ; постараюсь познакомиться съ вами во время бышности вашей въ здѣшней деревнѣ.“

Рано по утру я нашель уже Доктора въ споловой. Онъ обошелся со мною весьма учпиво , и сказалъ , что вышелъ изъ дому ранѣе обыкновеннаго единспвенно съ намѣреніемъ имѣть приятный случай прогуляться вмѣстѣ со мною. „Приятель вашъ“ прибавилъ Докторъ „недавно выдержалъ сильной припадокъ подагры ; пока вспанесть онъ съ посшели , мы успѣемъ обойти всю его вошчину.“ — Я согласился. Мы вошли въ прекрасный

садъ. Я былъ въ восторгѣ. „Видите ли, господинъ Фицъ - Адамъ! какія красотошны!“ воскликнулъ Докшоръ: „опъ всего сердца желалъ бы я, чшобы владѣлецъ сего несравненнаго мѣста былъ менѣе мучимъ подагрой, и чшобы всегда могъ я посѣщать его съ такимъ же почтеніемъ какъ и удовольствіемъ.“ — Чшобы вы говорили о почтеніи! — прервалъ я рѣчь Докшора: не уже ли пріяшель мой менѣе заслуживаетъ почтенія пошому единственно, чшо спраждесть опъ болѣзни, кошорая не есть слѣдствіемъ развращенной жизни? — „Ешо правда; но чшо мнѣ дѣлать, господинъ Фицъ-Адамъ? Я радъ бы иначе мыслишь, шѣмъ болѣе чшо очень многимъ обязанъ вашему пріяшелю. Въ сосѣдствѣ нашемъ живетъ дворянинъ, кошорой препоручилъ меня его покровительству и ходатайствомъ своимъ доставилъ мнѣ нынѣшнюю мою должность; но, по несчастію, онъ съ давняго времени подверженъ скорбушной болѣзни, причинѣ всегдашней головной

боли, которая безъ всякаго сомнѣнія сократишь число дней его: и вошь по етому нога моя никогда не будетъ въ его домѣ.“

Я хотѣлъ было прервать рѣчь его, какъ вдругъ приблизилась къ намъ карета. Сидѣвшій въ ней господинъ опустилъ стекло, поклонился Доктору, которой вмѣсто взаимнаго привѣтствія отворотился и не сказалъ ни одного слова. Етому поступокъ Доктора и произнесенныя передъ тѣмъ слова его возбудили во мнѣ крайнее любопытство. Я спросилъ, кто мимо насъ проѣхалъ. — „Милостивый государь!“ отвѣчалъ Докторъ: „это несчастной обладаетъ великимъ богатствомъ, и потому думаетъ, что всякой, кому онъ скажетъ здравствуй, обязанъ взаимно его привѣтствовать; но я знаю его, знаю и то, что онъ скоро умретъ отъ одышки, которая душистъ его съ давняго времени: а какъ я, по милости Божіей, чувствую себя въ добромъ здоровьи, то и не хочу съ етимъ

человѣкомъ имѣть никакого дѣла. Здоровье, господинъ Фицъ-Адамъ, есть на свѣтѣ вещь единственная, кошую высоко цѣнить должно; и какъ мое здоровье принадлежитъ къ числу наилучшихъ, то я и значу гораздо болѣе, нежели епощъ хворой, проѣхавшій въ каретѣ. При великомъ своемъ богатствѣ, онъ ошъ всей души бы желалъ бытъ приходскимъ священникомъ бѣднымъ, но здоровымъ. Повѣрьте мнѣ, господинъ Фицъ-Адамъ, онъ недолго проживетъ на свѣтѣ.“

Я ничего не отвѣчалъ Доктору, и онъ продолжалъ: „Вы уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и конечно чувствуете усталость ошъ дороги по причинѣ слабаго здоровья, если не ошибаюсь; пошому-то я и вспрѣпилъ васъ неучпиво при вчерашнемъ свиданіи. Но ваша бесѣда увѣрила меня, что вы имѣете нравъ веселый, и я примѣпилъ, что вы приняли намѣреніе беречь себя посредешвомъ воздержанія. Вашъ съ шѣхъ-то поръ на-

чалъ я уважать васъ, и теперь очень радъ, что съ вами познакомился. Вы меня пошарѣе, а пошому и принадлежите къ низшему, нежели я, классу; но природная веселость ваша и воздержаніе сглаживають васъ на равную степень съ молодыми. Желаю всѣхъ благъ почтенному Фицъ - Адаму.“

Идучи далѣе, повспрѣчались мы съ крестьянами. Товарищъ мой, порываясь къ нимъ, воскликнулъ: „вошь люди, господинъ Фицъ - Адамъ! вошь истинные люди, достойные того, чтобы занявшись съ ними! На лицахъ ихъ, любезный Фицъ - Адамъ, видишь ихъ богатства. И кто изъ нашихъ господъ богаче ихъ? Ни одинъ, никто конечно! Всѣ они такъ маломощны, такъ хилы, что ни одинъ изъ сихъ людей не долженъ бы снимать шляпы передъ ними.“ Пошомъ завелъ съ ними разговоръ, и далъ каждому по нѣскольку грошей на пиво.

Послѣ того увидѣли мы великое множество охотниковъ. Нѣкоторые изъ

нихъ привѣтствовали Доктора; но онъ не обращалъ на нихъ вниманія: одного только опличилъ опъ прочихъ, перелѣзъ къ нему черезъ плечень, обнялъ его дружелюбно, и просилъ на завтрашній день къ себѣ опобѣдать. — „Епопъ человекъ“ сказалъ мнѣ послѣ Докторъ „имѣетъ наилучшее здоровье въ цѣлой Англіи; выѣзжаетъ на охоту только для прогулки и движенія, и несдѣлаетъ ни одного шага шамъ, гдѣ видитъ малѣйшую опасность. Всѣ же другіе товарищи его перескакиваютъ рвы и плещи; избѣгнувши опасностей по упру, они предаются имъ по вечерамъ, проводя время въ пьянствѣ и безчинствахъ. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Фицъ-Адамъ! нехочу имѣть съ ними дѣла; ибо надѣюсь, что переживу ихъ чепырьмя десятками годовъ и слишкомъ!“

Мы приблизились къ дому, въ которомъ, какъ сказывалъ мнѣ Докторъ, жила одна знапная вдова. „Она прежде

Часть II.

Р

имѣла доброе здоровье,“ прибавилъ онъ
 „и я тогда посѣщалъ ее довольно ча-
 сто; но какъ скоро впала въ изнеможе-
 ніе, то я и проспился съ нею навѣки.
 Она рѣшилась остаться навсегда вдовою
 послѣ смерти своего мужа, офицера, у
 котораго пушечное ядро опорвало голову
 во время сраженія при Фоншенуа. Воинъ
 съ военными людьми нехочу я имѣть
 никакого знакомства. Жизнь ихъ виситъ
 на самой тонкой нити.“ — Однакожъ
 они полезны обществу — возразилъ я —
 и по тому достойны уваженія. — „Я и
 не спорю;“ отвѣчалъ Докпоръ: „но же
 самое сказать можно о копающихъ уголья
 рабочихъ, которые могутъ быть
 живые засыпаны землею. Господинъ
 Фицъ-Адамъ! есть между людьми раз-
 личіе въ степеняхъ; его-то должно раз-
 суживать. Люди слабаго здоровья,
 или занимающіеся ремесломъ небезопа-
 снымъ, должны стоять ниже шѣхъ, ко-
 торые имѣютъ здоровье доброе, и копо-

рыхъ ремесло таково, что не подвергается ихъ никакой опасности.“

Докторъ казался мнѣ весьма необыкновеннымъ человекомъ, и я не хотѣлъ прерывать его. „Можете почипать меня чужакомъ; только не думайте, будто бы я былъ врагъ тѣмъ малочтеннымъ людямъ, которые имѣютъ слабое здоровье, — будто бы я поступаю съ ними безжалостно, когда случится возможность оказать имъ помощь. Нѣтъ, я готовъ предлагать имъ всякія услуги, отъ меня зависящія: не могу только унизиться до ихъ класса, не могу быть имъ поварищемъ. Чтобы поспавить человека на значительной степени, къ тому врачъ имѣетъ болѣе силы, нежели самодержавный владѣтель: дары фортуны ничего не значатъ; здоровье составляетъ единственное богатство, которымъ человекъ дорожить долженъ: безъ него богачъ есть не что иное какъ нищій. Но не симъ однимъ только мнѣніе мое опличается отъ общаго. Кулецъ

или ремесленникъ, прудами своими приобрѣшій богатства, не рѣдко идешь за дворянина; и я всегда былъ такого мнѣнія, что гораздо важнѣе и почтеннѣе устроить самому себѣ хорошее сложеніе нежели получить его отъ природы: тѣмъ жребій, а тамъ разсужденіе. И по сей-то причинѣ я такъ часто провожу время съ вашимъ приятелемъ; ибо хотя подагра обыкновенно поршитъ темпераментъ его, однакожъ онъ можетъ еще долго держаться посредствомъ воздержанія и порядочной жизни; между тѣмъ какъ тотъ господинъ, вѣхавшій въ богатой каретѣ, имѣетъ неизлѣчимую одышку, ибо еша болѣзнь, при всемъ его богатствѣ, дѣлаетъ его убогимъ, подобнымъ нищему, который скоро умретъ отъ голода. Чѣмъ болѣе вникаешь будете въ рѣчь мою, тѣмъ болѣе опдадите мнѣ справедливости. Здоровый бѣднякъ достоинъ быть товарищемъ Королю; больной Лордъ есть не что иное какъ нищій въ своихъ чертогахъ! Какъ же онъ можетъ пребо-

вашь опъ другихъ уваженія, когда и послѣдній изъ слугъ его незахопѣлъ бы помѣняпсья съ нимъ своею долей?“

Тутъ Докшоръ кончилъ рѣчь свою, ибо мы уже входили въ домъ моего приятеля. Мы нашли его въ добромъ здоровьи и въ веселомъ расположеніи духа, — что весьма обрадовало Докшора. При неослабномъ спараніи скрывать немощь преклонныхъ лѣтъ своихъ, я провелъ съ нимъ цѣлую недѣлю весьма приятно, и такъ удачно приобрѣлъ его дружбу, что на прощаньи получилъ опъ него пузырьрекъ бальзаму Тиртингтона и связочку порошковъ Докшора Жака. „Можетъ бытъ“ примолвилъ онъ „украдутъ у васъ деньги; но будьте спокойны вразсужденіи горячки, или заваловъ.“

Приѣхавши къ себѣ домой, долго размышлялъ я объ оригиналѣ, съ копорымъ познакомился. Наконецъ принужденъ былъ признапсья, что Докшоръ небылъ такимъ чудакомъ въ самомъ дѣлѣ, какимъ показался мнѣ съ начала.

По истинѣ здоровье есть самое первое богатство въ жизни. Когда бы чины раздаваемы были, смотря по состоянію здоровья, то на вѣрнѣе люди берегли бы его съ большимъ нежели теперь тщаніемъ; изъ того возникла бы новая выгода для общества, а именно: уменьшилось бы число тѣхъ скучныхъ людей, которые безпрестанно мучатъ насъ исторіями о своихъ болѣзняхъ.

N. N.

ДВѢ ВДОВЫ.

Повѣсть.

Госпожа Вальсе, женщина добродѣтельная и любезная, добрая мать семейства, послѣ смерти своего мужа, котораго любила со всею нѣжностію, жила уже цѣлой мѣсяцъ вдовою въ Туренской провинціи. Тамъ находилось принадлежавшее господину Вальсе помѣстье, изъ котораго она не выѣзжала во все время своего замужства.

У нее была шестнадцатилѣтняя дочь, прекрасная лицомъ, и еще болѣе прекрасная своимъ характеромъ, которой усовершенствованъ былъ тщательнымъ и благоразумнымъ воспитаніемъ. Г-жа Вальсе, окруженная богатыми сосѣдами, жила у себя въ домѣ открыто, видала многихъ людей, была любима бѣдными и уважаема богатыми. Молодой Генрихъ Пернильякъ весьма охотно госпиль въ ея домѣ. Не трудно догадаться, что привлекала его туда — любовь; и могъ ли онъ увидѣть Амелію и не полюбить ее? Генриху было только двадцать лѣтъ; онъ имѣлъ благородную душу, и такую же наружность; имѣлъ всѣ качества, которыя заставляющъ любить и уважать человека. Сердца Амеліи и Генриха были сходны между собою и слѣдовательно разумѣли другъ друга; нѣжная склонность соединяла ихъ почти съ самаго младенчества, и юные друзья говорили о ней съ невинностію того счастливаго возраста, въ которомъ еще неумѣютъ

пришворяться. И къ чему было бы имъ скрывать свои чувства, когда взаимная любовь, ненарушая никакихъ приличій, по видимому, обѣщавала имъ чистѣйшія наслажденія?

Уже назначенъ былъ день ихъ брака. Оставалось только условиться о денежныхъ съ обѣихъ сторонъ выгодахъ, и еша спашья, по обыкновенію, принадлежала къ заботливости родителей; ибо юные друзья ни о чемъ другомъ не помышляли, кромѣ взаимной своей нѣжности. Г. Пернильякъ, отецъ Генриховъ, нарочно для того приѣхавшій къ г-жѣ Вальсе, имѣлъ съ нею разговоръ хотя мало приятный, но за то весьма важный по причинѣ связи его съ окончаніемъ дѣла, въ кошоромъ всѣ четыре особы принимали великое участіе. „Что до меня касается,“ сказалъ Г. Пернильякъ „я даю сыну моему по самое помѣстье, въ кошоромъ теперь живу. Оно приноситъ годоваго дохода около двадцати тысячъ ливровъ.“ — А

я — опивчала г-жа Вальсе — ничего немогу дань моей дочери, пошому что я вышла замужъ безъ всякаго доспапка; не смотря на то, моя Амелія принесеть съ собою значительное приданое: ей достається помѣстье, находящееся въ Альзасѣ и принадлежавшее моему покойному супругу. Не могу точно сказать вамъ, чего оно стоить; но г. Вальсе часто увѣрялъ меня, что оно приноситъ около двадцати пяти тысячъ годоваго дохода. — „Хорошъ ли шамъ домъ?“ — Нѣтъ; мужъ мой говаривалъ, что въ немъ жить не можно. — „Какъ, сударыня! развѣ вы никогда шамъ не бывали?“ — Никогда. Вамъ извѣстно, что г. Вальсе каждой годъ ѣздилъ туда на цѣлые шесть мѣсяцовъ. Это помѣстье, говаривалъ мнѣ покойной, пребуешь ближайшаго надзора; чтобы получать хорошій доходъ, надобно самому жить шамъ половину года; тебя не могу я брать съ собою, пошому что негдѣ помѣститься: только и есть

одна прибранная комнаша, которую я занимаю. Вошь что говаривалъ покойной мужъ мой, и всегда рѣшительно мнѣ опказывалъ, когда я возобновляла прозыбы свои, чтобъ меня взялъ съ собою. Наконецъ надлежало покориться волѣ такого человѣка, которому я всѣмъ была обязана. Онъ же во время своего отсутствія весьма часто утѣшалъ меня письмами. Воспитаніемъ дочери сокращалось мое время, которое безъ сего сладостнаго занятія было бы для меня слишкомъ продолжительнымъ. — „Чтожъ, сударыня!“ сказалъ г. Пернильякъ, улыбаясь: „въ шестимѣсячномъ отсутствіи мужа есть также выгода: по возвращеніи своемъ онъ бываетъ нѣжнѣе, услужливѣе. . .“ — Увѣряю васъ, — прервала г-жа Вальсе — что я во все время замужства была имъ очень счастлива. —

Вдругъ слышался стукъ въѣхавшей на дворъ кареты. Отворяется дверь, входитъ женщина, имѣющая около сорока лѣтъ отъ роду, еще довольно кра-

сивая, одѣтая въ траурное платье. Генрихъ держалъ руку Амеліи у своего сердца. Увидѣвъ незнакомую женщину, всѣ замолчали, и только посматривали одинъ на другаго. Неизвѣстная подошла къ г-жѣ Вальсе и учтиво объявляетъ ей желаніе свое поговорить съ нею особо о весьма важномъ дѣлѣ. „У меня нѣтъ, милосшивая государыня, никакой тайны, копорую бы я должна была скрывать отъ особъ, здѣсь находящихся,“ сказала г-жа Вальсе: „и говоришь со мною при друзьяхъ моихъ есть то же, что говоришь наединѣ.“ — Согласна; — продолжала незнакомка: — я пришла къ вамъ съ такою новостью, копорая будетъ весьма прискорбна вашему сердцу. Узнайте, что я по мужу называюсь Вальсе, и что я законная жена того человека, копорого имя вы на себѣ носите. —

При сей неожиданной рѣчи г-жа Вальсе немогла воздержаться отъ улыбки. — Вотъ забавныя вѣспи! — восклицаетъ г. Пернильякъ. — „И въ самомъ

дѣлѣ очень забавныя!“ прибавилъ Генрихъ. — Переспаньте! — шихонько сказала ему Амелія: развѣ невидите, что еша бѣдная женщина помѣшана? Недолжно насмѣхаться надъ несчастіемъ; оно можетъ постигнуть и насъ въ то время, когда мы совсѣмъ его неждемъ. — „Такъ, милоспивая государыня,“ продолжаетъ незнакомка, не обращая ни на что вниманія: „точно я называюсь Вальсе; теперь же намѣрена законнымъ порядкомъ утвердить за собою мое имя и права мои, и я на все имѣю неоспоримыя доказательства.“ — Какъ ешо! — восклицаетъ г. Пернильякъ: еще и доказательства! вошъ ихъ - то я хочу видѣть! Посмотримъ, посмотримъ на ваши доказательства! — „Вошъ они, сударь!“ отвѣчала незнакомка, показывая связку бумагъ: „вошъ всѣ письма, копорыя получала я опъ своего мужа. Провождая по шеспи мѣсяцовъ ежегодно въ здѣшнемъ помѣстьѣ, онъ писывалъ ко мнѣ въ Альзасскую свою деревню,

мзъ кошпору я въ продолженіе двадцати
лѣтъ никуда невыѣзжала.“

Госпожа Вальсе дрожащею рукою
беретъ письма, узнаетъ почеркъ сво-
его мужа, блѣднѣетъ, ощущаетъ тай-
ный ужасъ въ своемъ сердцѣ. — „Вопъ
и свадебной договоръ мой,“ прибавляетъ
незнакомка: „за двадцать лѣтъ передъ
симъ подписанный, и онъ долженъ быть
старѣе вашего. Мы обѣ обманушы, су-
дарыня; однакожь какъ я первая жена
господина Вальсе, то я одна и законная.“
Видя сполько доказательствъ, машь
Амеліи лишается возможности пропиву-
рѣчить, и бумаги падаютъ изъ рукъ ея.
Г. Пернильякъ поднимаетъ свадебный
договоръ, и читаетъ его съ начала до
конца, безпрестанно повторяя: „да . . .
точно договоръ законной . . . написанъ
по всей формѣ . . . пропивъ ешаго ни-
чего не скажешь! . . .“ Несчастная прия-
тельница его въ изступленіи воскли-
каетъ болѣзненнымъ голосомъ: — Какъ!
она госпожа Вальсе! А я, о Боже мило-

сердый! что же я такое? Какое имя носишь буду? какое имя дамъ любезной моей Амеліи? О дочь моя! ты погибашь! . . . — И при сихъ словахъ падаешь въ безпамятствѣ.

Амелія и Генрихъ лепяшъ къ ней на помощь и всячески старающіся возвратишъ ей чувство. Она опаматовалась, и въ ту же минуу прижала къ сердцу свою Амелію: „О милая дочь моя! не уже ли правда, что законы тебѣ отвергающъ? И такъ ты лишашься своего имени, своего имѣнія, подобно несчастнымъ жертвамъ порока или слабости матерей своихъ! Жадные наследники того, кто далъ тебѣ жизнь, не замедляшъ тебѣ ограбишъ! А я, злополучная мать, я, которая и жила только для твоего счастья, я неимѣю для тебя ниже куска хлѣба! Но нѣтъ, нѣтъ . . . ето невозможно! . . . Г. Вальсе былъ человекъ честный; онъ небылъ способнымъ дерзнуть на такое злодѣяніе. Письма еши вымышлены ковар-

свомъ ; договоръ поддѣланъ. . . . Ужасный обманъ , изобрѣшенный для того единственно , чтобы расперзать материнское сердце!“ — Сударыня! — говоришь незнакомка съ видомъ благороднымъ : справедливая печаль ваша заставляетъ меня просить васъ слова , отъ которыхъ вы сами конечно опречклись бы , когдабы знали мой характеръ и мои правила. Скажу еще разъ , милосердная государыня , что обѣ мы были обмануты. Мнѣ въ голову не приходило почитать г-на Вальсе способнымъ къ такому злодѣянію ; но теперь открывается , что онъ точно сдѣлалъ епошъ непрощительной поступокъ. — „Какимъ же образомъ вы не знали бы о супружествѣ , которое осмнадцать лѣтъ продолжалось?“ — Я могла бы предложить вамъ епошъ самой вопросъ , и еще болѣе имѣю на то права ; ибо я двумя годами прежде васъ вышла замужъ. Г. Вальсе познакомился со мною въ Стразбургѣ и тамъ на мнѣ женился. Спустя нѣсколь-

ко дней послѣ свадьбы, онъ повезъ меня въ свою деревню, находящуюся только въ чепырехъ миляхъ отъ города. Въ первые два года уѣзжалъ онъ дважды, небо- лѣе какъ на мѣсяць, въ здѣшнее Ту- ренское помѣстье. Третье путешествіе было уже гораздо продолжительнѣе. По возвращеніи его я жаловалась на споль- довременное отсутствіе, и онъ ска- залъ мнѣ тогда, что съ тѣхъ поръ по хозяйственнымъ причинамъ долженъ по- шести мѣсяцовъ жишь въ Туренской деревнѣ, что къ несчастію не мо- жешь помѣщаться со мною въ здѣ- шнемъ сельскомъ домѣ, и что по сей причинѣ не берешь меня съ собою. Каждой годъ воспоминалъ онъ о намѣ- реніи своемъ перестроивать домъ; но всегда при епомъ случаѣ сказывалъ, что на перестройку надобно употре- бить большія суммы, и по сей при- чинѣ всегда ее откладывалъ. Слѣд- ственно мнѣ ничего инаго дѣлать не- оставалось, какъ соглашаться на его

шесшимѣсячное отсутствіе. Сперва казалось оно для меня жестокимъ; но послѣ я къ нему привыкла, представляя себѣ его необходимость. Сверхъ того г. Вальсе писывалъ ко мнѣ со всею почтностію, и я могу представить всѣ его письма. На послѣдокъ, сударыня, прошло цѣлой мѣсяцъ, а я не получаю отъ него ни одной строчки. Пишу сама; нѣтъ отвѣта. Посылаю въ здѣшнюю сторону вѣрнаго человека, который уведомляетъ меня, что г. Вальсе умеръ, и что послѣ себя оставилъ здѣсь вдову, женщину украшенную всѣми добродѣтелями. Можете судить о моемъ изумленіи по тому чувству, которое вы сами испытывали. Ежели епо изъясненіе не достаточно, и ежели вы не убѣждены въ справедливости моихъ требованій; то я обещаюсь завтра представить свадебной договоръ мой посредникамъ, которыхъ вы сами назначите; пусть они произнесутъ рѣшеніе о моемъ жребіи и о вашемъ. —

Незнакомка уходитъ и оставляетъ несчастное семейство въ несказанной горести. Г-жа Вальсе казалась громомъ пораженной. Выразительные взоры ея устремляются на Амелію; она не проливаетъ слезъ, ибо печаль ея вся еще находится въ ея сердцѣ. Генрихъ и Амелія, стоя подлѣ нее, держатъ руки ея въ своихъ рукахъ и смотрятъ другъ на друга взорами такой любви, копорая въ первой разъ спрaшившя не-счастія. Сія нѣмая сцена перерывается только восклицаніями г-на Пернильяка, копорой, ходя по залѣ, безпрестанно повторяетъ: „Плохо! . . . очень плохо! . . . Не ждашь добраго! . . . Свадебной договоръ хоть бы куда! . . . Она точно г-жа Вальсе, и слѣдственно ей принадлежитъ Альзасское помѣстье. . . Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія! . . .“

Было уже поздно. Г-жа Вальсе, имѣя великую нужду въ отдыхѣ, ушла въ свою комнату, и тамъ дала полную свободу слезамъ своимъ. Генрихъ, прощаясь

съ Амеліей, нѣжно пожалъ ея руку и сказалъ ей тихонько: „Вы несчастны, Амелія; вотъ новая причина любить васъ вѣчно.“

Въ ту самую минуту г. Пернильякъ подзываетъ къ себѣ сына. „Ну, любезный Генрихъ! какъ же мы счастливы!“ — Счастливы, батюшка? счастливы, когда лютое злополучіе постигло особъ, столько намъ драгоцѣнныхъ? — „Твоя правда мой другъ, твоя правда; однакожь признайся по крайней мѣрѣ, что объясненіе случилось въ самую пору и весьма кспати.“ — Чтобы поколебать мое счастье. — „Нѣтъ, сынъ мой, чтобы не допустишь тебя до ошибки ни чѣмъ невозвратимой!“ — Какой ошибки? — „А какъ же? опъ женишьбы на дѣвушкѣ, неимѣющей ни имени, ни доспашка, ну, короче, на незаконнорожденной...“ — Какая намъ до того нужда? Развѣ она не та же все Амелія, которую избрало мое сердце и которую вы любите мнѣ позволяли? Развѣ мать ея виновна? Нѣтъ,

баптистка, нѣтъ; честь, довѣренность,
 и всѣ добродѣтели сопровождали г-жу
 Вальсе къ олтарю, и сердце ея съ ан-
 гельскою непорочною призывало Не-
 беса во свидѣтели своимъ клятвамъ. И
 должна ли спрадась материнская лю-
 бовь ея за такое преступленіе, копо-
 рато сама она вовсе неслѣлала? Человѣ-
 ческіе законы осуждаютъ ее; но Небо
 видитъ и оправдываетъ ея непороч-
 ность. — „Все ешо прекрасно, сынъ
 мой; но мы теперь еще не на небѣ: мы
 живемъ съ людьми, и должны соображать-
 ся съ законами, копорые постановлены
 ими для сохраненія порядка и добрыхъ
~~правъ.~~ Общественному мнѣнію и сво-
 ему званію ты долженъ пожертвовать
 тѣми мнѣніями, копорыя спрасъ твоя
 называетъ справедливыми, и копорыя
 тебѣ ослѣпляютъ. Что въ любви, нару-
 шающей всѣ общественныя приличія?
 Я не хочу, чтобъ люди говорили, что
 мой сынъ, мой единственный наслѣд-
 никъ, копорому ничто не мѣшало найши

самую хорошую невесту, женился на . . . “ — Какъ, бабюшка! вы пре-
 буете? — „Да, я пребую, чтобъ ты
 опказался опъ Амеліи?“ — И опка-
 зался бы опъ чеспи! — „Чеспъ, сынъ
 мой, соспой въ пожертвованіи всѣмъ
 общественному мнѣнію; а ты для чеспи
 хочешь себя обезчеспить. Ты въ заблу-
 жденіи, Генрихъ, и не кто другой,
 а именно я обязанъ направить тебя на
 путь истины. Теперь ты не въ состо-
 яніи вникнуть ни въ доказательства,
 опцемъ твоимъ тебѣ представляемая,
 ни въ его побудительныя причины. Пс-
 ложись же на его благоразуміе. Завтра
 по утру мы уѣдемъ опсюда изъ дому.
 Я напишу къ г-жѣ Вальсе, которой мнѣ
 право жаль, и возьму назадъ свое слово.
 А ты напиши въ Амеліи: увѣдомъ ее о
 моей волѣ; можешь, если угодно, сочи-
 нить письмо самое нѣжное и самое
 спрастное; жалуйся на жестокость
 судьбы, разлучающей васъ въ то самое
 время, когда вы хотѣли было соединить-

ся сладчайшими узами брака — и еще очень напурально; изъявляй досаду свою на меня; я за то не осержусь, только лишь напиши въ ней; я того пре-
бую.“ — Генрихъ ничего во отвѣчаетъ на сіе рѣшительное приказаніе. Онъ уходитъ съ твердымъ намѣреніемъ любить всегда ту, отъ которой велятъ ему опказаться.

Въ это самое время несчастная Амелія находилась подлѣ мащери, которую старалась утѣшить краснорѣчіемъ своей нѣжности. Она недогадывалась, сколько могло быть ея несчастье. „О чемъ плакаешь, о чемъ сокрушаешься, милая маменька! При васъ дочь ваша, которая вѣтки васъ не оставитъ. Когда я выду за Генриха, вы переедете жить къ намъ; онъ богатъ; у насъ все будетъ общее. Вѣдь вы и ему будете мащерью; развѣ мнѣ вы не родная? Ахъ! вы знаете, какъ любите меня Генрихъ, и какое у него благородное, какое нѣжное сердце!“

По утру очень рано г. Пернильякъ посылаетъ къ г-жѣ Вальсе нисьмо. Оно наполнено холодною учпивоспью; выраженія и тонъ обдуманъ; въ заключеніе всего несчастная мать узнаетъ, что предположенный бракъ опмѣняется. Новой ударъ, нанесенный уязвленному ея сердцу! „Милая дочь моя!“ воскликнула г-жа Вальсе, прочитавши письмо: „ты льстилась тщетной надеждою! Ты бѣдна, и по тому оставлена женихомъ, о которомъ судила по своему великодушному сердцу. Генрихъ, въ несчастіи, отверженный обществомъ своимъ, отверженный законами и всею природой, навѣки былъ бы своимъ Генрихомъ! а для его уже Амелія несуществуетъ! . . .“

Въ сію минуточку входитъ Амелія и улыбается, глядя на мать свою, съ изъясненіемъ живѣйшей нѣжности. Г-жа Вальсе обливаясь слезами, сажаетъ дочь свою у себя на постели, и говоритъ ей: „Ты должна меня ненавидѣть; почему

дала я тебѣ жизнь? Бѣдное дитя мое, ты еще не знаешь всего своего несчастья!“ — Что еще такое, маменька! Спало бышь вы скрываете отъ меня еще какія нибудь причины вашей горести? — „Я желала бы скрыть послѣднюю, и самую мучительную. Бѣдная Амелія! . . . собери всю твою бодрость и . . . вопъ, читай, если можешь. . . .“ Амелія беретъ письмо, раскрываетъ, хочетъ читать — вдругъ входитъ въ комнату вчерашняя незнакомка, сопровождаемая г-мъ Пернильякомъ и Генрихомъ. Г-жа Вальсе съ шепотомъ говоритъ соперницѣ: „Вы, сударыня, безъ сомнѣнія пришли сюда объявить мнѣ рѣшительный приговоръ о моемъ несчастіи. Было бы съ вашей стороны гораздо великодушнѣе и можете бышь осторожнѣе не являться здѣсь такъ рано.“ — Я думала, сударыня, — отвѣчаетъ незнакомка, что въ дѣлѣ столь важномъ не должно терять ни одной минуты. Повстрѣчавшись съ этими господами, которые рас-

полагались отсюда уѣхать, я ихъ остановила: друзья ваши были свидѣтелями вчерашней сцены, и я желаю, чпобъ они видѣли ея развязку. — „Итакъ, извольте въ ихъ присутствіи объявить мнѣ, что на мою долю ничего болѣе неоспается, кромѣ жалости.“ — Успокойтесь, сударыня, и дайте мнѣ кончить. Я одна законная супруга г-на Вальсе; права мои неоспоримы. Увѣдомившись о другомъ его супружествѣ, я долгомъ своимъ поспавила утвердить за собою имя, исключительно мнѣ принадлежащее. Я увидѣла васъ посреди вашего семейства, вошла въ ваше положеніе, и ваши материнскія слезы проникли до глубины моего сердца. У васъ есть дѣти, а я ихъ не имѣю; я обезпечена весьма хорошимъ достаткомъ; а у васъ нѣтъ никакой собственности. Еслибъ г. Вальсе былъ теперь въ живыхъ и еслибъ ему надлежало выбирать одну изъ насъ, онъ безъ сомнѣнія далъ бы преимущество матери дѣтей своихъ.

и слѣдственно васъ призналъ бы законною своею женою. Не постыдимъ же памяши человека, которой обѣимъ намъ былъ любезенъ; набросимъ непроницаемой покровъ на его проступокъ! Уступаю вамъ всѣ права мои; вручаю вамъ мой свадебный договоръ и письма моего мужа. Дозвольте только, чтобы я, живучи въ Альзасѣ, по прежнему носила на себѣ его имя; самыя выгоды ваши пребудушъ, чтобы я не принимала другаго, и шѣмъ не подала бы можешъ бышъ повода выводишъ нѣкоторыя догадки объ истинѣ.“

— Чпо я слышу! — восклицаетъ г-жа Вальсе въ радостномъ испугленіи; — не ангелъ ли небесный сошелъ на землю воззвать меня къ блаженству изъ глубины опчаянія? Ахъ, милостивая государыня! какими словами изображу мою признательность, мое удивленіе! . . . Дочь моя! пади къ ея ногамъ, лобызай стопы ея; она твоя благодѣтельница, твой ангелъ хранишель!

Возвращая тебѣ честь, она надѣляется тебѣ пѣмъ, чего я никогда немогла дать тебѣ. . . — Сильно распроганная незнакомка проливаетъ слезы умиленія, беретъ за руку Амелію, Генриха, и обратившись къ г-жѣ Вальсе, говоритъ : „Вчера я угадала, что они другъ друга любящъ; мое присутствіе ихъ огорчило: дозволю же мнѣ сего дня быть свидѣтельницей того счастья, которое по волю судьбы я имъ возвратила.“ — Ахъ! — отвѣчала г-жа Вальсе : — соединеніе ихъ долго соспавляло сладчайшую мою надежду; теперь оно сдѣлалось невозможнымъ. Прочтите, сударыня, прочтите письмо, которое сей часъ я получила отъ г-на Пернильяка, и разсудите, могу ли просить такой поступокъ. — „Можете, можете, милоспивая государыня!“ восклицаетъ Г. Пернильякъ, взявши епо гибельное письмо и разрывая его на мѣлкія части : „мой сынъ и ваша Амелія просятъ, чтобъ вы меня просили; отъ того зависишь ихъ

счастіе : не уже ли рѣшитесь нака-
 зывать ихъ за мой просшупокъ , въ
 копоромъ я самъ себя упрекаю?“ — Ма-
 менька , милая маменька ! — говоришь
 Амелія : — ежели одно письмо могло
 васъ поссорить съ г-мъ Пернильякомъ ,
 то другое , право , должно примиришь
 васъ. Прочтите вотъ еще , копорое
 получила я также сегодня поутру ! —
 И съ послѣднимъ словомъ подаешь
 письмо своей матери , копорая читаетъ
 въ немъ слѣдующее : Чѣмъ болѣе несча-
 стна будетъ Амелія , тѣмъ болѣе кля-
 нусь любить ее. Клятва сія столь же
 священна , какъ бы она произнесена была
 предъ олтаремъ Господнимъ. Генрихъ не
 будетъ имѣть другой супруги , кромѣ
 Амеліи. — Все забываю ! — восклицаетъ
 г-жа Вальсе , подавая руку г-ну Перниль-
 яку : — все прощаю ! Приблизься , мой
 Генрихъ , мой зять , мой сынъ , прими
 опять меня материнское лобзаніе ! Дочь
 моя — швоя ! —

Хотѣлъ бы я изобразить радость любезнаго семейства; но чипашель сама ее угадываетъ. По прошествіи сего счастливаго дня наступилъ другой, и Генрихъ повелъ къ олшарю свою Амелію. Великодушной незнакомкѣ не угодно было долѣе оставаться съ людьми, копорымъ устроила благополучіе: она опасалась, чпобъ изъявленіями своей признательности они не обнаружили тайны ея великодушія и нѣжности сердца, — тайны, копорую желала покрыть навѣки завѣсою неизвѣстности. Она отправилась въ Альзасъ, имѣя при себѣ драгоценнѣйшее изъ всѣхъ сокровище, а именно — удовольствіе спъ благороднѣйшаго поступка.

Сарразень.

СПИСОКЪ ДРУЗЕЙ

Анекдотъ.

Въ числѣ книгъ, копорыя Адамъ Н. обыкновенно перечитывалъ, была одна величины опличной. Ее въ каждой вечеръ просмапривалъ онъ, передъ шѣмъ какъ ложисься въ постелю; еписывалъ по нѣскольку спрокъ, нѣкопорыя мѣста вымарывалъ; попомъ запиралъ ключемъ книгу въ своемъ споликѣ. Мнѣ весьма любопытно было узнать, что такое въ ней заключается; немогши преодолѣть себя, наконецъ осмѣлился я спросить Адама Н., что это была за книга, которую онъ только по вечерамъ читывалъ, и которую, по видимому, старался держать въ скрытности.

Усмѣхнулся Адамъ Н., и нимало не досадуя на мою дерзость, отвѣчалъ: „Изволь, прияшель, удовольствую твое любопытство. Это рукопись, которую вотъ уже десять лѣтъ держу при себѣ для особливаго употребленія.“ Выдвинулъ

ящикъ сполика, вынулъ книгу, и подавая мнѣ, примолвилъ: „Загляни въ нее, любезный приятель! Епо списокъ друзей моихъ. Какъ ни велика книга, а шупъ одни только имена ихъ записаны, и еще замѣчены первые дни нашей дружбы.“ — Чпо вижу! воскликнулъ я: возможное ли дѣло, чпобы ты въ друзьяхъ былъ столько счастливъ! Но чпо епо? — продолжалъ я — всѣ имена, если не ошибаюсь, вычеркнушы и похерены! Чпо епо значишь?

„А вотъ я скажу тебѣ;“ отвѣчалъ Адамъ: „швое удивленіе весьма справедливо. Знай же, чпо всѣ имена сіи записывалъ я, когда мнѣ казалось, чпо люди шѣ меня любятъ; а вымарывалъ, когда удосповѣрялся въ своемъ заблужденіи.“

— Но справедливо ли, чпобы столько многіе люди тебя обманывали? Ты вѣрно дѣлалъ имъ слишкомъ спрогія испытанія! — „Совсѣмъ нѣтъ!“ отвѣчалъ

Адамъ: „всѣ ложные друзья обнаружили себя своими поступками. Одинъ изъ нихъ восхищилъ меня изъявленіями опличнѣйшей привязанности; а послѣ я увидѣлъ, что все это была только учтивость, которую распочалъ онъ передъ всякимъ негодяемъ, и что сердцу его вовеки неизвѣстны чувства истинной дружбы. Въ другомъ нашелъ я, что онъ старался приобрести мою дружбу для того единственно, чтобы я помогъ ему получить должность; прельщено не удержалъ страха оскорбить меня безстыднымъ намѣреніемъ соблазнить сестру мою; четвертой позавидовалъ моему невѣстѣ, уведомившись, что за нею приданаго 10,000 червонцовъ; вразсужденіи пятого увѣрился я, что онъ добивался моей дружбы въ намѣреніи соединить меня супружескимъ союзомъ съ недовою своею родственницей. Но довольно — скажу въ двухъ словахъ, что не признаю друзьями своими всѣхъ ихъ, которыхъ имена здѣсь похерены, и ко-

торыхъ вписалъ было я, обольспившись коварнымъ ихъ припворспвомъ.“

Пересматривая всѣ листы рееспра и невидя именъ, копорыя оспались бы невычеркнутыми, кромѣ пяти или шести на двухъ листахъ послѣднихъ, я сказалъ Адаму: сперва было удивился я такому множеству друзей; а теперь удивляюсь тому, что ихъ такъ мало. — „О, можетъ быть спустя нѣскольکو недель,“ отвѣчалъ онъ „или даже нѣскольکو дней, будетъ ихъ еще менѣе. Тѣ, копорыхъ имена еще не вычеркнуты, можетъ быть оспаются здѣсь только по новости нашего знакомства.“

— Худо, очень худо! сказалъ я: по етому, нѣтъ истинныхъ друзей на свѣтѣ. — „О, нѣтъ!“ отвѣчалъ Адамъ „ты найдешь ихъ, только весьма немногихъ. Тысячи людей хваляща, что имѣющъ друзей по пяти, по десяти и болѣе, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ ни одного неимѣющъ. Я было вписалъ въ свою книгу всѣхъ моихъ родспвенниковъ,

почишая ихъ первыми и ближайшими себѣ друзьями, отъ самой Природы назначенными ; но повѣришь ли , что я принужденъ былъ всѣхъ повымарашь? Одинъ только опецъ мой остался мнѣ вѣрнымъ, не смотря , что я причинялъ ему многія досады. “

Спустия почти недѣлю послѣ сего разговора, въ одинъ вечеръ я опять навѣсшилъ Адама, кошорой, вынимая свою книгу , сказалъ мнѣ : „Вопъ еще двухъ надобно вычеркнушь , Секретаря Г. и Совѣтника М. Но прежде хочу послушать твоего совѣта. Оба господа сіи были однажды въ нѣкоторомъ обществѣ, гдѣ присутствующіе поносили разныхъ людей , въ томъ числѣ и меня. Господинъ Совѣтникъ спокойно слушалъ всѣ клеветы (совѣсть увѣряешь меня , что это были клеветы , а не что другое) ; онъ слушалъ — и ни слова не замолвилъ въ мою пользу ; а господинъ Секретарь даже подтакивалъ всему , и одобрялъ всѣ злословія! Какъ ты думаешь о сихъ

друзьяхъ моихъ?“ — Я думаю, что Совѣтника надобно вычеркнуть, а Секретарю желаю опъ всего сердца погоспш въ смирительномъ домѣ. — „Я и самъ по же думаю; вымарывая ихъ изъ реестра, кажется, не имѣю причины упрекать себя въ излишней спротоспи.“

— Хопя и неизвѣспны мнѣ — сказалъ я Адаму — шѣ особы, копорыхъ имена оспаются въ швоей книгѣ; но предвижу, что рано или поздно будшъ и онѣ вычеркнуты; ибо на епѣхъ страницахъ, копорыхъ шупъ не одна сотня, всѣ имена похерены. — „Ошибаешься;“ отвѣчалъ Адамъ: „шъ видѣлъ не всѣ спраницы въ книгѣ. Вотъ шрое именъ, — посмотри на 4 ю и 250 ю: ихъ не вычеркнулъ я, и вѣрно никогда не вычеркну.“

Съ Польск.

ИСТИННАЯ ДРУЖБА.

Анекдотъ.

Недалеко отъ столицы, въ нѣкоторомъ приапельскомъ обществѣ, гдѣ членіе было самою обыкновенною забавой, вниманіе бесѣдующихъ остановилось на Спискѣ друзей Адама Н. (*). Целестина, дѣвица весьма чувствительная къ удовольствіямъ дружбы, сказала съ горестнымъ изумленіемъ: „И такъ всѣ друзья на свѣшѣ ложны, между тѣмъ какъ я все счастье свое нахожу только въ одной дружбѣ! Слѣдственно я никогда не буду счастливой, ежели слова Адама справедливы! Но они меня никакъ неубѣждаютъ. Восхищительное чувство дружбы, дарованное намъ самою Природой, есть неотъемлемая собственность всего человѣческаго рода. Жаль, что Адамъ въ своемъ Спискѣ друзей не изъясняетъ, что такое

(*) Смолр. анекдотъ предыдущій.

истинная дружба; очень жаль, что онъ только опказывается опъ друзей своихъ, а не предлагаешь способовъ умножить число сихъ любезныхъ существъ, безъ которыхъ жизнь есть или ничто, или несносное бремя.“

Собесѣдники, уважая добродѣтельную заботу Целестины, поручили Валеріану успокоить сестру его. Молодой человекъ, съ младенчества удивлявшій всѣхъ своимъ остроуміемъ, и наконецъ вышедшій изъ Университета съ отличнѣйшимъ одобреніемъ за успѣхи въ наукахъ, долженъ былъ подробно изъяснить, въ чемъ состоитъ истинная дружба.

Со скромнымъ видомъ, съ опкровенностію, просвѣщенному юношѣ приличною, Валеріанъ отвѣтствовалъ: Милая сестрица! знаю, что разумъ твой математическими изслѣдованіями приученъ къ основательности и связи, и пошму трудно мнѣ будетъ совершенно тебя успокоить; но я долженъ исполнить требованіе почтеннѣйшаго общества. Приязнь,

источникъ дружбы, есть взаимное между людьми доброхотство. Ее можно раздѣлить на три рода: пріязнь по нуждѣ, или полипическая, — пріязнь по вкусу, или естетическая, — пріязнь по разуму, или нравственная. Первая соединяетъ всѣхъ людей для взаимной помощи въ жизни; другая соединяетъ двухъ чело-вѣкъ или болѣе по чувству уваженія; третья основывается на взаимномъ, свободномъ сообщеніи мыслей и чувствованій — это дружба. Полипическую пріязнь питаютъ къ намъ ремесленники и всѣ тѣ люди, копорые въ насъ имѣютъ нужду, равно какъ мы въ нихъ, и она основывается единственно на своекорыстіи; пріязнь зависящая отъ вкуса и чувства непостоянна подобно облакамъ, носящимся по горизонту и скоро исчезающимъ: но пріязнь нравственная, достойная названія истинной дружбы, неподлежитъ никакимъ переменамъ, непоколебимо стоитъ на своемъ основаніи, при всемъ несходствѣ темпераментовъ и

миѣній; питають въ себѣ могутъ ее истинныя почишатели добродѣтели, которая соединяетъ ихъ взаимными узами благихъ нравовъ.

„Ахъ, братецъ любезный!“ — воскликнула Целеспина, съ горячію обнявши Валеріана: — „ты и радуешь меня и удивляешь! Въ немногихъ словахъ такъ удачно показалъ ты прекрасный образъ истинной дружбы! Скажи же теперь, есть ли какой нибудь способъ увеличивать число друзей?“ — Есть, и самый вѣрный: кто хочетъ имѣть друзей, тотъ напередъ долженъ быть способнымъ къ истинной дружбѣ, основанной на любви къ мудрости и добродѣтели, на желаніи блага роду человѣческому, на опщужденіи себя отъ всѣхъ видовъ своекорыстія, на умѣннѣ распознавать людей, тѣми же свойствами одаренныхъ. —

„О, теперь знаю,“ сказала Целеспина съ видомъ спокойнымъ и веселымъ: „знаю, почему у Адама друзей было такъ немного! Одно изъ двухъ: или

самъ онъ, или помѣщенные въ списокъ его друзья неимѣли шѣхъ свойствъ, копорыя ты исчислилъ. Теперь понимаю, какіе люди обыкновенно соединяются естешическою дружбой, и какіе нравственною. Мнѣ пришло на мысль, что одинъ изъ сосѣдовъ нашихъ, совершенно чуждый шѣмъ рѣдкимъ свойствамъ, весьма часто говоришь о множествѣ друзей своихъ, и хвалишься знаніемъ тайны приобрѣсти дружбу всякаго, по своему желанію.“

— И мнѣ онъ извѣстенъ, отвѣчалъ Валеріанъ. Епота чловѣкъ вовсе не знаетъ людей; онъ не полагаетъ различія между друзьями и знакомыми. Кто хвалился множествомъ друзей, тотъ обнаруживаетъ неспособность свою къ истинной дружбѣ, необходимо пребывающей согласія въ правилахъ, и даже охоты къ частымъ пожертвованіямъ; а епо между людьми рѣдко встрѣчается вмѣстѣ. Сверхъ того, одаренные способностію къ истинной дружбѣ, не

только не раздаюшъ ее щедро всѣмъ и каждому, но напрошивъ спараюшся только доспойнѣйшихъ содѣлать въ ней участниками, и пѣмъ возвыситъ ея цѣну.

„Такъ и должно!“ — прибавила Целеспина: „было бы весьма неблагоприятно бросать бисеръ и дорогіе камни; а истинная дружба и ихъ дороже: безъ пѣхъ можно счастливо прожить въ свѣтѣ, а безъ дружбы жизнь была бы гробомъ.“ — Право такъ, сестрица! Необыкновенные люди часно попадаюшъ на однѣ мысли. Точно такъ думаешъ и великій Баконъ, кошорой говоритъ: люди, чувствующіе необходимую потребность въ дружбѣ и неумѣющіе найти себѣ друга, изнуряюшъ сердце свое безпрестанною тоскою. —

Целеспина задумалась; потомъ сказала: „Знаю, что дѣлать. Немного пройдетъ времени, и всѣ мои пріятели, даже всѣ мои знакомыя свѣдаюшъ, что такое истинная дружба . . . по крайней мѣрѣ надѣюсь, что меня выслуша-

ють... Но еще одинъ вопросъ, брашецъ: Научи меня, какъ должно обходиться съ истинными друзьями? — Обязанности дружбы трудны; опивчалъ Валеріанъ: назову ихъ: услужливость, скромность, искренность, ежедневное стараніе дѣлаться лучшимъ предъ глазами друга, крошкое исправленіе ошибокъ его, нежеланіе употреблять во зло его благошворительности и не частое требованіе оной; готовность помогать другу въ нуждахъ безъ всякаго вызова; еще истинная дружба требуетъ веселаго духа, спокойствія чувствъ и рѣдкаго дара хвалишь болѣе чужія достоинства нежели свои собственные. — „Никогда, ни въ одинъ день всей моей жизни,“ сказала Целестина „я не научилась столько, какъ сегодня; теперь тяжесть упала съ моего сердца, и я спокойна!“

Съ Польск.

ОМАРЪ БЕНЪ АЛКАТТАБЪ, ВТОРЫЙ КАЛИФЪ МУСУЛЬМАНОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Абд - Алла Бенъ Аббасъ сказывалъ, что онъ слышалъ отъ отца своего слѣдующее :

Однажды ввечеру, когда было очень темно, вышелъ я посѣпить Омара Бенъ Алкашпаба, Повелишеля вѣрныхъ. Я успѣлъ опойти еще весьма недалеко, какъ повспрѣчался мнѣ Бедуинъ, копорой взялъ меня за руку и сказалъ : „Аббасъ ! иди со мною.“ Я взглянулъ на сына пустыни, и какъ же изумился, узнавши въ немъ Повелишеля вѣрныхъ ! Одинъ, пѣшкомъ, переодѣтый ! Я привѣтствовалъ его съ благоговѣніемъ, и сказалъ : куда идешь ты и съ какимъ намѣреніемъ, Повелишель вѣрныхъ ? — „Въ эту ночь, темную и холодную, я вознамѣрился посѣпить разныя кочевья Арабовъ.“ — Я слѣдовалъ за нимъ къ шантрамъ, которые были разсѣяны по пу-

опынѣ, и которые разсматривалъ онѣ со вниманіемъ.

Прогулка наша оканчивалась, и мы, идучи уже домой, подошли еще къ одному шапру. Тутъ увидѣли мы старую женщину, окруженную дѣтьми, которыя жалобно кричали. Передъ женщиной лежало при камня; на нихъ стоялъ котелъ; подъ нимъ горѣло скудное пламя. „Молчите, любезныя дѣти!“ говорила старуха: „вотъ скоро готовъ будетъ вашъ ужинъ!“ Мы остановились посмотреть, и взоры Омара нѣсколько времени устремлены были на дѣтей и на женщину. Наконецъ молчаніе наскучило мнѣ и я сказалъ: „Повелитель вѣрныхъ! для чего мы стоимъ здѣсь?“ — Клянусь, — отвѣчалъ онъ — что не пойду отсюда до тѣхъ поръ, пока не увижу, какъ женщина обдѣлитъ дѣтей сихъ пищею. — И мы еще стояли; женщина продолжала упѣшивать дѣтей, а дѣти продолжали кричать и плакать. „Аббасъ!“ сказалъ Омаръ: „войдемъ въ ша-

перъ и спросимъ женщину.“ Мы вошли въ шаперъ и сдѣлали ей привѣтствіе: „Добрая старушка!“ — сказалъ Омаръ крошечко и улыбаясь: „чего надобно ешимъ дѣтямъ? Опъ чего они плачутъ и кричатъ?“ — Опъ того что голодны! — отвѣчала старуха. — „Такъ для чего же ты не дашь имъ поѣсть изъ ешаго кошилика?“ — Для того что въ немъ ничего нѣтъ; ето одна шолько хипросъ, чшобъ ихъ обманывать, пока не уснанытъ кричавши и не уснутъ. У меня въ шапрѣ нѣтъ ниже одного кусочка, чѣмъ могла бы я утолить ихъ голодъ. — Между тѣмъ какъ старая женщина говорила, Омаръ подошелъ къ кошу и увидѣлъ множество кремней въ кипящей водѣ прыгающихъ. — „Что значишь ето?“ воскликнулъ Омаръ. — Я говорила дѣтямъ, что варю для нихъ ужинъ, а они, видя kloкочущую воду, повѣрили. Поплачутъ и уснутъ; у меня совсѣмъ ничего нѣтъ, чѣмъ бы накормить ихъ. — „Но какъ же ты?“ спросилъ Омаръ „до-

шла до такой бѣдности?“ — Ахъ! я вдова безпомощная, всѣми оставленная, неимѣющая ни родныхъ, ни приятелей. — „Для чего же ты не обратишься къ Омару, Повелителю вѣрныхъ? Онъ бы приказалъ помочь тебѣ изъ казны своей. . .“ — Богъ да поразишь его! — воскликнула женщина: — да падешь во прахъ знамена его! Онъ жестоко поступаетъ со мною! —

При сихъ словахъ Омаръ запрепещалъ объявый ужасомъ. „Какою жестокостію упрекаешь его?“ спросилъ онъ. — Бога всемогущаго призываю во свидѣтеля, — отвѣчала женщина — что жестокость его чрезмѣрна. Не повелѣлъ ли Богъ пастырямъ людей, чтобы они пеклись о благѣ всѣхъ дѣтей своихъ? Когда находятся бѣдные какъ я, безпомощныя, лишенныя надежды, изнемогающія подъ бременемъ нищеты семейства, то не должны ли они исполнить заповѣдь Божію и помочь несчастнымъ? — „Ты бы должна къ не-

му явисься и сказать о своей нуждѣ.“ —
Нѣтъ, Богъ сего не требуетъ. Омаръ
самъ долженъ освѣдомляться о нуждахъ
нашихъ; я обязана только, по мѣрѣ
силъ, о себѣ заботиться. Бѣдность
несполь дерзновенна какъ могущество,
и бѣдный стыдится нищеты своей. Но
Государь справедливый, сердобольный
являетъ болѣе любви бѣднымъ нежели
богатымъ, и тогда исполняетъ онъ за-
повѣдь Божию. А кто поступаетъ про-
шивно сему, тотъ дѣлаетъ зло. —

Женщина едва кончила, какъ Омаръ
преклонилъ лице къ землѣ для изліянія
моливъ предъ Всемогущимъ; потомъ
сказалъ: „Точно такъ, добрая старушка!
ты права! Но прошу тебя, обманывай
еще нѣсколько времени бѣдныхъ дѣтей
своихъ; а я незамедлю принести что-
нибудь для утоленія ихъ голода.“ Мы
вышли изъ шатра въ густую ночную
мрака. Псы шѣснились вокругъ насъ съ
громкимъ лаемъ, и я съ прудомъ могъ опъ
нихъ защищаться. На конецъ достигли

мы житницы. Омаръ самъ отворилъ дверь, мы вступили. Омаръ взглянулъ кругомъ и подошелъ къ одному мѣшку съ мукою вѣсомъ во сто пятьдесятъ фунтовъ. „Аббасъ!“ сказалъ онъ: „подай епопъ мѣшокъ на плеча ко мнѣ, и самъ возми епопъ сосудъ съ масломъ.“ Я положилъ на него мѣшокъ, и взялъ сосудъ. Мы оставили житницу, и когда Омаръ заперъ дверь, пошли обратно въ станъ пустынный. На половинѣ дороги Омаръ изнемогалъ уже подъ бременемъ своей ноши. Пыль муки летѣла къ нему въ глаза; борода его и все лицо покрылись ею. — Именемъ отца моего, именемъ моей машери! Повелишель вѣрныхъ! воскликнулъ я: дозволь мнѣ, рабу своему, нести сію тяжесть! — „Нѣтъ!“ сказалъ онъ: „я охотнѣе понесъ бы на себѣ горы мѣди, нежели одну только несправедливостъ. Каково было мнѣ сморѣть на женщину, которая обманываетъ голодныхъ дѣтей своихъ кремнями! Пойдемъ скорѣе; поспѣшимъ.

заспахъ дѣшей, еще неуснувшихъ отъ плача.“ Мы продолжали идти, и Омаръ едва не падалъ подъ своею ношей. Наконецъ пришли мы въ шаперъ къ старой женщинѣ. Тупъ сложилъ онъ съ плечъ своихъ мѣшокъ, а я поставилъ сосудъ съ масломъ; и, ниже минушы неопды- хая послѣ успалоспи, Омаръ поспѣшно выбросилъ изъ копла кремни, кинулъ въ него кусокъ масла, и видя что огонь попухаеиъ, сказалъ: „Спарушка! нѣтъ ли у тебя сухихъ прупьевъ?“ — Въиъ есть здѣсь, но очень мало. — И Омаръ собралъ ихъ, положилъ на горящую золу, поставилъ кошелъ на камни и раздувалъ огонь дыханіемъ успъ своихъ. Такъ! я собственными очами видѣлъ Повелителя вѣрныхъ преклонившагося къ землѣ и оживлявшаго погасающія искры! Густая брада его сметала прахъ земный, облекалась дымомъ! и онъ оставался въ семъ унизишельномъ положеніи, пока не вспыхнуло пламя! Масло разошлось, и Омаръ, мѣшая его прупомъ, сыпалъ

въ кошелъ муку другою рукою ; а дѣти, стоявшія вокругъ него, все еще плакали и кричали. Тутъ Омаръ спросилъ у старой женщины ложку, взялъ одно изъ дѣшей къ себѣ на колѣна, посадилъ другое подлѣ себя, и кормилъ ихъ пищею, копорую самъ приготоовилъ ; потомъ дѣти весело вскочили, поиграли нѣсколько времени и непримѣнно заснули. Тогда Омаръ обратился къ женщинѣ и сказалъ : „Не согласишься ли, бѣдная старушка, продашь мнѣ жалобу свою на несправедливостъ Омара ? Даю тебѣ за нее сто червонцевъ.“ — Охотно соглашусь; — она отвѣчала. „Обѣщай же мнѣ епо на письмѣ.“ — Я не умѣю писаць. — „Епо я сдѣлаю вмѣсто тебѣ.“ Женщина согласилась ; Омаръ призвалъ двухъ свидѣтелей, доспалъ сошню золотыхъ, и написалъ :

„Во имя милосердаго, долгошерпѣ-
 ,,ливаго Бога ! да благословишся Мога-
 ,,медъ и свяшый родъ его !

„Дочь такого - по въ присупствіи
 „двухъ свидѣтелей проспила Омару
 „Бенъ Алкашшабу ту несправедливостъ,
 „что онъ не призрѣлъ ея скудоспи и
 „неосвѣдомляясь объ нищестѣ ея, вопре-
 „ки обязанноспи пасшыря вразсужденіи
 „вѣреннаго ему сшада. Омаръ запла-
 „шилъ ей сто червонцевъ, и шѣмъ уни-
 „чтожилъ ея право. Сіе упвердили они
 „добровольнымъ договоромъ между со-
 „бою.“

Когда писаніе было засвидѣтель-
 ствовано, Омаръ сложилъ харшію, скрылъ
 ее у груди своей, проспился съ женщи-
 ною, и мы вышли. „Аббасъ!“ сказалъ
 онъ дорогою: „когда увидѣлъ я,
 что женщина обманывала дѣшей сво-
 ихъ кремнями; по показалось мнѣ,
 будшо упала гора и разможила меня
 при своемъ паденіи. Ужасъ принудилъ
 меня сдѣлать, что ты видѣлъ; теперь
 только я освободился опъ горы и дышу
 свободнѣе.“

Пришедши домой, Омаръ созвалъ дѣшей своихъ и сказалъ имъ : „Дѣши мои ! возмите сіе писаніе, храните его прилѣжно, и когда Всемогущій закроетъ очи мои, положите его со мною во гробѣ.“

И Омаръ имѣлъ попеченіе о женщинѣ и ея дѣтяхъ, и голодъ никогда не приближался къ шатру ея.

Съ Франц.

СТРАННАЯ ПРИЧИНА РАЗВОДА.

Анекдотъ.

Во Франціи, при Лудовикѣ XV, Маркизь Вьельрошъ двадцать лѣтъ жилъ съ супругой своею въ счастливомъ, но, къ сожалѣнію, бездѣшномъ союзѣ. Въ одинъ вечеръ начался между ними разговоръ, здѣсь предлагаемый опъ слова до слова :

Онъ. Какъ ты прекрасна, какъ мила, моя безцѣнная!

Она. И счастлива, если тебѣ ка-
жусь такою!

Онъ. Не должны ли многіе завидо-
вать намъ? Въ цѣлыя двадцать лѣтъ
ничто не могло нарушить нашего спо-
койствія!

Она. Ахъ! одно только.

Онъ. Понимаю, мы бездѣпны. Но
тебѣ неболѣе придцапи осми лѣтъ; къ
помужъ ты сполько прелестна! мнѣ съ
небольшимъ сорокъ: почему же еще не-
ушѣшапсья намъ сладкою надеждой!

Она. Безъ сомнѣнія; но, мнѣ кажеш-
ся, имѣя одно только дитя, я мучилась
бы всегдашнимъ опасеніемъ.

Онъ. Твоя правда. Очень легко мо-
жно лишиться одного дитяти. Но что
скажешь, когда ихъ будетъ у насъ трое?
когда троихъ, да еще сыновей, будемъ
прижимапъ къ нѣжному родительскому
сердцу? Имѣя двухъ только, можно
одного лишиться; тогда безпрестанныя
опасенія конечно сдѣлали бы жизнь не-
сносною.

Она. Такъ, такъ, милой другъ мой, надобно прсихъ; я съ тобою согласна. Но имѣемъ ли сполько доспашка, чпобы могли надѣлишь всѣхъ приличнымъ образомъ?

Онъ. А какъ же! Суди сама: получая годоваго дохода 60,000 ливровъ. . .

Она. Хорошо; но положимъ, что каждой получишь 10,000; тогда намъ останется сполько 30,000, а ешаго для насъ мало. Къ спомужъ 10,000 не еспъ еще такой значительной доходъ, съ которымъ было бы можно выбрашь хорошую паршю для нашего старшаго сына.

Онъ. Объ ешомъ, радость моя, не безпокойся! Старшаго сына запишемъ въ военную службу, и на него-шо употребимъ болѣе денегъ, чпобы поспавишь его на видной степенн. Средняго постпараюсь опредѣлишь въ Дипломатическомъ департаментѣ: ешо служба очень выгодная.

Она. Прекрасно! Ну, а младшаго куда? что съ нимъ сдѣлаешь?

Онъ. Онъ будетъ Мальтійскимъ кавалеромъ. Великій Магистръ мнѣ приятель. Нашъ сынъ получитъ командорство, и не будетъ имѣть причины завидовать старшимъ своимъ братьямъ.

Она. Какъ! Мальтійскимъ кавалеромъ? Нѣтъ, любезный другъ! на это я никакъ не согласна!

Онъ. Почему нѣтъ, душа моя? что можешь ты сказать прошивъ ешаго рыцарскаго ордена?

Она. Духовные кавалеры то же что свѣтское духовенство: это амфибіи! Ихъ печальные обѣщанія!... Удовольствія жизни пополамъ съ оправою! Награда въ распутствѣ!

Онъ. Этого блистательный орденъ, напоминающій намъ о благочестіи, о мужествѣ нашихъ предковъ, посвященный на службу церкви и отечеству, многимъ знаменитѣйшимъ фамиліямъ не одинъ уже разъ открывалъ путь ко сла-

въ ; а ты имъ гнушаешься! Непонятное упрямство !

Она. Что ? упрямство ?

Онъ. Да , упрямство , пустое свое-
нравіе.

Она. Какъ прекрасно, учтиво, благо-
родно ! Но оставимъ это ; у каждого
свой вкусъ. Только я не допущу вовъ-
ки, чшобы младшій сынъ мой былъ Мал-
пійскимъ кавалеромъ , чшобы пожиналъ
онъ лавры на галерахъ !

Онъ. Еслибъ я былъ столько же
упрямъ , какъ вы , сударыня , то могъ
бы сказать вамъ : я отецъ его , я хозя-
инъ въ домъ , я такъ хочу !

Она. То правда, что отецъ имѣетъ
великія права надъ сыномъ ; однакожъ и
права матери не меньше. Вы глава се-
мейства , вы мужъ мой, согласна ; одна-
кожъ, сударь, мы живемъ не въ Турціи.

Онъ. Боже мой ! знаю, очень знаю,
что живемъ во Франціи , въ такой зем-
лѣ , гдѣ многія странности весьма обы-
кновенны , и гдѣ мужа дозволяютъ

управлять собою милымъ своимъ супругамъ. Етому такъ бы уже и быть; но за чѣмъ хопѣшь нелѣпостей!

Она. Превосходно! Прежде я была упряма и своенравна, а теперь спала еще и охотница до нелѣпостей, между тѣмъ какъ весьма непрудно было бы доказать, что во мнѣ болѣе разсудка во сто разъ нежели въ васъ, милоспивой государь мой!

Онъ. Я очень былъ бы радъ слышать доказательства.

Она. Вы ихъ найдете въ той крепости, съ какою сколько лѣтъ уже терплю прихоти, грубость и смѣшные поступки человека самого несноснаго.

Онъ. Скажите лучше, сударыня, что немногіе мужья сколько въ жизни своей пострадали, сколько я, и что съ желѣзнымъ только терпѣніемъ смолчать можно на ваши несносныя кривлянья, на смѣшную важность и безчисленныя причуды.

Она. Напрошивъ того всѣ удивляющіяся, какъ я могу еще жить съ вами. Вы одни, сударь, вы сами прихотливы, упрямы, высокомерны, самолюбивы. Однимъ словомъ, если младшій сынъ мой будетъ Мальшійскимъ кавалеромъ... .

Онъ. Будетъ непременно; я швердъ въ своемъ намѣреніи.

Она. О, такъ я разрываю союзъ, котораго не въ силахъ терпѣть болѣе!

Онъ. Тѣмъ лучше! слава Богу! и я хочу быть свободнымъ. Вы, сударыня, жеманны, щеславны, вздорливы.

Она. Намъ остается развеспись.

Онъ. Съ превеликою охотой! разведемся!

Такъ и случилось. Мужъ и жена, двадцать лѣтъ жившіе вмѣстѣ, почтававшіеся образцемъ супружескаго согласія, навсегда разлучились, потому что младшій изъ прехъ сыновей, которыхъ

еще небыло на свѣтѣ, прошивъ желанія
машери, которая еще не была матерью,
по волѣ опца долженъ былъ нѣкогда вступи-
ти въ Малшійскій орденъ.

Сегюръ.

СТРАННЫЯ ПОХОРОНЫ И ЗАВѢ- ЩАНІЯ.

А Н Е К Д О Т Ы.

Корпузіусъ, одинъ изъ славныхъ за-
коновѣдцовъ пятнадцатаго столѣтія,
человѣкъ весьма ученый, замысловатый
весельчакъ, любившій приятельскія бесѣ-
ды, хорошій споль, вино и женщинъ, почи-
таемый всѣми своими знакомыми и учени-
ками, скончался въ Падуѣ 17 Іюля 1418
года. Всѣ жалѣли объ немъ, вопреки всег-
дашнему его желанію. Онъ обыкновенно
повторялъ слова Біона Бориспенскаго:
„Мертвыхъ почитаютъ безчувственными;
а оплакиваютъ ихъ какъ будто бы
они все еще могли чувствовать! Дорогу

къ другому свѣту найши не трудно; по ней идутъ зажмурившись.“

Корпузіусъ желалъ , чѣобы при похоронахъ его не слышно было ни плача, ни жалобныхъ воплей. Въ завѣщаніи своемъ онъ именно запрешилъ наслѣдникамъ сѣповать и плакать. Зная , что при погребеніи его не будутъ пощажены издержки для пышности , онъ постановилъ въ завѣщаніи , чѣобы за гробомъ его шли пѣсельники и музыканшы. Двѣнаццашь одѣшыхъ въ зеленое плащье двушекъ должны были нести одръ его, пѣшь веселыя пѣсни и получить себѣ за то по червонцу на приданое. Похоронамъ надлежало совершиться днемъ , а не ночью, однакожъ при сошнѣ пылающихъ факеловъ и при двадцати восковыхъ свѣчахъ, несомыхъ священниками, впереди и позади гроба идущими. Въ числѣ ихъ могли бышь и монахи , только не Августинскаго ордена , попому чѣо черная одежда ихъ , по завѣщанію покойника ,

совсѣмъ не отвѣчала споль веселому обряду !

*

Другой не менѣе знаменимый законо-
вѣдецъ же, а именно Балдусъ, въ завѣща-
ніи приказалъ похоронить себя въ мона-
шеской одеждѣ Францисканскаго ордена.
Нѣжный обожатель прекрасной Лауры,
безсмертный Петрарка, подобно Балду-
су, выбралъ для кончины своей одежду
того же ордена. Многіе Императоры,
Короли, Князья, вельможи въ старину
и во времена новѣйшія отправлялись въ
область покойниковъ, возложивши на се-
бя иноческую одежду за одинъ или за
два часа до своей смерти.

*

Унтервудъ, умершій въ Випле-
сонѣ 1733 года, оставилъ по себѣ слѣ-
дующее завѣщаніе :

1. „Лишь только опустятъ мое тѣ-
ло въ могилу, въ ту минуточку положишь
надъ нею небольшую мраморную доску
съ надписью : Non omnis moriar (не весь
умру). I. Unterwcod. 1733.

2. „Попомъ нижеслѣдующіе господа (здѣсь упомянуты имена шести особъ) должны надъ могилою моею громкимъ голосомъ и веселымъ пономъ пропѣть послѣднюю строфу 20й Гораціевой оды:

Absint inani funere naenia

Luctusque turpes et querimoniae.

Compesce clamorem, ac sepulchri

Mitte super vacuos honores.

3. „Запрещается звонить въ колокола при выносѣ и погребеніи моего тѣла; запрещается роднымъ моимъ и знакомымъ, кромѣ упомянутыхъ шести господъ, провожать гробъ мой.

4. „Требую, чтобы гробъ мой былъ выкрашенъ зеленою краской: я всегда любилъ ешотъ цвѣтъ.

5. „Одѣшь — ня въ обыкновенное мое платье; Санадонова Горація положишь подъ изголовье, Бенплеева Милтона у ногъ, маленькой Новой Завѣтъ на Греческомъ языкѣ въ правую руку, маленькое изданіе Горація въ лѣвую, а Горація Бенплеева подъ спину.

совсѣмъ не отвѣчала споль веселому обряду !

*

Другой не менѣе знаменитый законо-
вѣдецъ же, а именно Балдусъ, въ завѣща-
ніи приказалъ похоронить себя въ мона-
шеской одеждѣ Францисканскаго ордена.
Нѣжный обожатель прекрасной Лауры,
бессмертный Петрарка, подобно Балду-
су, выбралъ для кончины своей одежду
того же ордена. Многіе Императоры,
Короли, Князья, вельможи въ старину
и во времена новѣйшія отправлялись въ
область покойниковъ, возложивши на се-
бя иноческую одежду за одинъ или за
два часа до своей смерти.

*

Унпервудъ, умершій въ Випле-
сонѣ 1733 года, оставилъ по себѣ слѣ-
дующее завѣщаніе :

1. „Лишь только опустятъ мое тѣ-
ло въ могилу, въ ту минуточку положишь
надъ нею небольшую мраморную доску
съ надписью : Non omnis moriar (не весь
умру). I. Unterwood. 1733.

2. „Потомъ нижеслѣдующіе господа (здѣсь упомянуты имена шести особъ) должны надъ могилою моею громкимъ голосомъ и веселымъ пономъ пропѣть послѣднюю строфу 20й Гораціевой оды:

Absint inani funere naenia

Luctusque turpes et querimoniae.

Compesce clamorem, ac sepulchri

Mitte super vacuos honores.

3. „Запрещается звонить въ колокола при выносѣ и погребеніи моего тѣла; запрещается роднымъ моимъ и знакомымъ, кромѣ упомянутыхъ шести господъ, провожать гробъ мой.

4. „Требую, чтобы гробъ мой былъ выкрашенъ зеленою краской: я всегда любилъ ешотъ цвѣтъ.

5. „Одѣвъ я въ обыкновенное мое платье; Санадонова Горація положишь подъ изголовье, Бенплеева Милтона у ногъ, маленькой Новой Завѣтъ на Греческомъ языкѣ въ правую руку, маленькое изданіе Горація въ лѣвую, а Горація Бенплеева подъ спину.

6. „Послѣ погребенія моего тѣла сестра должна угостишь наилучшимъ образомъ шестерыхъ упомянутыхъ моихъ приятелей, и каждому опсчиташь по 12 гиней за труды ихъ.

7. „За то сіи приятели по окончаніи обѣда пропишъ должны 31 Гораціеву оду первой книги (*Quid dedicatum poscit Apollinem Vates etc.*), послѣ того весело выпить за упокой по спакану вина, и навсегда забыть

Унтервуда.“

*

Франческо Салесъ, обучавшійся въ Падуѣ правамъ и умершій отъ горячки на восемнадцатомъ году жизни, въ завѣщаніи опказалъ прунъ свой анапомическому театру, желая тѣмъ сдѣлать услугу врачамъ. Прежде очень трудно было доспать мертвое тѣло.

*

Спразбургскій Епископъ Арбогастъ въ 658 году завѣщаніемъ своимъ опредѣлилъ хрістіянскаго ради смиренія, чшо-

бы шѣло его погребено было подъ висѣлицей.

*

Одинъ Медіоланскій жишель, опчаянной игрокъ, почти все имѣніе принесъ на жертву бѣдственной своей страсти. Оспалась у него одна только мыза; но и въ ней немогъ онъ спокойно дожить вѣкъ свой; продолжалъ играть и проигралъ оспашокъ поля, кирпичи, бревна отъ строенія, и дошелъ до послѣдней крайности. Будучи въ опчаяніи, и не имѣя чѣмъ располагать въ послѣднія минуты жизни, онъ вздумалъ опредѣлить, какое должно сдѣлать употребленіе изъ его шѣла, и написалъ въ завѣщаніи, чѣобы послѣ смерти обшянули, его кожею доску, а изъ костей сдѣлали бы зернь, и все ешо предназначилъ для общества игроковъ, своихъ приятелей. Ненужно сказывать, что живые уподобились бы покойнику въ сумазбродствѣ, еслибъ исполнили его завѣщаніе.

*

Въ нынѣшнее время нигдѣ небы-
 ваетъ такихъ спранныхъ завѣщаній,
 какъ въ Англіи; ибо никакая земля не
 можетъ похвалиться такимъ множест-
 вомъ чудаковъ разнаго рода. Одинъ по-
 мѣщикъ въ Норшумберландскомъ Граф-
 ствѣ, по имени Смитъ, умершій въ Мар-
 тѣ мѣсяцѣ 1791 года, отказалъ сыну
 своему богатое, 10,000 фунтовъ стер-
 линговъ ежегоднаго дохода приносящее
 наслѣдство, съ тѣмъ однакожъ чѣобы
 ешій сынъ никогда не имѣлъ у себя вер-
 ховой лошади и никогда не держалъ бы за-
 кладовъ, копорыхъ выигрышъ и проиг-
 рышъ зависятъ отъ конскихъ рыстаній:
 въ противномъ случаѣ имѣніемъ воспользо-
 ваться могли другіе родственники.

*

Одна, жившая въ Лондонѣ, богатая
 Евреянка передъ смертію своею Декабря
 1794 года велѣла написать въ завѣща-
 ніи, чѣобы тѣло ея опвезено было въ
 Іерусалимъ и тамъ было бы предано зе-
 млѣ. Двѣнадцать человѣкъ спешенныхъ

Евреевъ должны были проводитьъ пѣло до назначеннаго мѣста и похоронить оное по завѣщанію. За трудъ ихъ определено каждому по 400 ф. стерлинговъ. Воля умершей исполнена въ точности.

*

Одинъ заживочной человекъ, по имени Бривай, умершій въ 1791 году въ Йоркскомъ Графствѣ, въ завѣщаніи своемъ написалъ между прочимъ слѣдующее: „Я имѣлъ несчастіе провести жизнь весьма безпокойно съ женою моею Елисаветой, которая никакъ неперемѣняла буйнаго своего нрава, презирала всѣ мои совѣты и безпрестанно выдумывала средства сдѣлать меня несчастнымъ. Увѣщанія благомыслящихъ людей равномерно были безплодны; она осмалась упорною, родившись для моего мученія. Сила Самсонова, мудрость Гомерова, Августова предусмотрительность, Пиррова хитрость, терпѣніе Іова, понкосъ Ганнибалова и бдительность Термогенова никакого дѣйствія непроизвели бы

надъ моей женою. Сихъ ради причинъ
я назначаю выдать ей изъ моего имѣнія
одинъ шиллингъ.“

СѢ НѢмецъ.

УБОРНОЙ СТОЛИКЪ.

Анекдотъ.

„Амуръ, жестокой Амуръ! что мнѣ
осталось теперь дѣлать?“ такъ го-
ворила пожилая Деспина, вставая изъ
за уборнаго столика: „Если опять по-
явлюсь въ щегольскихъ обществахъ, въ
кругу нашихъ молодыхъ вѣтрениковъ;
должна буду сносить ихъ невѣжливости,
неуваженіе къ моей особѣ! Какая до-
сада! Было время, когда блистала я въ
собраніяхъ, украшала ихъ, привлекала
къ себѣ толпы обожателей, которые
ставили меня образцемъ совершенства,
повторяли слова мои, слѣдовали по спо-
вамъ за мною: теперь увижу себя оспа-
вленной; едва удастся мнѣ найти нѣкакого

даже мушину, которой изъ жалоспи обратилъ бы на меня свое вниманіе! Вмѣшавшись въ общество спарухъ, занимающихся хозяйствомъ, должна буду — неслосная мука! — поминутно слушать похвалы благоразумію и злословіе на счетъ любезной молодости; безпрестанно буду имѣть передъ глазами морщины, принуждена буду слушать важные разговоры, скучныя сужденія; вмѣсто модныхъ нарядовъ, вмѣсто блестящихъ драгоценностей, вмѣсто богатыхъ кружевъ, должна буду носить печальное плаще лицемѣрныхъ богомолковъ.“

Такъ разсуждала Деспина, поддерживая рукою голову и устремивши въ землю неподвижные взоры. Вдругъ — какое счастье! — отворяется дверь, докладываютъ о приѣздѣ гостя; сердце Деспины препещетъ: она видитъ входящаго Валера, прекраснаго молодого человека, съ умнымъ лицомъ, называющаго ее *милою сестрицей*. Валерь въ самомъ дѣлѣ былъ дальній ея родственникъ.

Недавно вышедши изъ училища и желая познакомиться со свѣтомъ, онъ поспѣшилъ явиться къ Деспинѣ. Смотри на его любезную неловкость, на его робкую спыдливость, пошчасъ можно было угадать, что онъ не совсѣмъ образованъ, слѣдственно хранилъ еще драгоценный цвѣтъ невинности.

Деспина, съ давняго времени опытная въ понкомъ искусствѣ налагать цѣпи, пошчасъ разспавила сѣти свои для прелестнаго Валера. Можно ли было долго прошивишься плѣняющимъ взорамъ, ловкимъ шлодвиженіямъ, неумышленнымъ намекамъ, столь опаснымъ для молодаго человека, которой до сихъ поръ видѣлъ передъ собою только угрюмыя лица Профессоровъ? Искусная Деспина по спрашными воспоргами ободряла ученика своего, по спрегимъ молчаніемъ охлаждала въ немъ раждающійся пламень; особливо же старалась скрывать подъ непроницаемою завѣсой тайны девять прошекшихъ своихъ люспровъ. Деспина очень

хорошо знала, что продолжительный миръ утомляетъ бодрость, что любовь гаснетъ, если пламень ея не раздувается маленькими ссорами, знала и не пропустила симъ воспользоваться. Въ одинъ счастливой день вдовушка разгнѣвалась, кричала, шумѣла, бранилась, и трепещущій плѣнникъ ея . . . благоговѣетъ передъ прихотливою повелительницей и лобызаетъ свои оковы.

Такимъ образомъ бѣдной Валеръ сдѣлался, самъ не зная какъ, важнымъ преступникомъ. Въ простотѣ сердца почитая мнимую вину свою грѣхомъ непростительнымъ, онъ провелъ ночь въ страшномъ безпокойствѣ; но упру, въ трепетѣ, съ блѣднымъ лицомъ, бѣжитъ къ Деспинѣ. Спавни оконъ въ ея спальнѣ были еще закрыты. Валеръ идетъ назадъ, смотритъ на часы, возвращается, опять приходитъ къ дому, опять идетъ назадъ, и повторяетъ ещо двадцать разъ.

Наконецъ , послѣ прѣхъ часовъ , немолимая дверь опирается. Валеръ , старающій опъ любви , мучимый неперпнїемъ , лепилъ вверхъ по лѣспницѣ. Объяшый спраспїю , онъ забылъ , что въ спальнѣ богини еще царспвуешь ночное молчанїе , и добрался до переднихъ комнапъ , не бывъ никѣмъ замѣченъ. Сердце его бьется ; все прогаеетъ его , все привлекаетъ его вниманїе ; не мудрено : ибо все , что ни видишь онъ , имѣетъ счаспїе принадлежатъ и нравишься обожаемой Деспинѣ. Валеръ задумывается , вспомнивъ о неприспойности бытъ шакъ рано въ епомъ мѣспѣ. Что дѣлашь ? йдти ли ? показатъся , или спряшатъся ? Раздался небольшой шумъ . . . Герой нашъ леденѣетъ опъ ужаса , въ крайнемъ замѣшательспвѣ бѣжитъ въ темной коридоръ , и видишь передъ собою дверь полуотворенную.

Епомъ темной коридоръ — прошу чипашеля замѣшишь — служилъ скрышнымъ переходомъ изъ передней

прямо въ уборную Деспины. Спеклянная дверь съ короткою шафляною занавѣскою опдѣляла проклятой коридоръ отъ свящилища женскихъ таинствъ. Теперь судите, былъ ли позволенъ доступъ профанамъ въ сіе мѣсто, гдѣ спрятался боязливый Валеръ?

Наступилъ полдень. Деспина, на лицѣ которой время и Люцина положили печать свою, вспаешъ съ постелм и немедленно входитъ въ арсеналь прелестей; воздвигнувъ магической жертвенникъ, и дневный свѣтъ получилъ дозволеніе озарить спѣны будуара. Деспина безъ нарядовъ, Деспина безъ румянъ, безъ прикрасъ, словомъ, Деспина еще не надѣвала своей маски.

Волосы ея, слѣпившіеся отъ распаявшей помады, небрежно лежали на челѣ и на шеѣ. вмѣсто розъ разцвѣтавшихъ на лицѣ ея, появились широкія пятна и многія морщины; багровые глаза едва свѣпились въ синихъ ямкахъ; губы ея были блѣдны, ротъ впалый;

однимъ словомъ , Деспина была живымъ образомъ дряхлости и разрушенія, и могла служишь самымъ вѣрнымъ лѣкарствомъ отъ любовной спраси.

Подобно земледѣльцу , которой послѣ грозы и бури спѣшилъ на опустошенныя поля свои , и едва узнаётъ между ихъ , Валеръ , увидѣвъ сей женской призракъ , искалъ въ немъ образа Деспины. Изнеможенное лице, увядшій цвѣтъ, рѣдкіе и сѣдые волосы, сухая шея, все заспавляетъ его думать, что вмѣсто своей богини онъ видитъ передъ собою—повивальную бабку въ упренномъ нарядѣ. Подождемъ здѣсь; думалъ Валеръ: я вѣрно увижу мою паспушку, когда уйдетъ еѣ обезьяна.

Между тѣмъ Деспина подходитъ къ таинственному олтарю кокетства; спавятъ зеркало, приносятъ множество спклянокъ и банокъ . . . . Деспина садится передъ зеркаломъ. Нерина , ея наперсница и повѣренная во всѣхъ таинственныхъ хитростяхъ, стоить передъ

Часть II.

Ц

нею. Начинается волшебная работа: на щекахъ опять появляются розы; грудь мало помалу округляется, и получаетъ прежнюю бѣлизну свою; лицу возвращается прежняя физіономія.

Нашъ зритель стоялъ цѣлой часъ, прижавшись въ темномъ уголкѣ, не отводилъ глазъ отъ любопытной сцены, и наконецъ въ незнакомой спарухѣ мало помалу началъ открывать нѣкоторыя черты своей прелестницы. Онъ видѣлъ, какъ вставили въ ротъ Деспины зубы, какъ придѣлали къ ея запылку длинные волосы; видѣлъ, какъ она молодѣла и превращалась въ бѣлокурую красавицу. Лишь только стянула она лентами шею — и Валеръ совершенно узналъ въ ней предметъ любви своей.

Какъ изобразить его изумленіе, стыдъ, досаду! Онъ подошелъ къ уборному столу и, не смотря на Деспину, произнесъ слѣдующее:

„Священные сосуды! небесныя благоуханія! благоговѣнно преклоняю

„колѣна передъ вами; сохраните навсегда
 „память о моемъ просподушіи! Къ вамъ
 „однимъ относились слова мои, къ вамъ
 „однимъ писалъ я спросъ нѣжную.
 „Если опять случай заведетъ какого-
 „нибудь неопытнаго любовника въ ваши
 „блестящія сѣти; если онъ въ проспо-
 „тѣ сердца своего воскуритъ предъ ва-
 „ми оиміамъ любви: то по крайней мѣ-
 „рѣ будьте осторожныѣе и не допусти-
 „те его видѣть то, чему я былъ свидѣ-
 „телемъ. Теперь завѣса очарованія спа-
 „ла съ глазъ моихъ; я свободенъ. Про-
 „щайте!“ Сказавши это, Валеръ по-
 „спѣшно вышелъ — и болѣе не являлся.

Съ Франц.

ГЕРЦОГЪ ШУАЗЕЛЬ И ІЕЗУИТЫ.

Историческій анекдотъ.

Происшествіе, не всѣмъ извѣстное,
 но достоверное, многими просвѣщенны-
 ми людьми засвидѣтельствованное, не

мало содѣйствовало умадку Іезуитовъ.

Славный Министръ Герцогъ Шуазель, въ молодости своей бывши еще Графомъ Стенвилемъ, однажды въ гостяхъ за ужиномъ нескромно опзывался объ Іезуитахъ. Спустя потомъ много лѣтъ, доспалось ему быть въ Римѣ, въ званіи Посла Французскаго; должностъ его обязывала сдѣлать церемоніальныя посѣщенія разнымъ особамъ, между прочимъ и Іезуитскому Генералу. Послѣ взаимныхъ учтивостей, Посолъ увѣрялъ Генерала въ своемъ высокомъ почтеніи къ Обществу.

„Ваше Сіятельство не всегда были такихъ мыслей;“ отвѣчалъ глава Іезуитскій.

— Прошу извинить меня, высокопочтеннѣйшій Отецъ! я съ самаго дѣтства постоянно преданъ былъ Обществу. —

„А я могу увѣрить Ваше Сіятельство въ прошивномъ.“

— Невозможное дѣло! —

„Очень возможное! увидишь.“

И Генеральъ вынимаетъ изъ шкафа записки, читаетъ Послу, котораго года и дня, въ какомъ часу, въ какомъ мѣстѣ, при какихъ именно особахъ не только невыгодно отзывался онъ объ Іезуитахъ, но даже поносилъ ихъ и все Общество. Изумленный Посолъ едва могъ вспомнить о семъ происшествіи, старался извиниться, какъ умѣлъ на ту пору, и удалился.

Но сіе обстоятельство подало ему поводъ къ важнымъ разсужденіямъ. Бывъ возведенъ въ достоинство Министра, не забылъ онъ сего случая, и поставилъ себѣ правиломъ не только выгнать Іезуитовъ изъ Королевства, но всѣ силы употребить къ совершенному уничтоженію такого Общества, которое имѣло въ рукахъ своихъ столь чудесныя средства узнавать тайны; сіи средства оно могло употреблять во вредъ Госу-

дарствамъ , когда находило бы въ томъ
свою пользу.

Съ Нѣмцъ.

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ И СТИХОТВО- РИЦА КАРШИНЪ.

Анекдотъ.

Король. Ты ли стихотворица, о ко-
торой мнѣ сказывали?

Каршинъ. Я, Ваше Величество.

Король. Какъ сдѣлалась ты сти-
хотворицей?

Каршинъ. Напура и побѣды Вашего
Величества сдѣлали меня ею.

Король. Откуда ты родомъ?

Каршинъ. Изъ любимой страны Ва-
шего Величества. Я родилась близъ
Гриненберга , богатаго виноградомъ.

Король. Есть у тебя дѣти?

Каршинъ. Два сына и одна дочь.

Король. Дочь твоя красавица?

Каршинъ. Нѣтъ, Ваше Величество; по тому что и мать ея никогда не была красавицей.

Король. Гдѣ ты живешь въ Берлинѣ?

Каршинъ. Ежели Ваше Величество желаете имѣть понятіе о моемъ жилищѣ; то представьте себѣ отвратительнѣйшую темницу Парижской Баспили, и проч.

Знаменитая Стихотворица, коея прекрасные стихи съ удовольствіемъ и съ жадностію читаемы были всѣми просвѣщенными людьми въ Германіи, жила тогда на чердакѣ въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ семействомъ башмачника. Оіе обиталище новой Сафы (такъ тогда называли госпожу Каршинъ), куда нерѣдко приходилъ навѣщать ее Рамлеръ, освѣщалось однимъ только окошечкомъ, и Стихотворица терпѣла бѣдность, подобно многимъ людямъ отличныхъ дарованій. Король, герой великій, но слишкомъ холодный къ Нѣмецкой словесности, разговаривалъ еще о нѣкоторыхъ

рыхъ мѣлочахъ съ рѣдкою женщиной, и
 ничего особливаго въ ней незамѣшилъ.
 Не будучи знаткомъ въ разцвѣтавшей
 тогда Нѣмецкой поезіи и въ Нѣмецкомъ
 языкѣ, а единственно прилѣпившись ко
 Французскому вкусу, онъ не могъ цѣ-
 нить піишическаго ея достоинства.
 Однакожь обѣщался построить для
 нее домикъ, наспроивши уже въ Попсда-
 мѣ и въ Берлинѣ множество домовъ
 для людей совсѣмъ ничего незначу-
 щихъ. Но обѣщанная постройка, отъ
 которой наша Спихотворица вѣрно
 не была бы счастливѣе, какъ то остано-
 вилась, и великій Король, самъ писав-
 шій стихи (на чужомъ языкѣ), послалъ
 къ жившей на чердакѣ Германской Сафѣ
 пятьдесятъ талеровъ!

Споль малая сумма была Царскимъ
 даяніемъ въ сравненіи съ другимъ подар-
 комъ, посланнымъ къ Спихотворицѣ,
 когда напомнила она о постройкѣ обѣ-
 щаннаго домика. Король пожаловалъ три
 талера. Бѣдная Спихотворица должна

была принять ихъ, и отвѣчала Фридриху веселыми, замысловатыми стихами. Потомъ, еще получивши отъ Короля два талера, отослала уже ихъ назадъ при слѣдующихъ стихахъ :

Zwei Thaler gibt kein grosser König,
Die machen nicht mein Glück;
Nein, die erniedrigen mich ein wenig,
Dum schick ich sie zurück.

(Великіе Короли не жалуютъ по два талера, копорые не дѣлаютъ меня счастливою, а только унижаютъ. Отсылаю ихъ обратно.)

Съ Нѣм.

АНЕКДОТЫ О СКУПЦАХЪ.

Не задолго передъ симъ въ Лондонѣ умеръ на шестъдесять шестомъ году жизни одинъ Прокурорскій писецъ, человекъ необыкновенный по своей скупости, оставившій по себѣ великое богатство. Онъ былъ холостъ и нелюбилъ

женщинъ; никогда не смѣялся; никогда не покупалъ и не заказывалъ себѣ плашья, а донашивалъ вепошь, по наслѣдству доставшуюся ему послѣ дяди, такого же скряги; самъ починивалъ башмаки свои; носилъ парики самые вѣшкіе; въ послѣднія пять лѣтъ никого не впускалъ въ свою спальню; вмѣсто носовато плашка употреблялъ бумагу; самъ готовилъ себѣ пищу, обыкновенно всему предпочитая свиное сало. Чѣобы даромъ не пропадала кожа, онъ изрѣзывалъ ее въ тонкіе ремни, и перевязывалъ ими башмаки свои: скоро однакожь принужденъ былъ отказаться отъ сего выгоднаго обыкновенія, потому что собаки не давали покоя ногамъ его. Кошку свою кормилъ онъ самымъ страннѣйшимъ образомъ: напиралъ ее кожею свиного сала, и бѣдная шварь должна была слизывать липшапельныя часпицы, чѣобы не умереть отъ голода. Богатое наслѣдство послѣ ешаго скряги получили его родственники.

Въ Дублинѣ жилъ одинъ холостой старикъ 83 лѣтъ, достопамятный по странности своей, по скупости и богатству. Въ молодости научившись бочарному ремеслу, онъ отправился въ Америку, и тамъ нашелъ дядю своего, которой обладалъ несмѣльнымъ богатствомъ, такъ что былъ въ состояніи за дочерью дать въ приданое 200,000 фунтовъ стерлинговъ. Племянникъ, шествуя по слѣдамъ дяди, успѣлъ и самъ нажить 300,000 ф. с. Съ симъ богатствомъ возвратился въ Ирландію, но неперемѣнилъ своего образа жизни: какъ прежде, былъ сурогу къ себѣ и къ другимъ, во всемъ отказывалъ себѣ, терпѣлъ ужасную нужду въ пищѣ и въ одеждѣ. Любовь, жалость, житейскія выгоды были ему совсѣмъ неизвѣстны.

На канунѣ смерти его одинъ изъ знакомыхъ прислалъ къ нему врача. Скупецъ принялъ его ласково; но вспомнивши, что за лѣчение надобно заплатить деньги, сказалъ съ досадою: „Господинъ докторъ! я имѣю весьма крѣпкое

сложеніе; увѣренъ, что болѣзнь моя ни мало неопасна, и что могу самъ себя вылѣчить: но чтобы не огорчить приятеля, опъ котораго вы ко мнѣ присла- ны, соглашусь принять вашу помощь, ежели только неспанете дорожиться. Прошу объявить цѣну за труды ваши до совершеннаго моего выздоровленія.“ Докторъ запросилъ восемь гиней; больной ужаснулся. Послѣ долгаго спора дѣло кончено на шести гинейхъ съ половиною. Докторъ тотчасъ принялся лѣчить, написалъ рецептъ, и старикъ на другой день умеръ.

Имѣя много бѣдныхъ родственни- ковъ, онъ ничего имъ не оставилъ, а за- вѣщалъ все богатство свое одному жи- вущему въ Индіи богатому семейству, возложивъ на него обязанность выдавать престарѣлому своему служителю по 4 ф. с. ежегодно. „Сими деньгами“ ска- зано въ завѣщаніи „проведетъ онъ по- слѣдніе дни свои въ счастливой независи- мости.“

Передъ симъ лѣтъ за десять умеръ въ Парижѣ одинъ скупецъ, также весьма странный. Онъ торговалъ съѣстными припасами, копорые получалъ изъ Прованса, своего отечества. Съ приходящими покупателями иначе не сносился онъ какъ письменно: надлежало подсунуть подъ дверь записку, на которую онъ немедленно давалъ отвѣтъ такимъ же образомъ. Никто не могъ войти въ его комнату, копорой двойныя двери запирались множествомъ замковъ, задвижекъ и скобокъ. Онъ неимѣлъ ни жены, ни служителя, и самъ опправлялъ домашнія работы. Каждой разъ, читавши въ газетахъ, что „молодая дѣвушка желаетъ опредѣлиться въ домъ къ одинокому человѣку,“ тотчасъ ходилъ освѣдомляться; но, кажется, ни одна ему не понравилась, ибо до смерти своей оставался одинокимъ. Онъ издерживалъ самую малость, не болѣе 10 су въ день. Сосѣди замѣтили, что скупецъ нѣсколько дней сряду не выходитъ

изъ дому, постучались, призывали полицейскаго чиновника и слѣсаря; выломали двери и нашли хозяина мертвымъ. Онъ сидѣлъ у открытаго сундука; руки его лежали на мѣшкахъ съ золотомъ: шѣло уже поршилось. Кромѣ золота и серебра, которыми наполненъ былъ сундукъ, найдено дорогихъ камней на 80,000 франковъ. Пуговицы кафтана его были четверные Испанскіе пистоли, каждой въ $3\frac{1}{4}$ франка, а воротникъ весь набитъ былъ двойными луйдорами. Наслѣдство досталось сестрѣ его.

Съ Франц.

КРАТКІЕ АНЕКДОТЫ.

Лудовикъ XIV, показавши Поепу Боало стихи своего сочиненія, пребо-
валъ, чшобы онъ чистосердечно объявилъ
свое мнѣніе. „Ваше Величество“ отвѣ-
чалъ Боало „захопѣли написать дурные
стихи, и написали ихъ; ешо доказы-

ваелнъ , чшо для васъ , Государь , нѣшъ
ничего невозможнаго.“

*

Фридрихъ II , Король Прусскій , ка-
ждому новому солдапу своей гвардіи
обыкновенно дѣлалъ слѣдующіе три во-
проса : „Сколько тебѣ лѣтъ ? — Давно
ли ты въ моей службѣ ? — Исправно ли
получаешь жалованье , и мундирныя ве-
щи ?“ — Одинъ молодой Французъ , не
знавшій понѣмецки ни одного слова ,
записанъ былъ въ шѣлохранищели. До-
гадливый Капитанъ заблаговременно ве-
лѣлъ ему вышвердить при опвѣща на
вопросы Королевскіе. Солдапъ выучилъ
ихъ и въ надлежащее время явился пе-
редъ Фридрихомъ , которой прошивъ сво-
его обыкновенія началъ со втораго вопро-
са : „Давно ли ты въ службѣ ?“ — Двад-
цать одинъ годъ , Ваше Величествво. —
„Можно ли ! Сколько тебѣ опъ роду
лѣтъ ?“ Только одинъ годъ , по Высочай-
шей волѣ Вашего Величества. — „Мы
или не понимаемъ другъ друга , или оба

сошли съ ума.“ — И то и другое, Ваше Величество. — „Отъ роду въ первой еще разъ слышу,“ сказалъ Король „что меня называютъ безумцемъ, и при томъ тогда какъ все войско находится въ моихъ повелѣнiяхъ!“ — И предложилъ солдапу новые вопросы. Французъ отвѣчалъ на своемъ языкѣ, что онъ понѣмецки не знаетъ болѣе ни одного слова, кромѣ того, что выучилъ. Фридрихъ разсмѣялся, и весьма ласково посовѣтовалъ ему учиться языку, употребляемому въ Пруссiи, и быть исправнымъ солдапомъ.

*

Въ нѣкоторой Курляндской деревнѣ на господскомъ дворѣ сгорѣла рига. Послѣ пожара нашли въ золѣ оставшіяся кости, но чьи онѣ были, никто не могъ догадаться до тѣхъ поръ, пока не узнали, что работникъ, которому поручено было напавливать ригу, пропалъ безъ вѣсти. Всѣ заключили, что сей несчастной сдѣлался жертвою пламени; собрали кости, сложили въ гробъ, и съ обыкновенными обрядами предали ихъ

землѣ. — Спустя нѣсколько времени, когда уже забыли о печальномъ происшествіи, работникъ являеиъся. Можно себѣ представишь, какое впечатлѣніе произвелъ сей случай. Всѣ изумляются, не вѣряиъ глазами своимъ, думаяиъ, что видяиъ передъ собою выходца изъ другаго свѣта; однакожъ работникъ доказалъ, что напрасно считали его погибшимъ: онъ объявилъ, что боясь наказанія за свою неоспорожностъ, бѣжалъ изъ господскаго дома, и спранспвовалъ по разнымъ деревнямъ. Кого же похоронили? Волка, котораго за день до пожара убилъ работникъ, и спряпалъ въ ригѣ. Едва ли удостоился какой-нибудь другой волкъ погребенія споль почтеннаго!!

Одинъ барабанщикъ Швейцарскаго полку, расположеннаго въ Сеншѣ, почитался славнѣйшимъ обжорой. Капишанъ его, которой гордился, имѣя въ числѣ своихъ подчиненныхъ человекъ съ такимъ рѣдкимъ шаланпомъ, однажды раз-

сказывалъ о немъ чудеса нѣкоторому Французскому офицеру. Видя, что сей недовѣряетъ, Капитанъ предложилъ, не угодно ли удариться о двадцати пияши, луидорахъ, что барабанщикъ за однимъ разомъ съѣстъ шеленка. Офицеръ согласился. Капитанъ увѣдомилъ о томъ своего обжору. „Ахъ, ваше благородіе!“ отвѣчалъ барабанщикъ: „шеленка съѣстъ не бездѣлица. Но когда уже вы ударились объ закладъ, я готовъ на все рѣшиться.“ Офицеръ приказалъ въ одномъ изъ лучшихъ пракпировъ приготовить цѣлаго шеленка въ множествѣ разныхъ блюдъ, принапѣйшихъ для вкуса. Насупилъ часъ опыта. Простодушной барабанщикъ опорожнилъ нѣсколько блюдъ, ожидая, пока подадутъ цѣлаго шеленка, и думая, что его забавляютъ лакомствомъ для препровожденія времени. Наконецъ, съѣвши уже при четверти своей порціи, говоритъ Капитану: „Ваше благородіе! не пора ли приниматься за дѣло? Если съѣмъ еще столько ешихъ

мѣлочей, но со всѣмъ моимъ усердіемъ едва ли успѣю избавить васъ отъ проигрыша.“ Французской Офицеръ доволенъ былъ симъ опытомъ, и тотчасъ опсчиталъ Капитану двадцать пять луидоровъ.

*

Г. Борровъ въ описаніи своего путешествія въ Кипай рассказываетъ слѣдующій анекдотъ объ одномъ Кипайскомъ Принцѣ :

„Молодой Принцъ крови почти каждой день приходилъ въ залу дворца Іуен - мин - іуенъ, гдѣ мы выкладывали подарки, назначенные для Императора. Нѣсколько разъ просилъ онъ меня показывать ему золотыя часы, бывшія у меня въ карманѣ. Въ одно утро тамошній Миссіонеръ, пришедши ко мнѣ, спросилъ отъ имени Принца, не намѣренъ ли я продать часы свои, и что хочу взять за нихъ. Я отвѣчалъ, что вещь ещѣ подарена мнѣ моимъ другомъ и что не могу лишиться ее, а постараюсь для Принца достать у нашихъ масте-

ровъ другія чабы, которыя въ добротѣ
будутъ не хуже моихъ. Скоро потомъ ска-
зали мнѣ, что Его Высочество самъ гово-
рилъ съ масперами, и что цѣна показа-
лась ему очень дорогою. На другой день
по утру являеяся другой посолъ отъ
Принца, и предлагаетъ мнѣ за часы — пол-
фунта чаю, шелковой кошелекъ и нѣсколь-
ко стеклянныхъ бездѣлокъ. Я просилъ его
отнести обратно къ Принцу сіи знаки его
щедрости, и Миссіонеръ едва согласился,
опасаясь гнѣва Его Высочества. Возвра-
щаясь во Дворецъ, лишь только донесъ
онъ о худомъ успѣхѣ своего посольства,
какъ великодушный Принцъ захотѣлъ
посмотрѣть его собственныя часы, и
объявилъ, что въ знакъ своего милоспи-
ваго расположенія къ Миссіонеру прини-
маетъ отъ него сей подарокъ. Бѣдной
монахъ долженъ былъ не только лишиться
часовъ, но на колѣняхъ благодарить
Его Высочество за такую милость. Спу-
стя нѣсколько дней, узналъ я отъ Мис-
сіонера, что Кишайскій Принцъ болѣе

дюжины часовъ приобрѣлъ такимъ похвальнымъ образомъ.“

*

Фридрихъ Великій проѣзжалъ черезъ одну деревню. Тамошній пасторъ, любившій словесныя науки, вздумалъ привѣтствовать знаменишаго поѣшителя; но опасаясь, чтобы Монархъ, и безъ того уже упомянутый похвалами въ стихахъ и въ прозѣ, не пропустилъ мимо ушей сельского привѣтствія, рѣшился проѣхать передъ нимъ стихи своего сочиненія. Изумленный Король слушалъ Поеша съ такимъ удовольствіемъ, которое показывало, что стихи ему нравились, и по окончаніи пѣнія сказалъ: *Bis!* (еще разъ.) Пасторъ повторилъ, и еще съ большимъ искусствомъ. Фридрихъ Великій, въ знакъ благоволенія своего, приказываетъ отсчитывать Поешу пятьдесятъ червонцевъ. Догадливый пасторъ кланяется низко, въ свою очередь восклицаетъ: *Bis!* и получаетъ еще столько же.

*

Фельдмаршалъ Князь Блюхеръ, въ Аженъ, вошелъ въ концертную залу. Въ то время правая рука его, вывихнутая незадолго передъ тѣмъ въ Парижъ, прикрыта была распоротымъ рукавомъ мундира. Нѣкоторой чужестранецъ, ничего не знавшій о неприяномъ приключеніи, спросилъ своего сосѣда „что сдѣлалось съ рукою Блюхера?“ — Онъ ее вывихнулъ. — „Нечему дивиться!“ — хладнокровно отвѣчалъ чужестранецъ: „кто столько разъ билъ Французовъ, кто сильнаго Наполеона зашвырнулъ изъ Брисселя на островъ Св. Елены; кому неспрудно было вывихнуть себѣ руку. Долго ли до бѣды!“

КОНЕЦЪ II ЧАСТИ

Въ I Томѣ на стран. 25 въ строкѣ, 17 й читать должно: ему не столько суровою.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Предчувствіе , или Графъ Загород- скій и Яшка Кривошея. Спра- ведливая повѣсть. - - -	3
Сплинь , или долина Лаупербруннь. Повѣсть. - - -	77
Абу-Джафаръ - Алмаизоръ , или Спо- собъ познавать людей. По- вѣсть. - - -	129
Фамильный портретъ. Анекдотъ.	168
Починапель добраго здоровья. Анек- дотъ - - -	186
Двѣ вдовы. Повѣсть. - - -	198
Списокъ друзей. Анекдотъ. - -	222
Истинная дружба. Анекдотъ. -	228
Омаръ Бенъ Алкаттабъ , второй Калифъ Мусульмановъ. Исто- рическій анекдотъ. - -	235
Сшранная причина развода. Анек- дотъ. - - -	244

Странныя похороны и завѣщанія.

Анекдоты. - - - -	251
Уборной столикъ. Анекдотъ. -	259
Герцогъ Шуазель и Іезуиты. Истори- ческий анекдотъ. - -	267
Фридрихъ Великій и Стихотворица Каршинъ. Анекдотъ. - -	270
Анекдоты о скупцахъ. - - -	273
Краткіе анекдоты. - - -	278

Странныя похороны и завѣщанія.

Анекдоты. - - - -	251
Уборной споликъ. Анекдотъ. -	259
Герцогъ Шуазель и Іезуиты. Истори- ческий анекдотъ. - -	267
Фридрихъ Великій и Стихотворица Каршинъ. Анекдотъ. - -	270
Анекдоты о скупцахъ. - - -	273
Краткіе анекдоты. - - -	278

Kačénovskij, Michail T.

Pověsti, anekdoty i směs'

Bd.: 2 (1819)

Moskva 1819

P.o.russ. 144 f-2/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610239-2